

A portrait of Yuri Luzhkov, an older man with a receding hairline, wearing a grey suit, white shirt, and patterned tie. He is smiling slightly and looking towards the right. The background is a wood-paneled office with a desk and stacks of papers.

Юрий Лужков

О городе,
о мире,
о себе

The book cover features a large, white, serif title 'ТАЙНА ГОСТИННОГО ДВОРА' overlaid on a photograph of a grand, classical building with a long colonnade of white columns. The building is illuminated at night, and a few people and a bus are visible on the street in front of it.

ТАЙНА
ГОСТИННОГО
ДВОРА

Юрий Лужков

ТАЙНА
ГОСТИНОГО
ДВОРА

О городе, о мире, о себе

Статьи и очерки

МОСКВА
ОЛМА Медиа Групп
2006

УДК 32
ББК 66.2
Л 836

Составители *М. Щербаченко, В. Корецкий*

Предисловие *М. Щербаченко*

Фото *С. Берменьева*

Оформление переплета и суперобложки *А. Шпакова*

В книге собраны статьи и очерки Ю. М. Лужкова, ранее опубликованные в газетах: «Московский комсомолец», «Российская газета», «Комсомольская правда», «Известия», «Труд» и журнале «Стратегия России».

Лужков Ю. М.
Л 836 Тайна Гостиного Двора. О городе, о мире, о себе: Статьи и очерки. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006. — 222 с.: ил.
ISBN 5-373-00603-3

О чем бы ни писал Юрий Лужков - о проблемах развития Москвы, о месте России в современном мире, о перипетиях собственной судьбы, — он никогда не рассматривает тему изолированно, вне своего характерного системного подхода. Поэтому его размышления всегда объемны, глубоки и увлекательны. Представленные в книге статьи и очерки московского мэра, опубликованные в последние годы в центральной и московской периодике, открывают возможность увидеть спектр интересов и понять логику рассуждений широко известного человека.

УДК 32
ББК 66.2

ISBN 5-373-00603-3

© Ю. Лужков, текст

Наедине со всеми

Не знаю, давно ли московский мэр Юрий Лужков заполнял анкету с графой «профессия, род занятий», но думаю, что в ней, помимо известных своих функций — государственного топ-менеджера, политика, инженера-новатора, — он мог бы с полным основанием написать: «журналист, политолог». В чем и предстоит удостовериться читателям этой книги.

Согласитесь, одно дело — прочитать отдельно взятую статью (а ее, между прочим, еще надо углядеть; нынче мало кто начинает утро с просмотра пачки газет, предпочитая пролистывать одно-два издания), и совсем другое — достаточно полно представить себе спектр интересов и логику рассуждений широко известного человека. Статьи и очерки Юрия Лужкова, изданные в последние годы в центральной и московской периодике и собранные в этой книге, открывают такую возможность.

Предвосхитим вопрос, который у многих непременно возникнет: а зачем вообще московский градоначальник, который, по его собственному признанию, и деловую почту успевает читать только по ночам, тратит время и силы на сочинение статей (не говоря уж о книгах, но это другая тема)? Преодоление комплекса нерешенности как мотивацию отводим сразу, — это точно не про Лужкова. Невозможно предположить и то, что человек, являющийся уже много лет чуть ли не ежедневным ньюсмейкером для СМИ, ищет популярности или лавров публициста. Но ведь что-то им движет? Может быть, сам московский мэр даст ответ?

В поисках такого ответа я обратился к своей книге «Законы Лужкова», вышедшей четыре года назад. И нашел несколько подходящих к случаю фраз Юрия Михайловича.

«Знаешь, мне приходилось встречать ответственных работников, которые вызывали «на ковер» своих сотрудников, устраивали им порку, когда что-то не получалось, и под занавес изрекали: «Идите и думайте». Таких руководителей я на дух не выносил и клялся себе на них не походить. Слово «думай» я ценю, пожалуй, превыше других слов, но обращаю его в первую очередь к себе».

«Один наш известный политолог заявил: не дело мэра заниматься геополитическими проблемами. Мэр должен убирать улицы, обеспечивать город теплом, регулировать социальные вопросы... А я отвечу так: не нужно никого — ни мэра, ни любого другого человека — лишать права думать, сопоставлять, анализировать и делать выводы. А мой вывод прост: в этом мире все меж собой связано. Помнишь рассказ Рэя Бредбери о том, как с помощью машины времени люди перенеслись на несколько столетий назад и один из них раздавил бабочку. А когда они вернулись, оказалось, что у власти находится диктатор».

И, наконец, еще одна цитата — может быть, в данном случае главная: «Мне важно быть ясным перед самим собой».

Порассуждаем о ясности. Известинцу Анатолию Аграновскому, классику жанра публицистики, принадлежит фраза: «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает». Эту формулу, впрочем, можно перевернуть: если выражаешься туманно, значит и в голове порядка нет. И не придумано еще лучшего способа добиться отточности мысли, чем положить ее на бумагу. Даже сочиняя исключительно для себя, «в стол», ты невольно становишься своим собеседником, которого нужно в чем-то убедить. И на нем — в смысле, на себе — проверяешь свои же аргументы. Поэтому писательство как совершаемое действие всегда вольно или невольно обращено к кому-то еще, кто гипотетически может стать твоим читателем.

НА ЕДИНЕ СО ВСЕМИ

Не сомневаюсь, что Юрию Михайловичу действительно важно быть ясным перед самим собой. Другое дело, что даже руководствуясь исключительно личными мотивами, человек глубоко общественный — а Лужков, несомненно, принадлежит к этой категории — адресуется «к городу и миру», как говаривали античные греки.

Бегло пролистав эту книгу, читатель наверняка подумает об авторе: какой он все-таки разный. Тут вам украинская «оранжевая» революция и проблемы строительной отрасли, проект поворота рек и видеопиратство, архитектурный стиль и российско-японские отношения, аграрная политика и правовые аспекты Интернета... Куда уж разнообразнее.

Но прочтите книгу внимательно, и у вас возникнет суждение иное — автор, однако, цельный. О чем бы ни писал, какое бы явление ни анализировал, какой бы стратегический прогноз ни обнародовал, он никогда не рассматривает взятую проблему изолированно, вне своего характерного системного подхода, без обобщения фактов и тенденций, имеющих отношение к пространству очередной статьи. Потому и деление книги на главы — о Москве, о месте России в мире, о внутригосударственных вопросах, о личных тревогах и фрагментах собственной судьбы — в значительной мере условно. К примеру, погружаясь в тихий омут частных воспоминаний, автор всякий раз «выныривает» посреди бурного потока общественного интереса и волнения.

Итак, зачем Юрий Лужков пишет статьи, очерки и новеллы для газетно-журнальной периодики? Причем делает это, надо заметить, в неслужбное время и без свидетелей, строго выполняя ироничную заповедь Хемингуэя, заявившего однажды, что журналистская этика состоит в том, чтобы никто никогда не видел тебя за работой.

Какие у нас версии? Пишет из интереса. Ему просто любопытно наблюдать жизнь, «копаться» в ней. Другой вариант —

Юрий ЛУЖКОВ. ТАЙНА ГОСТИНОГО ДВОРА

пишет для саморазвития. Почему нет? Каждый, кто испробовал литературное дело, наверняка подтвердит: ты работаешь над книгой, а книга работает над тобой.

Далее — весьма вероятно, что столичный мэр рассматривает свои печатные выступления в качестве компонента повседневной работы, для успешности которой очень важно взаимопонимание с москвичами, важна их поддержка. Причем особое положение Москвы — не просто столицы России, ее исторического ядра, но одного из крупнейших в мире деловых, финансовых, научных и культурных центров — ставит перед Юрием Михайловичем вопросы, требующие глобального осмысления и разъяснения — и себе, и другим.

Ощущение этой московской ответственности — отличительный стиль представленных в книге статей и очерков. В них есть все: темперамент, смелость в постановке вопросов и настойчивость в поиске ответов, независимость взгляда и проистекающая из нее нестандартность оценок. Но главное — в них очень много пропущенного через себя, выстраданного и продуманного в ситуациях, когда приходилось оставаться один на один с проблемами, от верного решения которых подчас зависели судьбы очень, очень многих людей.

И, наконец, не исключен еще один движущий стимул, сформулированный древними: пока событие не описано, его не было в природе...

Михаил Щербаченко

ПЛАНЕТА МОСКВА

«Наша задача не просто в том, чтобы сохранить для истории и потомков отдельные здания, объекты городской культуры и архитектуры. Гораздо важнее не нарушить тот культурный код, ту цивилизационную модель, которая на протяжении веков определяла развитие Москвы...

Город — как лицо человека. На лице же должны отражаться все изменения, иначе лицо превратится в посмертную маску. Нельзя забальзамировать живого человека. Это все равно что его убить. Пока он растет и развивается, к его облику будет прибавляться что-то новое. Москву, столицу, лицо нашей страны, нельзя заставить застыть, крикнув: „Остановись, мгновенье!“»

«Что такое столичный архитектурный стиль?», 2004 г.

Тайна Гостиного Двора

(Небольшой сюжет для детектив-шоу)

Россия — страна загадок, писали озадаченные иностранцы. Но интересно, что и русский люд неизменно придерживался того же мнения.

«Мы рождаемся с загадкой в сердцах и потом всю жизнь лелеем ее на собственных боках, — свидетельствовал российский губернатор М.Е. Салтыков-Щедрин. — Куда ни обернитесь, на всех лицах вы видите страстное желание проникнуть за пределы загадочной области, и в то же время на тех же лицах читаете какое-то фаталистическое осуждение: нет, не проникнуть туда никогда».

Что эта страсть к постижению загадочного жизнеустройства вовсе не нова, а идет из глубины веков, подтверждается памятниками древности. В старинных русских сказках, ежели молодой человек не отгадает как минимум трех загадок, черта с два ему отдадут невесту, не говоря уже о более ликвидном приданом. В заморских странах женихов тоже испытывали. Но там предлагали нечто более прагматичное — намолоть, скажем, за ночь три пуда зерна. И это понятно: ведь испытание должно выявить качества, необходимые будущему мужу. У нас же считалось, что для успеха в жизни мужчине требуются иные качества.

Сама жизнь на российских просторах всегда казалась столь нелогичной, так переполненной всякими несуразностями, что без способности ориентироваться в абсурдной ситуации тут просто не обойтись. Не говорю уж о вечных вопросах общественной мысли «кто виноват?» или «где деньги, Зин?» (хотя харак-

терно, что именно к ним, а не к проектам практического жизнеустройства и сегодня сводятся дебаты публичных политиков). Но и в делах более приземленных, на самых, можно сказать, узких участках российского пространства — во дворе или даже в лифте — и тут приходится прилагать недюжинные мозговые усилия, чтобы разгадать, например, кто да и как успел согнуть пополам трехдюймовую трубу-стойку качелей на детской площадке перед самыми вашими окнами, хотя ее устроили только вчера.

Вот почему, мне кажется, в нашей стране так популярны всякие детективы. Дело тут не в специфике литературных вкусов, как думают некоторые критики, а в самой народной потребности. Что в Европе развлекаловка, для нас — повседневность. Что там чтение, у нас наука. Причем настолько важная, что порой просто стоишь, что называется, с разинутым ртом (в буквальном, между прочим, смысле), и никакая мысль, никакой шерлок-холмсовский дедуктивный метод не помогает. Так стояли мы, задрав головы, в полном молчании, не в силах двинуться с места.

— Кто это сделал?

— Не знаем, Юрий Михайлович.

— Да как туда забрались-то?

— Да и забраться никак невозможно!

Несколько квадратов стеклянного перекрытия крыши только что отреставрированного Гостиного Двора были хамски поколоты.

Вам, наверное, трудно представить себе всю описываемую немую сцену, напоминавшую финал «Ревизора». Двадцать взрослых мужиков, опытных хозяйственников, перевидавших на своем веку... — да уж чего только не перевидавших! — стояли неподвижно, как фонтанные кони работы Церетели, задрав головы, в каждой из которых крутился только один вопрос: как же это удалось побить стекла на такой высоте?

ПЛАНЕТА МОСКВА

Тут, по законам жанра, автор должен сделать остановку. Поскольку участнику детектив-шоу предлагается высказать версию случившегося, постараюсь включить читателей в ситуацию. Все знают, что такое Гостиный Двор? Нет? Советую сходить посмотреть. Это наша гордость.

Это даже не двор, а скорее площадь, а точнее обстроенный по периметру целый квартал между Варваркой, Ильинкой, Хрустальным и Рыбным переулками. Там всегда был рынок. И не в каком-то либерально-метафорическом, а в самом обычном смысле. Собственно говоря, базар начинался раньше, от стен Кремля, и продолжался до Лубянки. Вначале шли верхние ряды (сейчас ГУМ), затем средние и чуть справа нижние — огражденный по периметру торговыми лавками и гостиницами двор, куда заезжали телеги с товаром, где были конские стойла и вечно шел бойкий торг. О том, насколько бойким был этот торг, можно судить хотя бы по такому факту: под древним фундаментом одной из лавок Гостиного Двора мы нашли клад времен Ивана Грозного — там было 95000 золотых и серебряных монет, как наших, так и иностранных.

Поскольку российские купцы никогда не отличались пристрастием к чистоте и порядку, то московские власти всегда воспринимали все это рыночное пространство как головную боль. Каждый новый генерал-губернатор начинал с обещания упорядочить архитектурный хаос. Гостиному Двору повезло больше других: в екатерининские времена над проектом трудился не кто-нибудь, а сам великий Кваренги; а после пожара 1812 года восстановлением руководил замечательный архитектор Бове. Москва гордилась своим Гостиным Двором. Но гордиться пришлось не вечно. С переводом в Первопрестольную столицы коммунистической империи оказалось, что нахождение чего-то позорного, а именно рынка, рядом со святыней, то есть Кремлем, идеологически недопустимо. Верхние ряды превратились в режимное место (туда

вообще никого не пускали), а нижние, оставшись бесхозными, — в хаос.

Поскольку в этом районе запрещалось строить жилье, на опустевшее место, как кусочки космического мусора, стали слетаться фрагменты советских контор. Какие-то бухгалтерии, дирекции, склады и прочие оторвавшиеся от своих учреждений частички административных пространств размещались тут с той прихотливостью, на какую способно только плановое хозяйство с тыльной стороны. Добавьте сюда пристройки, времянки, наружные лестницы и мусорные кучи — и вы поймете, какое бессилие ощущали советские руководители, посещавшие это место с намерением разобраться. Во всяком случае, ни приезжавший сюда Е.К. Лигачев, ни первый секретарь горкома Б.Н. Ельцин так и не оставили нам в наследство никакого решения.

Как говорил герой не помню какого рассказа, «это был не бардак, а пожар в бардаке» (извините за лексику, но цитирую по памяти). Мы издали распоряжение — расселить всю эту воронью слободку. То была муторная работа: подыскивали помещения, уговаривали, соблазняли. И вот, когда наконец все рассчитили и проект реставрации был почти готов — именно в этот момент возникла идея: а не перекрыть ли весь гигантский внутренний двор стеклянным потолком? Запросили охрану памятников — там вроде не возражали. Спросили инженеров, те говорят: сложно, но можно.

Дальше все пропускаю — как искали деньги, как строили, как спорили — и подхожу к тому моменту, когда все это осталось наконец позади. Завтра открытие.

Мой рассказ начинается именно в этот момент.

Но почему? Нет, это я вас спрашиваю: почему вандалов так возбуждают именно новые, свежие, девственные вещи? Ведь такое случается чуть ли не каждый день: где-то закончили ремонт фасада — тут же кто-то швырнул случайно не убранную банку

ПЛАНЕТА МОСКВА

с краской. Поставили новый памятник — сразу же начинается соревнование «кто больше отколет» (гранита, имею в виду). Открыли станцию метро — на другой день стеклянные двери побиты.

Мы обычно называем все эти случаи вандализмом, думая, что таким определением проясняем проблему. На самом же деле в наших условиях так называемый вандализм представляет собой сложное психологическое явление, для борьбы с которым одними антивандальными мерами не обойтись. Тут нужна наука: психологи, кафедры, диссертации.

Основной постулат этой науки может, по-моему, заключаться в том, что вовсе не всякая вещь возбуждает вандала. Согласно моим наблюдениям, ему редко хочется добить уже поломанное, ликвидировать подчистую. Скульптура с оторванной рукой оставляет его равнодушным. Он не может смотреть спокойно как раз на новое, непопорченное. А это заставляет предполагать, что он рассматривает свою деятельность не столько как разрушение, сколько как творчество. Он, можно сказать, доводит действительность до кондиции. Лампочка в лифте не должна изначально отсутствовать — это воспринималось бы как непорядок. Она должна не гореть.

Второе качество вандализма — конечно же, анонимность. Все творится у вас под носом, и в то же время никак не удастся поймать нарушителя. Но кто нарушитель-то? По лености ума мы все время грешим на подростков. Они действительно многое портят. Но наиболее опытные и наблюдательные психологи утверждают, что авторы бытовых вандалистских акций — нередко именно взрослые, которые производят такие действия «от настроения», как бы «в оттяжку», «не помня себя». Впрочем, и эту гипотезу нельзя назвать исчерпывающей. Немалая часть вандалистских действий требует такой силы, ловкости, специального навыка, что сама собой возникает мысль о пришельцах. В этом

нет ничего удивительного: насколько знаю, чем-то похожим закончили и исследователи анекдотов. Не в силах разыскать авторов, они втайне (об этом не пишут) согласились с гипотезой, что анекдоты заносят из космоса.

Наконец, третье важнейшее качество бытового вандализма — бескорыстие. Если где-то стащили бортовой камень, чтобы свезти на дачу, это не вандализм, а хищение. Или когда с подъездов свинчивают дверные ручки, или в тех же лифтах заменяют хорошие лампочки на сгоревшие, это не хулиганство, а прагматизм. Истинный вандал бескорыстен. Он тратит энергию, время, иногда даже рискует жизнью ради чистого результата — испортить то, что своей новизной раздражает глаз. Это скорее требование определенного душевного соответствия. Ему надо привести внешнюю среду в соответствие с травмированной психикой, или, как говорил профессор Преображенский, «разрухой в головах».

Я мог бы еще долго размышлять об особенностях русского вандализма, но боюсь уйти от сюжета нашей литературной игры, называемой детектив-шоу. Ну как, знатоки, догадались, кто раздолбал стеклянную крышу в Гостином Дворе? Тогда проверяйте ответ. А выяснилось вот что.

Стоило ремонтным службам заменить побитые стекла на целые, как громадная стая ворон стала собираться на крыше. Действительно ли их, как и прочих вандалов, раздражала ее новизна — не знаю, фантазировать не хочу. Но только, обнаружив новинку, каркуши стали летать над стеклянной площадкой, делая в воздухе разнообразные фигуры высшего пилотажа, кричали, базарили, колобродили. Потом, отлетав свое, затихли.

А дальше стало происходить вот что.

Стая уселась по кругу, как на стадионе. В центре пустое пространство. На передних рядах — молодые вороны. Так, по крайней мере, рассказывали очевидцы из службы охраны. Они на-

ПЛАНЕТА МОСКВА

блюдали непосредственно с крыши. Мое дело — повторить их рассказ.

И вот одна старая... Ну, не ворона, конечно, — тут мы попадаем в ловушки русского языка, который определяет всю эту популяцию в женском роде, словно мечту феминисток. На самом деле, свидетельствуют орнитологи, в плане сексуальной ориентации у них все в порядке.

Так вот, один старый... так скажем, «вороний петух» берет в клюв (или в лапы, бывало по-разному) довольно увесистый камень, взлетает с ним высоко-высоко, примеривается — и оттуда, как бомбу, бросает на новенькую, только что отремонтированную стеклянную крышу, целясь в центр стекольного квадрата. А это примерно метр на метр.

Бах! Снаряд попадает в металлическое перекрестье.

Ноль реакции. Публика недовольно молчит.

Затем вторая попытка. Камнеметатель снова берет бомбу. Вновь взлетает. Кидает и — бац! Камень попадает в центр стеклянного квадрата. Стекло трескается, летят осколки. И тут весь стадион взрывается! Публика хлопает крыльями и кричит: «Гол!!!»

И так несколько раз.

Это было настоящее спортивное мероприятие. Охранники свидетельствовали: вороны возбуждались лишь в том случае, когда видели расколотое стекло. Они оценивали именно результат. И выражали спортивный азарт, точно как наши фанаты: истошно каркали, хлопали крыльями и подпрыгивали на свой вороний манер.

Разумеется, служба охраны не могла долго вести орнитологические наблюдения. Ворон разогнали. Но каждый раз, обнаружив, что все стекла целы, они вновь собирались в огромную стаю с намерением повторить спортивные мероприятия. Мириться с этим мы, конечно, никак не могли.

Но прежде чем рассказать, как удалось отвадить крылатых вандалов, хотел бы сделать еще одно отступление. Скажите, уважаемые знатоки, если бы нечто подобное произошло не в престижном, а в самом обычном московском дворе, каких у нас тысячи, — стал бы кто-нибудь устранять последствия? По-моему, нет. Скажу больше: вообще не заметил бы, не обратил бы внимания на какие-то треснутые стекла. Потому что сегодня помимо проблемы вандализма мы сталкиваемся с другой, не менее важной проблемой — терпимости к вандализму. С таким отношением к жилому пространству за порогом квартиры, при котором подобных вещей просто «не видим». Не видим ни поврежденных стен, ни отбитых углов, ни выбоин керамической плитки, ни искаленной лестницы, ни взломанных почтовых ящиков, ни изувеченного домофона, ни ободранной двери, ни вездесущих надписей, ни окурков, ни бутылочных осколков, ни целлофановых мятых пакетов... Надо ли продолжать?

Не замечаем той порчи, что заполняет жилую среду, словно некий архитектурный декор, призванный «украшать» унылую бытовую застройку. Впрочем, не о красоте сейчас речь, а об отчужденности. О таком отношении к окружающему, когда все, что находится за дверью квартиры, — чужое, «иное», не свое. Сегодня во всех безобразиях винят коммунальные службы. И это правильно. Их давно пора реформировать. Но для того чтобы это проделать, одной чиновничьей власти мало. Нужна другая, встречная сторона — сам потребитель, который смог бы выступить хозяином и заказчиком. И тут вся загвоздка.

Мы много говорим о реформе ЖКХ. Московское правительство высказало свою позицию: нельзя сводить ее к стопроцентной оплате. Не только потому, что население, попросту говоря, не потянет. А потому, что такая, с позволения сказать, реформа вообще ничего не решит. За грехи плохо работающих организаций будут расплачиваться ни в чем не повинные люди.

ПЛАНЕТА МОСКВА

Однако если город намерен и дальше дотировать коммунальную сферу, то в чем, спросите вы, суть реформы? Отвечаем: в создании конкурирующих служб и дотировании через потребителей. То есть деньги пойдут не коммунальщикам напрямую, а вначале жильцам, на целевые счета. Чтобы вы сами платили тому, кто работает лучше, качественней и надежнее.

Но для того чтобы вся эта схема сработала, необходимо одно условие: изменить отношение человека к городу, преодолеть безразличие к тому, что его окружает. Ваше отношение. К вашему городу. Вот такая цепочка, она же загогулина, она же, как говорил А.П. Чехов, запендя.

Утопия, скажете? А практически нет. В самых, казалось бы, безнадежных домах находятся инициативные люди. Мы предлагаем: давайте работать вместе. Сделаем ваш подъезд чистым и безопасным. Проведем ремонт с помощью города, организуем охрану, обустроим место дежурного — телефон, домофон, дистанционное открывание дверей — и поможем оплачивать.

Там, где это проделано, картина меняется радикально. Вдруг оказывается, что жители готовы принять участие в поддержании порядка. Укрепляются добрососедские связи, возникают различные формы самоорганизации. Люди готовы взять на себя контроль за расходом воды и энергии. А значит, мы можем отдать им муниципальные деньги (которые все равно тратим на этот дом), доверить распоряжение дотациями. Пусть сами заключают договора, поддерживая конкуренцию обслуживающих организаций.

Так шаг за шагом используется потенциал населения. А население у нас фантастическое. Надо только чуть-чуть подтолкнуть инициативу, помочь расстаться с «совковой» идеей, что все дадут в готовом виде. Тогда человек, осознавший себя частным собственником, соединенным с соседями общей судьбой, начинает активно обустраивать окружающую среду, укреплять терри-

Юрий ЛУЖКОВ. ТАЙНА ГОСТИНОГО ДВОРА

ториальные связи. А дальше — цепная реакция. Кто-то видит, что соседний подъезд обустроен, и уже не хочет терпеть разруху в своем.

Развитие города не может осуществляться только усилиями, идущими сверху вниз. Необходима встречная сторона — сами москвичи, видящие город не в глобальной, а в бытовой перспективе, от двора, от подъезда. Чтобы понятие «мой дом» не кончалось порогом квартиры. Чтобы подъезд, двор, улица — все стало «своим». А значит, возникло желание обустраивать придомовую территорию по собственному усмотрению — вмешиваться, контролировать, помогать.

И это, уверяю вас, не просто муниципальная проблема. Это начало гражданского общества, если уж на то пошло. Демократия, выборы — конечно, необходимы, но не они определяют реальный уход от тоталитаризма. Основная битва за новое общество начинается здесь.

— А что же вороны? — спросит нетерпеливый читатель.

Ах да, вороны... Да все очень просто. Поставили на крыше специальные излучатели, отпугивающие птиц, и те больше не возвращались...

«Московский комсомолец», январь 2004 г.

В ожидании предсказанной катастрофы

Термин «проблема года» стал широко известен не так давно. На рубеже XXI века. Весь мир был неожиданно охвачен поиском ответа на вопрос, как переживут наступление 2000 года компьютерные системы, регулирующие в современную информационную эпоху различные общественные и экономические процессы, а также ключевые системы жизнеобеспечения и безопасности.

По поводу «проблемы 2000 года» до сих пор идет спор. Многие полагают, что ее вовсе не было или по крайней мере масштабы возможных бедствий были сильно преувеличены. Другие считают, что время, деньги и нервы, потраченные человечеством в конце 90-х годов на смену цифр в календаре, как раз и сыграли главную роль в том, что «проблема 2000 года» не заявила о себе во всю мощь. Мировая экономика не остановилась, стратегические системы вооружений не вышли из-под контроля, самолеты не упали, информационное общество не погубило.

Как бы там ни было на самом деле, но поговорку «лучше перебдеть, чем потом расхлебывать» никто не отменял. Однако о пресловутой «проблеме 2000 года» я вспомнил лишь для того, чтобы поговорить о других проблемах подобного рода, более близких нам.

Не будет преувеличением сказать, что все последние годы мы живем в ожидании «предсказанной катастрофы». Каждый раз в «проблеме года» меняется только календарная цифра, а суть дела остается прежней.

Это нарастающая и прогрессирующая изношенность всей национальной инфраструктуры — экономической, транспортной, жилищной, коммунальной, энергетической.

Несколько лет назад даже звучали предупреждения о «проблеме 2003 года». Предполагалось, что именно на тот год придется массовое и обвальное выбытие основных фондов и инфраструктурных объектов. Прогноз не оправдался только потому, что запас прочности еще советской инфраструктуры оказался чуть-чуть больше.

Главное именно в этом «чуть-чуть». Год от года страховочный остаточный ресурс сокращается. Системного и тотального обрушения инфраструктуры пока не произошло, хотя свою дозу катастроф и аварий подобного рода мы каждый год все равно получаем. Достаточно вспомнить только о наиболее громких техногенных авариях последнего года — взрыве на энергетической подстанции «Чагино» в Москве или обрушении крыши бассейна в городе Чусовой Пермского края.

Кстати говоря, самая серьезная катастрофа последних лет — трагедия «Трансвааль-парка» — по большому счету имеет те же самые корни. Только там одной из главных причин происшедшего стала не изношенность трансформаторов или коррозия металла, а аналогичная, но одновременно и более глубокая и фундаментальная вещь — «изношенность» строительных нормативов, «устаревание» и неадекватность сегодняшним требованиям государственных механизмов контроля и надзора за строительством.

Эта последняя проблема в настоящее время действительно оказывается ключевой и сразу по нескольким причинам. Прежде всего сегодня на государственном уровне вопрос «истечения срока годности» национальной инфраструктуры начинает наконец не только осознаваться, но и решаться. Именно на его решение сориентирована вся система национальных проектов. На

ПЛАНЕТА МОСКВА

это направлена сама идеология приоритетных программ национального развития, инвестиций в будущее, инвестиций в человека.

Если присмотреться, то все современные долгосрочные государственные программы и проекты имеют совершенно четкий «строительный» оттенок.

Во-первых, в рамках национального проекта «Доступное жилье» запланировано удвоение к 2010 году объемов ежегодного жилищного строительства до уровня 80 млн кв. м в год. Важнейшей составляющей проекта «Доступное жилье» является масштабное обновление коммунальной инфраструктуры и строительство инженерных коммуникаций. Большую актуальность приобретает и обновление энергетической инфраструктуры.

Наш московский опыт также свидетельствует: вслед за реализацией проекта «Доступное жилье» на повестку дня по всей России очень скоро встанут и вопросы массового социального строительства — современных детских садов, школ, поликлиник, офисных и торговых центров, технологичных гаражных комплексов, иных объектов повседневной инфраструктуры, то есть всего того, что вместе с жилищным строительством формирует комплексную среду проживания, полноценное пространство жизни для горожан.

Некоторые из этих вопросов уже сегодня вошли в заявленные президентом долгосрочные национальные проекты. Например, в рамках проекта «Здравоохранение» по всей России будет реализована программа строительства крупных современных медицинских центров.

С другой стороны, самые разные отрасли отечественной экономики уже охватывает массовое промышленное строительство. В 2006 году стартовал проект создания экономических зон нового типа — промышленно-сборочных и инновационных.

Крупные города начинают пересматривать принципы размещения производственных предприятий, планировать их вывод из центров городов, возведение новых масштабных промышленных зон. В Москве подобная стратегия реализуется в рамках проекта «Пром-Сити».

В негосударственном секторе экономики также ведутся или запланированы производственные стройки самого разного масштаба на миллиарды долларов и миллионы квадратных метров общей площади. Во многих случаях речь идет о возведении уже не типовых проектов, которыми нас так щедро одарила эпоха советских строек, но и объектов с уникальными характеристиками — по своим функциям, по своему местоположению, по проектным решениям, технологиям и материалам.

Государственные задачи освоения различных районов страны (например, Восточной Сибири), создания новых транспортных коммуникаций, формирования инновационных зон в скором будущем могут потребовать строительства в стране не только отдельных объектов, но и, чего уже давно в России не было, строительства целых новых городов. Причем строительства современного, нетипового, в достаточно сложных природных условиях.

Перечисление можно продолжать. Но очевидно главное — у нас сегодня, в буквальном смысле слова, строится новая Россия.

Казалось бы, ситуация ясна. Задачи поддержания изношенной советской инфраструктуры и ее модернизации, нового промышленного и социального строительства требуют от государства существенного усиления системы государственного контроля и надзора в строительной сфере.

Однако на практике все происходит наоборот. Причем до такой степени наоборот, что я совершенно серьезно готов обозначить «проблему 2007 года». Менее чем через год нас может ожидать хаотичное и непредсказуемое по своим последствиям разрушение всей системы организации строительства. И време-

ПЛАНЕТА МОСКВА

ни, чтобы остановить этот процесс, остается все меньше и меньше.

Складывается в какой-то степени уникальная ситуация. Убедившись на примере 1990-х в пагубности либеральной рыночной стихии для отечественной экономики, государство сегодня вернулось на путь усиления собственного присутствия в производственных секторах. Но псевдолиберальные идеи и принципы по-прежнему будоражат умы наших реформаторов. И в деле регулирования строительной отрасли, к сожалению, воплощаются наиболее одиозные идеи наших либералов по уходу государства из экономики. Государство, которое единственное в рыночных условиях может эффективно играть роль противовеса разного рода недобросовестным коммерческим интересам, со всех ног улепетывает от контроля и надзора за качеством и безопасностью строительных работ.

На такие мысли наводят все «реформы» в строительной сфере последних лет. В 2003 году Госдума спокойно согласилась с правительственными поправками, инициированными Минэкономразвития, об отмене лицензирования строительства, проектирования общественных зданий и сооружений и осуществления инженерных изысканий для строительства. И хотя в 2005 году очередная порция поправок в закон о лицензировании продлила срок действия лицензий в строительстве еще на 1 год — до 2007 года, правительство РФ не оставляет намерений отменить все лицензии на строительство.

За их сохранение в строительстве выступают не только эксперты и умудренные опытом чиновники отраслевых ведомств, но и сам крупный строительный бизнес, который, казалось бы, как раз должен двумя руками голосовать за снятие так называемых административных барьеров. Не голосуют. Профессионалы прекрасно понимают, что уже с 1 января 2007 года мы рискуем оказаться в ситуации, когда сотни только что образовав-

шихся «строительных» компаний без какой-либо истории и лицензии на ведение строительной деятельности будут вести строительство жилых и коммерческих зданий.

Появление в строительной сфере «дикого рынка» без лицензий будет, несомненно, усугублено еще целым рядом обстоятельств. Правительство собирается отменить не только строительные лицензии, но и фактически упразднить систему государственных стандартов строительства. Звучавшие много раз заверения о том, что на смену ГОСТам придут прогрессивные технические регламенты, могут успокоить разве что неспециалистов. Сегодня, менее чем за год до окончательного отказа от лицензий в строительной отрасли, не только не подготовлен ни один технический регламент — строительное сообщество, региональные и местные органы власти в строительстве даже не имеют четкой информации о том, на какой стадии находится этот процесс.

Ясно только то, что в строительной сфере должно быть разработано не менее 16 технических регламентов, но ни один из них на сегодня фактически не готов. Тормозится не только технологическая модернизация работы отрасли, но и создаются дополнительные условия для снижения качества строительства, недобросовестной конкуренции, деградации строительных кадров и их вытеснения непрофессиональными шабашниками.

С того же 1 января 2007 года новый Градостроительный кодекс запрещает проведение любых государственных экспертиз строительных проектов, кроме экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий, введенных этим же кодексом. Но для того чтобы осуществлять эти два типа экспертиз, государственным органам опять не хватает «чуть-чуть» — тех самых разработанных, прошедших обсуждение и утвержденных правительством РФ технических регламентов и соответствующих

ПЛАНЕТА МОСКВА

подзаконных актов федерального правительства. Порочный круг замыкается.

В этой ситуации мы можем столкнуться с резким всплеском числа трагических случаев в строительстве и в последующей эксплуатации объектов, на фоне которых трагедии «Трансвааль-парка» или Чусового могут показаться, как это ни печально, лишь незначительными происшествиями.

Именно расследование причин обрушения в «Трансвааль-парке» могло бы стать прекрасной возможностью для выявления всех существующих и грозящих нам после «реформ» 2007 года изъянов в системе контроля и надзора за качеством строительства. Но следствие по этому делу завершено и, к сожалению, без соответствующего результата.

Московская прокуратура предпочла найти в этом деле «крайнего», предъявив, в частности, обвинения в халатности главе Мосгосэкспертизы Анатолию Воронину, который согласовывал проект строительства «Трансвааль-парка». Дело здесь не только в том, что все эти обвинения опровергаются независимыми экспертами. Еще важнее, что прокуратура не увидела и даже не попыталась «увидеть за деревьями леса».

Мосгосэкспертиза действовала в истории со строительством «Трансвааль-парка» исключительно в пределах отведенных ей на тот момент государственным законодательством полномочий. И исключительно в соответствии с существовавшими на тот момент строительными нормативами и стандартами.

Реальной и наиболее серьезной проблемой, таким образом, является то, что для предотвращения трагедии «Трансвааль-парка» функций и полномочий государственных контролирующих органов было просто недостаточно, а по ряду вопросов они просто отсутствовали. Учитывая отступления от проекта, допущенные проектировщиками и строителями непосредственно в ходе строительства, а также характер устаревших строительных стан-

Юрий ЛУЖКОВ. ТАЙНА ГОСТИНОГО ДВОРА

дартов, катастрофа, как это ни ужасающе звучит, стала неизбежной.

Это означает, что в сфере контроля и надзора за строительством перед нами стоит не некая эфемерная задача снижения административных барьеров, либерализации и прочей реформаторской ереси, которая сегодня столь топорно внедряется. Наоборот, реальная задача заключается в совершенствовании и разумном усилении системы государственного контроля и надзора в строительстве. Для этого необходимо устранение изъянов существующей системы, в том числе извлечение содержательных уроков (а не только карательных выводов) из трагедий, подобных «Трансваалу».

Государству необходимо осознать гибельность правовой неопределенности в секторе строительства, в регулировании, контроле и надзоре во всех цепочках строительной отрасли. Попытки «выплеснуть с водой ребенка», то есть ослабить и ликвидировать госконтроль и надзор в строительстве на основании того, что он сегодня несовершенен, крайне опасны. Они представляют мину замедленного действия в вопросе надежности и безопасности строительства. А значит, угрожают и стратегической государственной задаче — модернизации страны, строительству новой России.

Российская газета», январь 2006 г.

Свобода печатать и право знать

Кто постарше, помнят газетную рубрику «Письмо позвало в дорогу». Так вот, адресованные мне многочисленные письма газетных и журнальных издателей, распространителей печати, а также известное напряжение, периодически возникающее между издателями из-за места под солнцем в системе оптовой и розничной торговли печатными СМИ, побудили разобраться в технологиях доставки информации потребителю. Эта многоаспектная проблема чрезвычайно важна для эффективного управления столицей.

Согласно данным экспертов, у рядового россиянина в среднем запланировано на покупку избранного им издания порядка девяти—десяти рублей в день. Объем печатной розницы тем не менее неуклонно растет. Только за прошедший год он увеличился в стране на 22 процента и в стоимостном выражении превысил один миллиард долларов. Причем речь идет не только о ценовых показателях (чего греха таить, инфляция постоянно вздувает цены на газеты, как и на любой другой потребительский товар), но и о росте физических объемов продаж.

И достигается такой прогресс на специфическом газетном рынке не только благодаря постоянно взрываемым информационным бомбам, но и в значительной степени за счет совершенствования методов и форм торговли, более гибкой рекламы изданий. И даже за счет особенностей географии газетной торговли.

Для нас, городских властей, периодическая печать — это улица с двухсторонним информационным движением. Очень мне нравится формула: «Хорошая газета — это разговор нации с самой собой». Насколько такой разговор, постоянный диалог необходим, показали события вокруг недавней монетизации льгот. Вот уж когда не хватило настоящей общенациональной дискуссии на страницах популярных и авторитетных газет. Одно телевидение с такой задачей справиться не может.

Газета — это инструмент интерактивной связи с населением. Нельзя допустить, чтобы такая связь оказалась нарушенной чисто технически, чтобы читатель и газета разминулись, чтобы, условно говоря, наш общественный транспорт окончательно перестал быть «самым читающим в мире». Вот почему проблема распространения, доступности периодики становится проблемой не инфраструктурно-торговой, а политической, одной из проблем системы городского управления. А значит, приоритетной для городского правительства.

Сегодня московского читателя спешат «завербовать» постоянно появляющиеся новые газеты и журналы. У потребителя в глазах рябит от обложек. Вот тут-то на сцену и выходит продавец, наглядно демонстрирующий классический «совковый» подход: вас много, а я один. Нет, продавцов и распространителей, конечно же, немало, но ни один киоск или прилавок не может переварить более тридцати — сорока наименований из нашего печатного изобилия. И тогда в дело вступают факторы теневой конкуренции. Владельцы сетей распространения прессы попросту называют сумму, в которую тому или иному изданию обойдется привилегированное место на прилавке или размещение его рекламного слогана на витрине. А зачастую необходимо заплатить просто для того, чтобы твою печатную продукцию взяли на реализацию.

ПЛАНЕТА МОСКВА

Словом, конкуренция содержания подменяется конкуренцией кошельков издательских холдингов. Нормально, если в киоске на невыгодной позиции размещено популярное издание с устоявшейся аудиторией — его читатель и так спросит. А если на задворки рынка принципиально задвинут новый интересный журнал, у издателей которого нет лишних десяти тысяч долларов, чтобы приобрести для своего детища привилегированное место на витрине? Да и сам господин распространитель уже получил солидную сумму просто за факт своего существования, сумму, которая обеспечивает ему достойную норму прибыли, а потому и стимула заниматься дармовым просветительством у него нет никакого. Продаст он недорогие, но важные для города газеты, источники текущей информации, или не продаст — в убытке не останется. И в этом кроется серьезнейшая проблема.

Еще легендарный издатель «Нью-Йорк таймс» А. Сульцбергер повторял: «Суть дела не в свободе издателя печатать, а в праве граждан знать». И для того чтобы на нашем рынке периодики действительно расцветали «сто цветов», необходима продуманная и последовательная позиция и политика властей всех уровней.

Часто приходится слышать, что бедные издания не могут быть свободными. Свобода слова базируется, как ни крути, на экономической самостоятельности газет и журналов. Для этого они должны пользоваться как минимум несколькими источниками финансирования, что само по себе исключит прямой диктат некоего генерального спонсора. Но, как и прежде, основной источник доходов периодики — реклама. Желательно официальная и открытая, а не скрытая, пиаровская.

Общая финансовая стабилизация в стране благоприятно сказывается на объемах рекламы, помещаемой на страницах печатных СМИ. По итогам прошлого года общая сумма рекламных

платежей прессе достигла 1,29 миллиарда долларов. Однако рекламные доходы распределяются неравномерно, а рекламодателей превыше всего интересуют тиражи и целевая аудитория, на которую ориентируется то или иное издание.

Следовательно, изданию, в том числе важному, для текущего информирования граждан, для поддержания интерактивной связи горожан и властей необходим достойный внимания крупных рекламодателей тираж, который во многом зависит от благорасположения к этому изданию со стороны распространителей. Такой вот замкнутый круг.

Естественно, власти не могут напрямую влиять на «политику раскладки» торговцев печатной продукцией. Рынок есть рынок, а распространение периодики такой же бизнес, как и всякий другой. Однако обеспечение равного доступа москвичей к информации может стимулироваться за счет создания для распространителей особого, с учетом характера их товара, режима работы.

В конечном итоге от властей разного уровня зависит география газетной торговли, то есть размещение торговых точек — от традиционных киосков и маневренных лотков до настоящих супермаркетов. На первый взгляд столичные цифры — 2500 газетных киосков, 750 лотков, более тысячи так называемых ручников — впечатляют. Но ведь важно не только сколько, но и где. Пока о газетных киосках «шаговой доступности» говорить несколько рано. Не говоря уже о том, что достаточно долгое время торговцев печатным словом пытались вытеснить из «хлебных» мест ежедневного массового мигрирования москвичей, предпочитая размещать там более доходные в смысле налогового да и иного обложения точки.

Между тем именно география во многом предопределяет политику распространения. Без сомнения, ассортимент киосков и лотков зависит от характера района. В дорогих супермаркетах,

ПЛАНЕТА МОСКВА

естественно, на виду будут дорогие глянецовые журналы, которые самоубийственно в избытке завозить в спальные районы города, — там на лотках будет преобладать городская пресса, федеральные и спортивные издания, та периодика, которую с полным правом можно назвать социально значимой: то есть сам потребитель, его устоявшиеся вкусы и возможности диктуют условия торговли.

А уж как разместить торговые точки, как заранее просчитать места их дислокации в новых, развивающихся районах — это реальная задача властей. Иными словами, на величину тиражей, на стоимость периодики и в конечном итоге на ее доступность массовому потребителю можно влиять и формами организации торговли.

В целом же мне кажется, описанные перекосы — следствие ошибок в анализе единого национального информационного пространства. Некоторые горячие головы просто поспешили списать со счетов печатные СМИ, полагая, что им на смену придут телевидение и Интернет. Так в свое время крупнейший теоретик информационной сферы, канадский ученый М. Мак-Люэн провозгласил «конец эры Гуттенберга», наивно полагая, что телевидение убьет книгу.

Прошло несколько десятилетий, а книга как высшее проявление человеческого интеллекта не просто продолжает существовать, но питает и интернет-сайты, и само вездесущее телевидение. Другое дело, что текст может уже распространяться не только на бумаге, но и на компакт-диске, и по электронной почте. Традиционные и новые формы доставки и сохранения информации не уничтожают, а, наоборот, все более органично дополняют друг друга.

При этом и сейчас есть досужие фантасты, которые не видят будущего у бумажных информационных носителей. По их мнению, в относительно близком будущем главным инструментом

Юрий ЛУЖКОВ. ТАЙНА ГОСТИНОГО ДВОРА

доставки информации во все дома станет некий гибрид телевидения и Интернета, интерактивное информационное поле, на котором каждый может выступить не только потребителем, но и создателем информации.

Может быть, так и будет, но пока москвичи каждое утро спешат в киоск за любимой газетой. Диалог власти и общества в печатной периодике продолжается, и конца ему я что-то не наблюдаю.

«Комсомольская правда», август 2005 г.

Что такое столичный архитектурный стиль?

«Москва разрушается!» — один из наиболее громких лозунгов сегодняшнего дня. Но есть в нем некое лукавство. Чтобы так сказать о Москве, нужно иметь весьма причудливый и специфический взгляд и на прошлое города, и на его будущее. Архитектурная история Москвы неоднозначна, изобилует крутыми поворотами, нереализованными возможностями и, напротив, «случайностями» обстоятельств, предопределявшими направления развития столицы на многие годы. Но именно в этом — неповторимое лицо Москвы, ее судьба, ее «генетика». И прежде чем обсуждать вопрос о том, разрушается столица или нет, как она будет развиваться дальше, нужно остановиться и попытаться разглядеть, уяснить парадоксальность московской «истории в камне». Ведь наша задача не просто в том, чтобы сохранить для истории и потомков отдельные здания, объекты городской культуры и архитектуры. Гораздо важнее не нарушить тот культурный код, ту цивилизационную модель, которая на протяжении веков определяла развитие Москвы.

Кто знает, каковы были помыслы истории, когда загорался Манеж?

Может быть, это прозвучит непривычно, но Москва в архитектурном смысле — город очень молодой. Пятисотлетний Кремль — едва ли не самый старинный архитектурный ком-

плекс города. А старая, историческая Москва — лишь малая часть нынешнего огромного мегаполиса. На протяжении веков едва ли не каждый новый дом столицы сооружался на месте чего-нибудь уже существовавшего. И снесенные здания были зачастую достаточно интересны. Мир сегодня восторгается силуэтами Московского Кремля работы Аристотеля Фьорованти. Но для его возведения пришлось снести известняковую крепость, заложенную при Дмитрие Донском. А ведь именно по ней вся Москва и доселе зовется белокаменной. Да и позже: вспомните храм Христа Спасителя, строительство которого потребовало сноса старинного намоленного женского монастыря. В архитектурной истории Москвы всегда, постоянно шла борьба «плана» и стихии жизни, столкновение человеческой воли и хода истории. В конце XV века со строительством Кремля и Китай-города начал воплощаться в жизнь первый «генеральный план» развития Москвы. Как свидетельствуют археологи, многие процессы, которые происходили тогда и в самом строительстве, и в массовом сознании, очень напоминают день сегодняшний. «Строительный бум», приглашение лучших архитекторов из-за границы, вывод «промышленности» из центра города, протесты общественности (тогда прежде всего духовенства) — это не про сегодняшний день, а про Москву XVI века.

Одновременно история Москвы — это еще и история нереализованных проектов. Что было бы, если бы в конце XVIII века Баженов реализовал свой проект практически полной перестройки Кремля? Точно мы не знаем. Но это уже была бы совершенно другая Москва. И другая Россия — ведь не будет преувеличением сказать, что воплощение этого замысла могло бы существенно повлиять на всю историю нашего государства.

Что было бы, вознесись на месте старого московского Зарядья, где нынче распласталась бетонной лужей гостиница «Рос-

сия», самая масштабная из всех сталинских высоток — Наркомат тяжелой промышленности? Случись это, и сегодняшние горячие дискуссии об архитектуре столицы показались бы нам игрой детей в песочнице.

А с другой стороны, «случился» же Калининский проспект, зовущийся москвичами Новым Арбатом только из потаенного чувства вины за порушенное предками. За Собачью площадку и Молчановку. За переулки Булата Окуджавы. И следовало бы задаться вопросом, а почему судьбе было угодно, чтобы это случилось. Кто знает, каковы были помыслы Истории, когда загорялся Манеж? Может быть, восстановленные фермы Бетанкура, которые не будут больше стыдливо подпираться уродливыми металлическими колоннами и завешиваться пыльной тряпкой фальшпотолка, — это и есть тот долг, который мы должны отдать потомкам?

Диалектика явного и подспудного, архитектурного плана и духа города — вот это и есть подлинный московский стиль.

В московской культуре понятие копии иногда имеет не меньший смысл, чем оригинала

Архитектурные вопросы у нас в Москве всегда очень политизированы и подвержены субъективным вкусам и архитекторов, и журналистов. Одни призывают законсервировать город навечно, другие, наоборот, — радикально перестроить, чтоб побольше стекла и бетона... Вопрос профессионального и эстетического самоопределения затмил все, а целью споров уже давно является самовыражение, а не поиск истины.

Я же предлагаю говорить по существу. Например, можно было бы серьезно обсудить тот феномен, что в московской культуре понятие копии иногда имеет не меньший смысл,

чем оригинала. Потому что смысловая, историческая и культурная нагрузка, которую несет в себе такая копия, часто может быть и богаче, и глубже первоначального архитектурного решения, и поэтому пренебрежительное отношение к так называемым новоделам является весьма и весьма поверхностным.

Если кто-то считает, что дискуссии вокруг реконструкции памятников и так далее — это только современное, только московское явление, то это не так. Вопрос имеет тысячелетнюю историю. В Японии, например, через каждые 200 лет разбирают старые храмы и на их месте строят совершенно такие же, которые тоже существуют еще два столетия. Это — традиция поддержания исторической архитектуры.

Вообще, разговор о памятниках стал возможен только в XX веке. Когда в связи с развитием качественно новых систем городского транспорта город стал безудержно разрастаться во все стороны, появилась возможность строить основную массу зданий на новых местах. Тогда и возникла идея массовой охраны архитектурных памятников, ранее технически невозможная.

Что считать памятниками? «Россию»? «Москву»?

Большинство великих зданий классической традиции, которыми сейчас восхищаются миллионы, в свое время были очень революционны. Если бы высота новых зданий всегда соответствовала высоте окружающей исторической застройки, великие готические соборы никогда бы не появились на свет. Кто-то в истории всегда был первым, придумавшим и создавшим эти отсутствовавшие прежде формы, чтобы потом они стали составной частью культуры. И кто-то был первым, чтобы их отрицать.

ПЛАНЕТА МОСКВА

Москва в этом смысле ничуть не хуже, а во многом гораздо лучше других городов мира! Посмотрите, например, на соседство Шуховской башни на Шаболовке и памятника московского барокко — церкви Ризположения на Донской. Почти все знаменательные проекты архитектуры XX века ломали сложившуюся традицию, демонстративно не обращали внимания на эстетические каноны, упирая на функциональность. Русский авангард 20-х не имеет корней в предшествующих этапах. Конструктивист Мельников в каждом своем творении находил форму, идеально отвечающую в первую очередь назначению здания. По работам мастера будут учиться этому искусству еще многие поколения архитекторов.

С другой стороны, классицист Жолтовский показал: новое содержание вполне можно вписать даже в самые старые формы. Такое умение очень полезно в нынешних динамичных условиях, когда назначение одного и того же здания меняется чуть ли не ежегодно.

Что считать памятниками? Нельзя считать таковыми «хрущевки» или «сталинки». Конечно, можно оставить их музейными экспонатами, однако против выступают все жители Москвы. А что касается инфраструктурных зданий (а именно такую роль играло большинство объектов — гостиницы, магазины и т. д., защищаемых ныне «культурной общественностью»), они также олицетворяют собой тот же социально-исторический срез и были призваны играть вполне определенные функциональные роли. Сейчас же искусственно присваивается несвойственное им значение.

Та же гостиница «Россия» никогда не пользовалась уважением архитектурной общественности. В какой-то мере, заслуженно. Ее автор Дмитрий Чечулин всегда принципиально отрицал само понятие архитектурного ансамбля. И «Россия» буквально выламывается из окружения, возникшего по большей

части еще в Средневековье. Что бы ни появилось на ее месте — хуже не станет. А может быть, даже восстановится нарушенная гармония.

Да и с гостиницей «Москва» все заметно сложнее, чем в возмущенных статьях по поводу ее сноса. Щусевские интерьеры и декор, стилизованные под классику, плохо гармонируют с конструктивистской основой Савельева и Стапрана. Вторая очередь гостиницы (А. Борецкий, Д. Солопов, И. Рожин), построенная в 1976—1978 годах, вообще лишь в самых общих чертах согласуется с первой.

Впрочем, эти архитектурные подробности меркнут на фоне подробностей исторических. «Москва» стоит на месте снесенного Охотного ряда, чьи каменные торговые палаты более века — срок, заслуживающий уважения! — были главным продовольственным рынком Москвы. Московская архитектурная эклектика — история вечного подстраивания и притирки одного к другому. Слияние старого и нового. Диалог эпох и их тест на совместимость...

Нужно сохранять там, где можно сохранить. Нужно строить там, где нельзя не строить

Есть у проблемы и экономический аспект. Поднять здание из руин, как у нас, к сожалению, сегодня часто бывает, — это стоит очень много. У государства таких денег нет. Значит, нужно искать какой-то разумный способ и разумный компромисс. Не стоит увлекаться лозунгами, надо смотреть по существу.

Прежде всего следует ясно представлять, что мы хотим получить в результате реконструкции разрушающегося памятника. Если только музейный экспонат, то на ближайшие десятилетия это бесперспективное вложение денег. Нужно ставить четкие

ПЛАНЕТА МОСКВА

цели, а далее можно находить инвесторов и жестко контролировать их.

Кстати, добрая половина зданий, о чьем состоянии стоит сегодня беспокоиться, находится под федеральной охраной. Вспомните хотя бы Дом Пашкова: единственное сохранившееся в столице творение Баженова разрушается уже добрых два десятка лет — ни бывшее союзное, ни нынешнее федеральное Министерство культуры все никак не найдет денег на заботу о нем.

Мы все эти годы памятниками занимались, в том числе и федеральными. Но федеральные — не значит, что они принадлежат Минкультуре. Это означает, что они всеобщего, национального значения. И если памятник всероссийского значения, то это говорит только о том, что о нем мы заботиться должны особо. Если он находится в Москве, то мы не можем оставаться в стороне. Столичное правительство ухитряется оплачивать сохранение, восстановление даже тех сооружений, от которых, по сути, остался только внешний контур. Городская политика в этом вопросе заключается в том, что нужно сохранять там, где можно сохранить. Нужно реконструировать там, где нельзя не реконструировать. Нужно строить там, где нельзя не строить. И в отдельных случаях — лучше не строить совсем, чем портить город.

Руководство города всегда с большим вниманием относится к мнению любых представителей общественности и различных ветвей власти (именно это происходило, пока пытались урегулировать и отношения собственности вокруг Манежа, и предложения по его реконструкции). Город не мог не учесть множество точек зрения в этом случае, и поэтому процесс согласований занял довольно много времени. К огромному сожалению, подобное промедление роковым образом повлияло на судьбу крупнейшего исторического памятника, находившегося далеко не в бле-

стящем инженерно-техническом состоянии. А ведь подобная ситуация складывается со многими архитектурными шедеврами, расположенными в Москве! Пока идут жаркие споры с общественностью, с представителями коммерческих и некоммерческих организаций, все здания подвергаются воздействию не только времени, но и техногенных факторов, гораздо более разрушительных.

Нельзя забальзамировать живого человека. Это все равно что его убить

Многие маститые архитекторы считают, что Москва не терпит никаких архитектурных новшеств, что это особый мир с особой архитектурной средой, которую нельзя нарушать. Некоторые сторонники этой точки зрения доходят в своей логике до полного абсурда и готовы настаивать на том, чтобы оставить все как есть даже в том случае, если памятники начнут рушиться. Но жить — значит меняться в потоке времени. Нельзя законсервировать, оставить без изменения пространство, в котором протекает действительная жизнь. Нельзя делать Москву городом одной эпохи, а тем более одного поколения.

Например, гораздо более важным и практическим вопросом, нежели решение архитектурных проблем, является решение задач инженерной реконструкции. Особую значимость имеет обеспечение гарантированной несущей способности основных элементов здания. Ведь не секрет, что фундамент, перекрытия этажей и стропильные конструкции множества памятников находятся в плачевном состоянии, а без решения этой проблемы, как правило, требующей значительного вмешательства в архитектуру здания, зачастую невозможно сохранить памятник.

ПЛАНЕТА МОСКВА

Естественно, что погоня за функциональностью и экономической целесообразностью приводит ко множеству конфликтных ситуаций. Они известны и всем достаточно очевидны: нехватка стоянок для автомобилей; резкое сокращение пропускной способности магистралей в часы пик; ущемление прав пешеходов, вынужденных уступать жизненное пространство машинам; неустроенность мест времяпрепровождения молодежи и т. д.

Легко критиковать градостроительную политику города, направленную в первую очередь на решение проблем социального и экономического развития (катастрофической нехватки жилья и офисных площадей), уже имея и собственные квартиры, и собственные студии. Это не означает, что мэрия встает в оппозицию к старым москвичам, поколениями проживающим в городе, однако не надо забывать, что Москва все время представляла собой колоссальный «плавильный котел» всех национальностей России и бывшего СССР. Столица в стране одна, да и мегаполисов такого масштаба много быть не может. Поэтому желающих жить в Москве еще долго будет заметно больше, чем физически может в ней уместиться. Косвенно подтверждает это и постоянный рост объема московской недвижимости. Если современная архитектурная общественность знает какие-либо неизвестные специалистам способы улучшения санитарных и жилищных условий без ввода в строй новых площадей, то пусть их назовет.

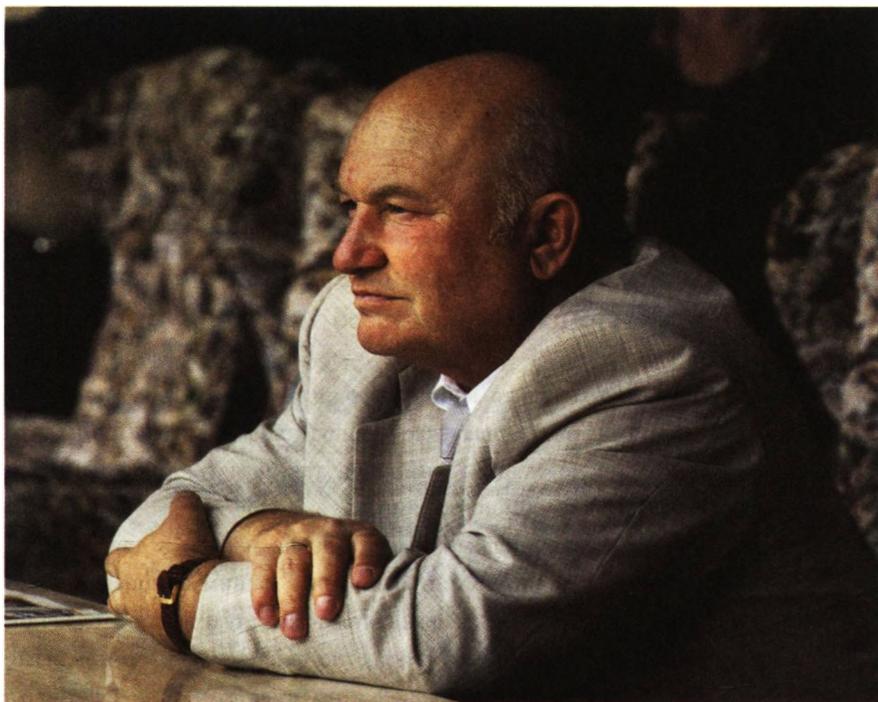
И пусть нас не обманывают приманки для туристов — тихие улочки средневековых германских или французских городков. Бесчисленные автострады связывают эти городки в единые бурно живущие хозяйственные организмы. В немецком Руре уже вторую сотню лет невозможно понять, где кончается один — формально самостоятельный — город и начинается другой.

Юрий ЛУЖКОВ. ТАЙНА ГОСТИНОГО ДВОРА

Город — как лицо человека. На лице же должны отражаться все изменения, иначе лицо превратится в посмертную маску. Нельзя забальзамировать живого человека. Это все равно что его убить. Пока он растет и развивается, к его облику будет прибавляться что-то новое. Москву, столицу, лицо нашей страны, нельзя заставить застыть, крикнув: «Остановись, мгновенье!»

«Известия», май 2004 г.

RUSSIA
В МИРОВОМ ОКЕАНЕ

«Несмотря на то, что холодная война завершилась, в головах многих западных политиков и экспертов продолжает присутствовать мысль о том, что боксерский поединок продолжается. Завершен, так сказать, только первый раунд, а впереди еще долгий обмен ударами.

На самом деле, бокс закончился и мы уже давно играем в другую игру. Может быть, это шахматы, и тогда стоит напомнить нашим оппонентам, что приличные игроки не пытаются переворачивать шахматную доску в сложной позиции и уж тем более не подменяют незаметно фигуры. Или, может быть, современная история вообще требует нашей игры вместе, в одной футбольной команде. И тогда нам тем более нужны сыгранность, чувство партнера, умение понимать друг друга с полуслова».

«Мы и Запад», 2006 г.

Мы и Запад

Мы знаем, что западные народы не понимают и не терпят русского своеобразия. Они испытывают единое русское государство как плотину для их торгового, языкового и завоевательного распространения. Они собираются разделить всеединый российский «веник» на «прутики», переломать эти прутья поодиночке и разжечь ими меркнущий огонь своей цивилизации. Им надо расчленив Россию, чтобы провести ее через западное уравнение и развязывание и тем погубить ее.

Иван Ильин

Отношения России и Запада сегодня точнее всего характеризуются одним словом — недоумение. Это недоумение взаимно, однако его первопричина коренится в той шумной растерянности и суетливом беспокойстве, которые столь явно прослеживаются в последнее время в реакции стран Запада на происходящее в России.

За этой нервной реакцией стоит еще и вековая история. Несмотря на несомненную принадлежность России к европейским нациям, несмотря на ее развитие не только в контексте, но и в постоянном соучастии европейской истории и культуре, Европа («мать» современной западной цивилизации) традиционно испытывала к нашей стране смесь тяготения и страха.

Оба этих европейских чувства проистекают не только из завораживающего хоть на карте, хоть в действительности «географического» ощущения соседства с обширной, необъятной и суровой территорией России. Из подобного пространственного ощущения вырастает иногда смутное, а порой и вполне отчетливое понимание того, что «мы рядом и мы вместе, но мы не есть одно и то же».

Без малого полтора столетия назад выдающийся философ и историк Николай Данилевский совершенно точно описал эту проблему. Видя перед собой Россию, Европа «...инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, — которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, — которое имеет и силу и притязание жить своею независимую, самобытною жизнью».

Вот с этими «силой и притязанием» России быть независимой и самобытной, а также с невозможностью «растолочь и растворить» этот российский суверенитет, никак и не может примириться Запад. Поэтому, как писал тот же Данилевский, Россия не перестает постоянно выслушивать одни и те же обвинения в том, что она имперское, «завоевательное государство», да к тому же представляет собой «мрачную силу, враждебную прогрессу и свободе».

Надо сказать, что с тех пор ничего не изменилось. Сегодня по-прежнему «отовсюду мы слышим стоны». Здесь — и глубокомысленные размышления о настигшем Запад кризисе в отношениях с Россией. И дипломатичная «озабоченность» планами России по развитию и укреплению собственной экономики. И призывы защитить мир от энергетической экспансии русских, подминающих под себя соседей с оранжевым отливом. И удрученные стенания об авторитарном русском медведе, не понимающем и топчущем демократию. И совсем уж эмоциональные вскрики о российских имперских амбициях с призывами соорудить вокруг нашей страны новый санитарный кордон и какой-нибудь новый занавес.

На этом фоне филиппики в адрес России вернуться «на путь прогресса и демократии» методом проведения гей-парадов в центре Москвы, — да еще и на священной для каждого гражданина нашей страны могиле Неизвестного солдата, — эти при-

звывы выглядят уже не иначе как отчаянная, но от того не менее безумная истерика.

Понятно, что весь этот накал страстей и поток сознания в исполнении Запада вызывает, в свою очередь, недоумение уже у нашей страны. По меньшей мере, России хотелось бы обсуждать наши взаимные вопросы и общие проблемы, с одной стороны, без умолчаний и обтекаемых фраз, а с другой — без домыслов и двойных стандартов. Желательно также — без нафталиновых стереотипов политиков-динозавров фултонской эры и вильнюсского периода. Иначе теряется самое главное — возможность честного, партнерского диалога между нашими странами.

Россия вновь обретает силу

В начале мая руководитель российско-евразийской программы Центра Карнеги Эндрю Качинс в своей статье в «The Wall Street Journal» наконец дал возможность Западу признать, в чем действительно дело. Согласно его справедливому выводу, суть ситуации, с которой США и, возможно, многим другим силам в этом мире сложно смириться, заключается в том, что Россия вернулась на политическую арену. Вновь обрела силу после двух десятилетий упадка. Вернулась в игру после взятого ей болезненного геополитического тайм-аута и тяжелых травм распада Советского Союза.

Ровно это и произошло. Не больше и не меньше. Нет никакой новой «империи зла». Нет никакого «авторитарного монстра». Есть Россия, которая вновь осознает свои национальные интересы и готова их защищать. Не лучше, но и не хуже, чем те же США, европейские державы, другие страны мира.

Возможно, кому-то это трудно осознать, но это необходимо сделать. Просто для того, чтобы проводить реалистичную поли-

тику, адекватно оценивать ситуацию, строить нормальные и партнерские отношения с нашей страной. Это действительно лучше, чем пытаться махать оранжевыми флажками и выдумывать магические заклинания с целью отбросить Россию назад. Или прикрывать проклятиями в адрес Кремля собственное нежелание признавать реальность.

Реальность же, к сожалению, заключается в том, что именно Запад крайне тяжело, неохотно и, главное, все еще далеко не полностью избавился от собственных комплексов по отношению к России.

Отношение к нашей стране продолжает причудливым образом колебаться между боязнью и восторгом. Так, страх перед большевиками, мировой революцией и СССР сменился восторгом по поводу перестройки вплоть до разрушения конца 80-х, а затем — анархии государственного безвременья и готовности России заложить саму себя за похвалу мирового сообщества в 90-е годы. Восторг усугублялся практически бесплатным в условиях российского хаоса доступом Запада к нашим национальным ресурсам.

Нет ничего удивительного, что соответствующая эйфория повлекла на Западе болезненную ломку как только Россия начала приходить в себя. И вот уже снова на коне взявшие было отпуск советологи, истосковавшиеся по возможности оживить страхи западных обывателей перед дремучей Россией и освоить десяток-другой грантов на спекуляциях вокруг «возрождения советского Франкенштейна» и наступления конца времен, которые якобы тут же и случатся, как только российское государство еще немного окрепнет.

В общем, недостатка в грозных пророчествах Запад сейчас не испытывает. Качели эмоций Запада никак не замедлятся где-то посередине — там, где есть твердая почва под ногами и возможность взглянуть, наконец, на Россию спокойно и реально.

Возобновление истории

У этой ситуации есть еще одна фундаментальная причина. Распад СССР, нарушение баланса сил двух мировых систем, определявших развитие мира на протяжении почти всего XX века, породили для Запада опасное ощущение завершения эволюции всемирной цивилизации, достигнутого исторического и геополитического сверхмогущества.

Провозглашенная доктрина «конца истории» утверждала, что западный мир, его ценности, экономическая структура и построенная на их основе политическая система — есть наивысшее достижение цивилизации. Остальные страны и системы, так или иначе, в рамках процесса глобализации будут втягиваться в подобную логику «догоняющего» по отношению к Западу развития и следовать за ним.

Будущее человечества должно было превратиться в механический процесс перемалывания стран, народов и культур, где не все дойдут, дотянутся до «зияющих высот» цивилизации современного западного общества. Такая «невыносимая легкость бытия» позволяла Западу не учитывать остальной мир и, одновременно, порождала «глобальный эгоизм» западной цивилизации — право вмешательства в любую ситуацию в любой точке Земли на основании «гуманитарных» соображений и ценностей прогресса.

В результате в последние полтора десятилетия мы стали свидетелями впечатляющих и одновременно удручающих попыток стран Запада и прежде всего США проводить силовую демократизацию отдельных стран и даже регионов планеты, возлагая на себя миссию «продвижения демократии в мире». Когда-то тем же самым занимался Советский Союз, пытаясь перетащить некоторые страны из феодализма или даже родоплеменного строя прямо в коммунизм.

Однако ноша внешнего управления государствами и народами, при уничтожении понятия национального суверенитета может оказаться неподъемной. Не нужно забывать и о том, что сегодня в мире существуют политические силы, которые способны использовать процесс глобальной демократизации в совершенно ином и прямо противоположном плане. Провозглашая «волю сильного» решать, кто прав, а кто виноват, Запад попадает в ловушку. Потому что ничто не помешает представителям всемирного террористического подполья также решить, что они выше нас и на этом основании присвоить себе право распоряжаться нашей жизнью, нашей судьбой.

Сегодня уже очевидно, что попытка «закрыть историю» оказалась не более чем иллюзией. После трагедии 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, автор той самой концепции «конца истории» Фрэнсис Фукуяма писал, что Соединенные Штаты станут теперь другой страной. Эта страна будет более единой, менее эгоцентричной и в гораздо большей степени нуждающейся в помощи друзей. А главное, по мнению Фукуямы, Америке предстоит стать в гораздо большей степени «обыкновенной страной — страной с более конкретными интересами и своими слабыми местами, а не державой, полагающей, что может единолично определять, каким быть миру, в котором она существует».

Представляется, что вывод этот сегодня как никогда актуален не только применительно к США, но и ко всему западному миру. В свое время президент США Рональд Рейган призывал СССР стать «нормальной страной». Сегодня Россия, несомненно, таковой является. Аналогичная процедура «возвращения с небес на землю» необходима и Западу.

В возвращении же России в мировой политику, усилении и укреплении российского государства западному миру следовало бы видеть не угрозу, но, напротив, важную опору безопасности

и собственного возвращения к нормальной жизни. Нормальной жизни в том самом сложном, взаимозависимом и меняющемся мире.

Исправление имен

К сожалению, на Западе по-прежнему преобладают подозрения в опасности, которую представляют процессы, происходящие в нашей стране. Российскую политику продолжают анализировать на основе тех самых вековых стереотипов, представлений о том, что для России якобы характерны авторитаризм, имперскость, экспансия.

На самом деле вся эта ситуация имеет точный диагноз, поставленный еще Конфуцием: «Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться...» В отношениях России и Запада на данный момент как раз и необходимо подобное «исправление имен», отказ от неправильного понимания слов и смысла событий.

Поговорим о демократии. Тут весь сонм советологов, подобно старой артиллерийской лошади, услышавшей зов полковой трубы, начинает бить копытом на тему «похорон демократии в России». Однако дело обстоит совершенно иначе.

Процессы демократизации в России отличаются своей спецификой. Эта специфика в том, что демократические процессы последних 15 лет в нашей стране практически не имеют аналогов в ее истории. Все новое — всегда тяжело в освоении, чревато ошибками и необходимостью их исправления. Как раз этим исправлением Россия сегодня и занимается. Потому что десятилетнее плавание «без руля и ветрил» в 90-е годы привело российскую нацию к пониманию необходимости более осмотрительного движения в будущее, необходимости разумного консер-

ватизма, осторожности в дальнейших преобразованиях. России нужна была политика увязывания между собой традиционных ценностей, без которых общество перестанет существовать, с демократией, без которой общество не сможет развиваться. Именно такая политика и проводится в России сегодня.

Хочется еще спросить, а где она не проводится? Не будет же кто-либо всерьез утверждать, что существует некий единый штамповочный стандарт демократии и один единственный на весь мир конвейер по ее сборке (хотя, возможно, кому-то и хотелось бы, чтобы так было). Любая страна стремится к оптимальному сочетанию ценностей своей истории и культуры с институциональными механизмами демократии. Аналогично в мире существует не одна единственная модель автомобиля на все времена и люди ездят на том, что им удобнее и нужнее — от малолитражек до внедорожников. И модели эти значительно отличаются друг от друга — как «тойота», «мерседес» или заокеанский «форд».

Стоит также напомнить, что в России процессы политического развития до недавнего времени сопровождались ослаблением и «полураспадом» государства, вплоть до превращения его в орудие воровства, инструмент манипуляций и циничных интриг в руках отдельных групп и даже личностей. Такая олигархическая «демократия» в любом случае может и должна быть названа слабой. Если ко всем этим семибанкирщинам, медиа-терроризму и залоговым хищениям вообще применимо понятие демократии.

И то, что мы имеем сейчас в России — это процесс исправления той самой неотличимой от олигархической анархии дефективной демократии. Поэтому это не что иное, как процесс усиления демократии. Пусть сложного, но развития институтов демократии, укоренения демократических традиций в обществе. Иногда этот процесс идет долго, иногда болезненно. Подчас мы учимся на примерах от противного. Но это, несомненно, про-

цесс строительства сильного демократического государства, которое может и должно быть достойным и равноправным членом мирового сообщества суверенных демократий.

Другие правила другой игры

В существующих опасениях относительно имперских устремлений России в еще большей степени проявляется прозябание в прошлом многочисленных советологов. Иногда кажется, что Запад продолжает мыслить категориями противостояния СССР и США. Несмотря на то, что холодная война завершилась, в головах многих западных политиков и экспертов продолжает присутствовать мысль о том, что боксерский поединок продолжается. Завершен, так сказать, только первый раунд, а впереди еще долгий обмен ударами.

На самом деле, бокс закончился и мы уже давно играем в другую игру. Может быть, это шахматы, и тогда стоит напомнить нашим оппонентам, что приличные игроки не пытаются переворачивать шахматную доску в сложной позиции и уж тем более не подменяют незаметно фигуры. Или, может быть, современная история вообще требует нашей игры вместе, в одной футбольной команде. И тогда нам тем более нужны сыгранность, чувство партнера, умение понимать друг друга с полуслова.

Однако именно из-за боксерских стереотипов прошлого, до сих пор там, где должны звучать понятия «национальные интересы» и «сотрудничество», звучат слова об имперских амбициях и противостоянии. И снова кто-то бьет в набат «холодной войны» по поводу повышения обороноспособности России. Хотя очевидно, что Россия должна и имеет право противостоять чужой политике, когда та угрожает интересам России и ее граждан, национальному суверенитету, целостности и стабильности

государства. Точно так же лучше многих других стран понимая опасности экстремизма, терроризма и сепаратизма в современном мире, Россия является активным членом и участником международной антитеррористической коалиции.

Повышение обороноспособности является абсолютно нормальной демонстрацией всем силам в мире (включая, теневые и террористические) того, что Россия — не проходной двор для их далеко не вегетарианских позывов типичного волчьего поведения. А также того, что Россия готова сотрудничать с другими странами в обеспечении стабильности мирового порядка. Ровно то же самое делают все остальные страны мира, которые не собираются покончить жизнь самоубийством.

Еще большее недоумение вызывают упреки в экспансионизме России, будь то сотрудничество нашей страны с соседями или развитие энергетики.

Мне уже приходилось писать, что XXI век — это период формирования крупных «геополитических материков», новых надгосударственных политико-экономических систем, глобальных общих рынков, культурных и информационных ареалов влияния. В этом мире способность не выпасть из общего потока развития определяется наличием у государства или группы государств собственного глобального интеграционного проекта, позволяющего развиваться и укреплять свои позиции. В том числе перед лицом таких новых явлений мирового масштаба, как международный терроризм или возникновение целой инфраструктуры институтов и механизмов внешнего управления развитием тех или иных стран.

При этом, несмотря на принадлежность к европейской цивилизации, простое присоединение России к европейскому интеграционному проекту Евросоюза объективно невозможно. Такой эксперимент скорее всего плохо закончился бы для обеих сторон — в результате невозможности «переварить» весь

RUSSIA В МИРОВОМ ОКЕАНЕ

комплекс политических, экономических, социокультурных, да и собственно геополитических проблем, которые при этом бы возникли.

Поэтому в современном мире Россия объективно должна интегрировать вокруг себя и своего проекта будущего часть мира, прежде всего постсоветское пространство и мир соотечественников. Глобальное одиночество сегодня выжить не позволяет.

Что касается экономики, то оставим даже в стороне то, что Россию 15 лет учили жить по рыночным законам, а теперь на Западе досадуют, что она оказалась хорошим учеником. Главное заключается в том, что Россия действительно претендует на более справедливое участие в глобализации и в мировой экономике.

Энергетические ресурсы России объективно являются ее конкурентным преимуществом. Но Россия не говорит о том, что просто будет эти преимущества использовать. Нет, Россия, напротив, говорит о том, что готова сотрудничать и вкладывать эти ресурсы в обеспечение энергетической и, более широко, экономической безопасности всего мира. Естественно, что одновременно наша страна рассчитывает на предоставление ей равных и справедливых возможностей участия и сотрудничества в других глобальных экономических процессах.

Иначе говоря, Россия не хочет быть сырьевым придатком Запада, но хочет участвовать своими ресурсами и своими возможностями в создании более справедливых правил игры в мире, обеспечении его развития и устойчивости. Оттого что эти инициативы России подвергаются сомнению, реальность не меняется. Если Запад боится такого сотрудничества или отворачивается от него, то это ведет только к тому, что Россию ждут на Востоке, где, возможно, ее стремления лучше понимают и во многом разделяют.

В трезвом уме и твердой памяти

В заключение необходимо сказать, что вопрос понимания процессов, происходящих в России — это, в том числе, и вопрос доброй воли Запада. Умения западных политологов и политиков посмотреть на происходящее под новым углом.

Оценка процессов развития России позволяет говорить, что стакан наполовину полон, а не наполовину пуст. Ложные подозрения по поводу развития России, ее целей и интересов способны только расплескать воду в стакане, а вовсе не наполнить его.

За последние 15 лет в России произошли революционные преобразования, возникла совершенно новая реальность. Сегодня период революции завершен, новая Россия встает на ноги. Демократический путь развития России не подвергается сомнению. Представления о том, что усиление государства в России несет в себе опасность, являются беспочвенными. Подход, когда в России стремятся видеть только врага и ничего больше, — не соответствует современным реалиям и лишь мешает нашему общему движению в будущее.

Всякий разумный человек не может не признавать, что Россия — ведущая держава евро-азиатского пространства, обладающая значительной возможностью глобального влияния на мировую систему, в первую очередь за счет наличия ядерного и институционального факторов. Потенциал России позволяет ей также стать одним из полюсов мировой экономики.

Уникальность российского положения заключается в наличии огромного ресурсного, в том числе энергетического, потенциала (что характерно в основном для стран глобального Юга), в сочетании с гуманитарным, промышленным, военно-стратегическим потенциалом, а главное — культурой и историческим опытом, присущими западной цивилизации. Россия объективно

RUSSIA В МИРОВОМ ОКЕАНЕ

становится мостом между разными мировыми цивилизациями. И ее участие в мировом политическом процессе способно стать залогом глобальной стабильности.

Естественно, в отношениях России и Запада многое действительно нужно менять. Нужно поскорее уйти от наследия прошлого, избавиться от замызганных трафаретов «холодной войны», перестать рассматривать отношения почти исключительно через призму потенциалов сдерживания и необоснованных подозрений. Это в корне неверно. Необходимо существенно расширить свои знания друг о друге и сферы сотрудничества, сместить акценты в сферу экономики, диалога между общественными институтами.

Главный вывод заключается в том, что России и Западу жизненно необходимо сделать свои отношения более сложными. Сложными в том смысле, что они должны стать многограннее и полноценнее. И Россия и Запад достойны именно таких отношений.

«Российская газета», июнь 2006 г.

Оранжевая серость, или Обесцвеченная революция

24 августа Украина первый раз после «помаранчевой революции» отметила свой главный национальный праздник — День независимости. Как и чем она его встретила? Чем живет и что из себя представляет «новая Украина»? Время поговорить об этом.

Украина стала другой. Сегодня это, пожалуй, видят все. Причем независимо от того, поддерживали они «оранжевую революцию» или относились к ней скептически. При взгляде на сегодняшнюю Украину возникает странное ощущение, словно от встречи с соседом, другом, родственником, которого давно не видел и вдруг встретил и поразился произошедшему с ним изменению. На первый взгляд — едва уловимому, непонятному, но разительному.

В Крыму, например, прошли протесты против ликвидации русских школ. В пылу украинизации никто не обращает внимания на то, что и в Крыму, и в других регионах страны русский язык, русская культура являются родными для граждан Украины. Забыты и предвыборные слова нынешних руководителей страны о том, что русский язык должен стать на Украине вторым государственным.

Одновременно главная кафедра униатской Греко-католической церкви переносится из Львова в Киев. То, что Ватикан пользуется в своих интересах заискивающей перед Западом позицией «оранжевых» властей, понятно. Но чего ради новые власти Украины, прикрываясь словами о свободе вероисповедания,

RUSSIA В МИРОВОМ ОКЕАНЕ

грубо попирают интересы и чувства православных, бездушно пренебрегают *традициями* и культурой своей собственной страны? Уже объявлена и политическая цель — создание на Украине независимой от РПЦ «единой поместной православной церкви», что станет «одним из самых важных факторов самоопределения нации». Неужели желание отделить украинцев от Московской патриархии столь сильно, что ради решения этой задачи сгодится и битые «униатской дубинкой» по всему православию?

Вместе с этим регулярно звучат угрозы украинских министров выйти из проекта создания Единого экономического пространства. Да еще, если получится, опередить Россию при вступлении в ВТО и выставить нашей стране неприемлемые торговые условия. Чуть раньше украинские власти шантажировали Россию повышением арендной платы за объекты Черноморского флота, думая, что это поможет им выгнать из Севастополя российский флот и еще более резво броситься в объятия НАТО. Теперь на Украине приверженность европейским ценностям не мыслится без малевания символики Североатлантического альянса на своих танках и кораблях. Это называется «наиболее гармоничной системой организаций национальной безопасности». Намеки и призывы отнять у российских компаний украинские заводы и предприятия звучат постоянно. У москвичей хотят забрать крымские санатории. А манипуляции с российским газом вообще не прекращаются ни на минуту.

Наверное, в том, что происходит, есть какая-то система. Пусть алогичная, но подчиненная определенной цели. Как говорится, один раз — случайность, два — тенденция, а три — уже закономерность. Вот и хочется понять, что же движет украинскими государственными мужами, продолжающими возводить «революционные баррикады» в отношениях с Россией?

Прежде всего надо вспомнить о том, что «новая Украина» возникла из «оранжевого тумана» под лозунгом «европейской интеграции». Однако очень скоро стало понятно, что кавалерийская атака на Евросоюз успехом не увенчается. Украина рискует превратиться в такого же «вечного кандидата» на членство в ЕС, каким постепенно становится Турция. Причем на примере Турции хорошо видны последствия подобной ситуации — постепенный рост «евроскептицизма» внутри страны, осознание государством «подвешенности» своего состояния, встречный рост изоляционистских настроений в самой Европе. Но эйфория по поводу ближайшей европейской перспективы по-прежнему застилает глаза Киеву.

И дело не в том, что желание понравиться Западу толкает Украину на то, чтобы полностью открыть свою экономику при вступлении в ВТО, превратиться в глухую окраину Европы и «обозный полк» НАТО, угробив национальную промышленность, ВПК, сельское хозяйство и поставив под удар население. Другая сторона проблемы в том, что украинские власти почему-то решили, что самый верный путь в Европу — это антироссийская политика. Из этого странного убеждения проистекает постоянное стремление при каждом удобном случае лягнуть Россию. А если при этом можно еще и что-нибудь отобрать и поделить — вообще хорошо.

В свое время Ленин, отстаивая необходимость политики «красного террора», говорил, что революция только тогда чего-нибудь стоит, когда она умеет защищаться. Нынешние украинские властители, видимо, настолько прониклись заветами лидера коммунистов, что напрямую связали идеи защиты революции с большевистским идеалом экспроприации. Получился террор. «Оранжевый».

История с попыткой «вернуть в собственность Украины» принадлежащие Москве санатории в Крыму — наглядный пример

деловитого грабежа из соображений революционной целесообразности. Москва владеет, управляет и вкладывает средства в крымские базы отдыха еще с 30-х годов прошлого века, то есть с тех времен, когда о передаче Крыма в состав Украины даже речи не шло. Да и за последние годы Москва вложила в крымские здравницы несколько миллиардов рублей, создала и сохранила тысячи рабочих мест в Крыму, построила жилье для крымчан, которые работают в санаториях. Не говорю уже о том, что принадлежащие Москве базы отдыха приносят значительные доходы крымскому бюджету. Но, наверное, это и привлекает «комиссаров экспроприации» — отобрать то, что работает, ухожено и развивается, приятнее, чем приложить свои таланты к приведению в порядок других многочисленных неблагополучных и прозябающих крымских здравниц. Они, кстати, действительно принадлежат Украине.

На примере Крыма хорошо видна еще одна специфическая особенность любых революций. Это маниакальное стремление переписать историю, стереть из народной памяти правду. Не нужно приводить каких-то особых аргументов для того, чтобы доказать, что наши народы являются братьями — и по своей общей истории, и по единой культуре. Что они связаны многочисленными родственными узами, переплетены в экономическом отношении. За последние 400 лет украинские земли побывали в составе Крымского ханства, Речи Посполитой, Австро-Венгрии, Российской империи. Но именно России принадлежала роль собирания украинских земель и созидания украинской государственности. И своей нынешней целостности Украина достигла, лишь оказавшись в составе СССР. Казалось бы, новые украинские власти должны по достоинству оценивать хотя бы «крымский дар» Украине «дорогого» (в смысле дорого обошедшегося России) Никиты Сергеевича. Тем более что Крым никогда Украине не принадлежал и никаких исторических оснований для этого не

было. Но нет, новые постреволюционные учебники для украинских школьников гласят, что «включение Крымского полуострова в состав Украины было попыткой России переложить на ее плечи моральную ответственность за выселение татарского населения». А еще, оказывается, отдав Крым, Россия хотела «вынудить Украину взять на себя ответственность за восстановление хозяйственной и культурной жизни полуострова». Возникает только один вопрос: если все так плохо и ужасно, если Украину вынудили и «выкрутили ей руки», то, может, восстановите справедливость — вернете Крым России?

Отношения новой украинской власти с Россией — частный случай более глубокой проблемы. Проблема известна давно и формулируется так — «есть у революции начало, нет у революции конца». Мишура революционных новаций и преобразований стала способом существования в силу нежелания заниматься реальной политикой и повседневным государственным управлением. Когда «не хочется и не может», остается только одно спасение — заниматься имитацией. Отменять, например, ненавистную ГАИ. Громко объявлять о реприватизации и «справедливом» переделе собственности. Административным восторгом запретов пытаться популистски снизить цены на бензин. Еще можно «искоренять врагов народа», что на Украине сегодня и происходит. Украинские лидеры чуть ли не с гордостью говорят о том, что революцией сняты со своих постов почти 20 тысяч чиновников. При этом многие не просто лишились своих постов, но и попали под арест или подвергаются уголовному преследованию.

Изгнание кадров происходит независимо от результатов работы, по политическим мотивам. Любой чиновник с Востока или Юга Украины может вдруг оказаться коррупционером или сепаратистом. Разрушительные социальные, экономические и политические последствия таких действий никого не интересуют —

главное, чтобы цифра «люстрированных» выглядела решительно и впечатляла.

Кстати, про люстрацию — это не для красного словца. Весной 2005 года в Верховную раду был внесен соответствующий законопроект. Он предусматривал проверку причастности претендентов на руководящие посты в органах власти, армии, СМИ и образования к «фальсификации выборов президента в 2004 году», а также к сотрудничеству с бывшим КГБ СССР и иностранной разведкой после 1991 года. Закон (пока) на Украине не принят, но фактически соответствующая политика проводится.

«Оранжевые демократы», конечно, выдающиеся голуби мира. Не надо только забывать, что голубь — единственная птица, которая заклеывает себе подобных до смерти.

Однако голым пиаром и комиссарским наганом кадровых чисток обмануть экономику и сделать Украину процветающей невозможно. В прошлом году, по официальным данным, рост ВВП Украины составил 12,1 %. В нынешнем году правительство рассчитывает в лучшем случае на рост в 5—6 %. Реально же, по оценкам многих экспертов, этот показатель окажется еще меньше. Инфляция превысит по итогам года 10 %. Причем на многие потребительские товары, например, мясо и сахар, цены только за первое полугодие выросли от 15 до 30 %. Несмотря на явную прозападность и словесную «инвестиционную дружелюбность» украинского правительства, притока инвестиций не произошло. Да и о каких инвестициях может идти речь, когда правительство даже не собирается прекращать политику передела своей и чужой собственности. Даже МВФ намекает украинским властям, что «прояснение ситуации с реприватизационными планами правительства оказывало бы содействие улучшению инвестиционного климата». Но и это не помогает — видимо, очень сильны чьи-то надежды намыть крупницы «золотишка» в продырявленном революцией сите украинской экономики.

Юрий ЛУЖКОВ. ТАЙНА ГОСТИНОГО ДВОРА

Все чаще звучат оценки, предрекающие Украине неизбежный экономический кризис, да еще накануне выборов в Верховную раду. Конечно, «революционный экономический кризис» можно объявить «правильным и благотворным». Особенно если противопоставить его «неправильному и губительному» экономическому росту во времена «антинародного режима Кучмы». Можно даже, как предлагает сейчас украинская власть, пересмотреть официальные данные экономического развития страны в прошлом году и «подрихтовать» статистику, чтобы нынешние экономические провалы не были столь очевидными.

Неспособность завершить революцию и начать нормально жить, заниматься каждодневной кропотливой работой — это и есть главная проблема нынешней украинской власти. Мы наблюдаем печальную картину: людей с синдромом «осажденной крепости», которые почему-то думают, что кратчайший путь в светлое будущее украинского народа и в Евросоюз — это постоянное выдумывание врагов и беспощадная борьба с ними. Хотя никаких врагов нет и в помине и никто на революционеров не нападает.

Праздничный оранжевый фейерверк майдана гаснет, оставляя за собой в небе только серый угарный дым. Но, думаю, он скоро рассеется. Должны же рано или поздно прекратиться эти «самостийность и незалежность» от здравого смысла. Иначе, «уходить с майдана» придется новому поколению украинских политиков.

Известия», август 2005 г.

Тест на незалежність

Через 14 лет после украинского референдума о независимости и последовавшего именно за этим распада СССР Украина так и не решила для себя свой главный вопрос — тот самый вопрос о независимости.

«Самостийности» в недавней украинской истории и ее сегодняшнем дне хоть отбавляй. А вот самостоятельности, рациональности в политике, действий в целях созидания и развития своей страны очень и очень мало.

Большая часть украинского политического класса продолжает находить смысл существования в нескончаемой борьбе с призраками советского прошлого и за место Украины на политической карте. Но уважение в мире и подлинный государственный суверенитет возникают не из борьбы «против России» или «за Евросоюз и НАТО», а только из «обычной» работы по развитию собственной экономики, своей страны.

Мертвый хватает живого

На протяжении 14 лет после распада СССР украинская власть очень часто жила и продолжает жить прошлым и биться с «имперским наследием». Продолжает вспоминать и даже пытается иногда вернуться к драматическим событиям начала 1990-х годов. «Самостийность» и «незалежність» странным образом сочетаются с попытками вновь и вновь связать свой решительный

отказ от наследия Союза особыми условиями и требованиями к России как к правопреемнице СССР.

У всех на слуху, например, отношения Украины и России в газовой сфере. Нынешние предложения Газпрома перейти к прозрачным денежным отношениям — лишь логический результат предшествующего долготерпения России в надежде на самостоятельное избавление Украины от таких детских болезней суверенитета, как неспособность четко платить по счетам, постоянные исчезновения газа из труб и хранилищ, недоговоренность Украины в создании совместного газотранспортного консорциума.

Однако «газовый вопрос» в наших непростых отношениях с Украиной далеко не единственный и даже не самый древний. В истории постсоветского бракоразводного процесса Украина остается единственной страной, которая желает продолжать этот самый процесс бесконечно.

В лучших традициях «мыльных опер» украинские политики 15 лет, с истериками и слезами, шантажом и угрозами, «мытьем» и «катаньем», делят бывшее союзное имущество, попутно не забывая регулярно получать от России пособие на текущую жизнь и даже требовать новых уступок.

Все дело в том, что Украина, в отличие от других стран СНГ, милостиво сооблаговолила отдать России бремя выплаты всех долгов бывшего СССР. Но при этом до сих пор продолжает претендовать на часть бывшего советского заграничного имущества, вчиняя нашей стране иски в зарубежных судах.

Невыносимая легкость бытия

Украина отказывается от подписанных ей договоренностей по так называемому «нулевому варианту», согласно которому правопреемником Союза и по выплате внешнего долга, и по акти-

вам, включая зарубежную собственность, признавалась именно Россия. В свою очередь, Россия обещала, что после урегулирования вопроса предоставит Киеву в пользование и фактически бесплатную аренду часть объектов бывшей советской зарубежной недвижимости.

Однако заключенное в далеком 1994 году соглашение между Россией и Украиной о соответствующих вопросах правопреемства в отношении внешнего государственного долга и активов бывшего СССР так и не ратифицировано украинской стороной.

В принятом по этому поводу в 1997 году постановлении Верховной рады говорилось, что Украина ратифицирует соглашения только после того, как Россия, помимо предоставления информации о размерах золотого запаса, алмазного фонда СССР и об активах советских банков, еще и откроет Украине на своей территории режим свободной торговли.

Но это означает только одно — Украина признает всю безосновательность и неприличие затягивания ратификации соглашений 1994 года, поскольку выставляет в качестве условия для этого никак не связанные с сутью вопроса дополнительные требования по зоне свободной торговли.

Украина в очередной раз увильнула от решения вопроса по советским долгам и активам еще и в нынешнем году, когда Россия пошла на очередную беспрецедентную уступку для Киева, изменив порядок уплаты НДС по стране назначения и предоставив таким образом Украине порядка 1 миллиарда долларов в год дополнительных доходов.

Но и этот жест доброй воли не произвел на нынешнюю украинскую власть никакого впечатления. Напротив, сегодня в Киеве вновь заговорили о том, что помимо части имущества бывшего СССР от России нужно потребовать еще и компенсации украинским вкладчикам их сгоревших в советском Сбербанке вкладов.

Выборочный склероз

Фирменная для Украины тактика «эскалации требований» к России уживается с удивительным беспамятством. Украинские власти напрочь забыли, в какой ситуации в начале 1990-х годов принимались соглашения о правопреемстве, а также, на чем был построен их главный принцип.

А я вот хорошо помню то время. Распад СССР происходил в обстановке не только политического, но и экономического хаоса. Страна залезла в почти безнадежные долги. На момент своего распада СССР задолжал более 100 миллиардов долларов.

Осенью—зимой 1991 — 1992 годов в качестве заместителя председателя Комитета по оперативному управлению народным хозяйством распадавшегося Союза мне было поручено решать проблемы обеспечения страны продовольствием. Ситуация была критическая — надвигалась реальная угроза голода. А в это время новоиспеченные лидеры самостийных республик занимались только одним — суверенизацией.

Украинская власть, например, больше всего была озабочена прятками от Горбачева, пытавшегося добиться от «братских республик» согласия на новый Союзный договор. Именно для этого и придумывался на скорую руку украинский референдум 1 декабря 1991 года, где, по меткому выражению того времени, за независимость проголосовали 90 процентов избирательных комиссий.

Накануне зимы 1992 года, когда ровно через неделю после украинского референдума в Беловежской Пуще деловито и цинично добивали Союз, мало кто из суверенизаторов и самостийщиков вообще вспоминал о хлебе. И мало кто помнит сейчас, что, если бы не чрезвычайные усилия России и закупки продовольствия в долг за рубежом, мы могли бы повторить ситуацию страшного голода 1930-х годов. Эти долги, между прочим, так-

RUSSIA В МИРОВОМ ОКЕАНЕ

же, как и обязательства по всем советским заимствованиям, полностью взвалила на себя потом Россия.

И вот теперь в Украине предпочитают рассуждать о том, что в бывших советских активах им должно принадлежать 16,37 процента. Но одновременно не считают нужным помнить о том, что Россия на протяжении всех 1990-х годов платила и сегодня продолжает выплачивать в полном объеме все советские долги. Забывают, что на долговом балансе нашей страны висят в том числе и почти 20 миллиардов долларов советских долгов, которые Украина переложила на Россию.

Забывают, что, сняв бремя и ответственность с других постсоветских стран, Россия фактически предоставила «кредит выживания» и Украине. Если бы не это решение и не эта добрая воля России, то еще неизвестно, что сегодня с ней было.

Украине рано или поздно придется понять, что она уже давно рассталась с «советским наследством». Потеряла все права на него ровно тогда, когда отказалась взять на себя выплату части советских долгов. Факт такого отказа оспорить невозможно.

Момент истины для Украины

Сегодня Украина всячески пытается позиционировать себя перед Западом как «страну с рыночной экономикой» и полноценного субъекта «цивилизованного сообщества». Это делается в расчете на принятие в члены НАТО. В расчете на безболезненное вступление в ВТО. В расчете на перспективу вхождения в Евросоюз.

Однако в своих практических действиях украинское руководство совсем не соответствует столь пестуемому имиджу. Наш со-

сед сегодня стал, пожалуй, мировым лидером по уровню политических и экономических рисков. Они связаны с угрозами национализации и повторной приватизации собственности, неспособностью выстраивать нормальные отношения с соседями и партнерами, нежеланием жить по общепризнанным правилам.

В той же истории с советской собственностью Украина вредит не только нашей стране, но одновременно ставит под угрозу и интересы многих иностранных государств. Если подвергается сомнению статус российских объектов за рубежом, то аналогичным образом возникают проблемы и со статусом иностранных посольств в Москве — как столице бывшего СССР и России.

Все это отнюдь не прибавляет ни рыночности украинской экономике, ни демократизма методам украинской правящей элиты. И вовсе не возвышает авторитет украинского руководства на Западе. Кому нужен финансовый, экономический и политический союзник, который сиюминутно, в угоду текущим меркантильным интересам готов отречься от своего исторического наследия и своих исторических партнеров, готов дезавуировать собственные обещания?

Россия, решительно и последовательно заявив о необходимости перейти к цивилизованным и прозрачным отношениям наших стран в той же газовой сфере, сделала тем самым для нормального развития и будущего Украины не меньше, чем несколько поколений украинских политиков вместе взятых.

Хотя бы потому, что новые условия работы украинской экономики — это тест для нее. Тест на способность к «евроинтеграции». Тест на вступление в ВТО, куда Украина столь стремительно и бездумно неслась весь последний год, пытаясь опередить Россию, чтобы выставить нам свои торговые условия. Это реальный тест для Украины на способность к самостоятельной жизни и ответственной политике.

Как аукнется, так и откликнется

Наконец, еще одно. Вполне допускаю, что многие меня раскритикуют за то, что я сейчас скажу. Но это нужно сделать.

Украина своей перманентной революционной целесообразностью и наскоками на Россию подрывает основные принципы наших межгосударственных отношений — Договор 1997 года о дружбе, сотрудничестве и партнерстве.

И дело тут даже не в очевидной недружественности многих украинских действий и инициатив. Заявлениями о скорейшем вступлении в НАТО Украина четко берет курс на прямое фактическое нарушение статей Договора 1997 года. В частности, положений о том, что стороны воздерживаются от участия или поддержки каких бы то ни было действий, направленных против другой стороны, обязуются не заключать с третьими странами каких-либо договоров, направленных против другой стороны, и не допустят использования своей территории в ущерб безопасности другой стороны.

Когда сегодня, в ответ на предложения России перейти к рыночным отношениям в газовой сфере, Украина выдвигает асимметричные требования к российскому Черноморскому флоту, она тем самым де-факто опять дезавуирует межгосударственный договор. Он подписывался в пакете с Соглашением между Россией и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского флота РФ на территории Украины. И именно с учетом этого был ратифицирован в 1999 году российским парламентом.

Украина должна ясно себе представлять, что, разрушая своими руками межгосударственные договоренности и соглашения, она тем самым открывает вопрос о статусе Крыма. Нынешняя его принадлежность Украине фактически легитимирована только тем самым Договором 1997 года и тогдашней слабостью президента Ельцина. Теперь ничего подобного не будет. Если украинская сто-

Юрий ЛУЖКОВ. ТАЙНА ГОСТИНОГО ДВОРА

рона хочет и дальше проводить свою недружественную политику, то России имеет смысл рассмотреть основательно вопрос о соответствии этого договора сложившимся реалиям.

В начале 1990-х годов была разрезана по живому общая судьба и разорвана общая жизнь наших народов. Этот факт стал одной из величайших трагедий и катастроф в нашей истории. Этот разрыв не понят и еще не пережит «до дна» народами наших стран.

Но сегодня, прекрасно осознавая трагизм и чувствуя боль того распада, политики России и Украины должны найти в себе силы перейти к рациональным, честным и ответственным отношениям между нашими странами.

Россия это уже поняла. Украина — скорее еще нет. Чем раньше украинская власть осознает необходимость перестать грезить советским прошлым и перестать любовно перепрягивать «скелеты в шкафу» в наших отношениях, тем будет лучше. Тем скорее можно будет говорить, что Украина стала наконец самостоятельным, ответственным и независимым от своих собственных страхов государством.

Российская газета», декабрь 2005 г.

Нейтралитет

8 августа 1945 года — ровно через три месяца после капитуляции фашистской Германии — Советский Союз, идя навстречу просьбе США и Великобритании, вступил в войну против Японии. Благодаря совместным действиям союзников был положен конец планам японских милитаристов подчинить себе огромные территории Восточной Азии, и в том числе районы Дальнего Востока и Сибири. Но СССР объявил войну Японии тогда, когда формально действовал заключенный в апреле 1941 года на пять лет Пакт о нейтралитете. Как относятся к этому факту в России и Японии? Тут есть о чем поразмышлять.

Для нас победа СССР над фашистской Германией неизбежно означала также необходимость выполнения союзнического долга по освобождению Азии от японских захватчиков. Для большинства же японцев мы — вероломные нарушители Пакта о нейтралитете, который позволил СССР сосредоточить свои усилия в борьбе с Гитлером, но нарушенного нами в 1945 году, в тяжелое для Японии время.

Действительно ли это так? И почему японцы не могут признать, что на протяжении десятилетий вели агрессивные захватнические войны, и примириться с поражением?

Дело в том, что идеология «обиды» на Россию имеет свою историю, свою подоплеку и своих идеологов. Именно она питает

чувство неприязни к России, и в сущности, она является источником политики территориальных требований к России. На чем же зиждется эта обида?

Для нас, для россиян, этот факт нашей истории выглядит так. Япония в 1904—1905 годах вела против России войну и по ее итогам отторгла у нее Южный Сахалин. В 1917—1925 годах японские войска оккупировали российский Дальний Восток и Сибирь с намерением присоединить эти территории к Великой японской империи. В 1938 году Япония нарушила границу в районе озера Хасан и в 1939 году развязала масштабные боевые действия против советских войск на территории Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол. В 1941 году Япония развязала захватническую войну против стран Восточной Азии, США и Великобритании, то есть против наших союзников в борьбе с Гитлером.

После нападения Германии на нашу страну стоял вопрос не только о будущем Европы, но и о физическом выживании всего российского народа, который лишь ценой мобилизации всех своих ресурсов, и получая помощь союзников, смог победить фашизм и освободить свою страну и все другие европейские народы от коричневой чумы.

Чтобы лучше понять психологию японских идеологов, приведу несколько цитат из изданной в России книги известного японского исследователя И. Суэцугу «Вехи на пути заключения мирного договора между Россией и Японией».

Вот как он оценивает войну 1904—1905 годов. Цитирую: «Япония заразилась хищнической манерой поведения других держав Европы и Америки. В результате растущих appetитов России в отношении Кореи противостояние между Японией и Россией приобрело решительный характер. Япония выдвигала различные компромиссные предложения, но Россия их проигнорировала, и... Япония, нанеся удар по порту Порт-Артур, разожгла пожар японско-русской войны».

О причинах японской интервенции в 1918—1925 годах, в ходе которой были оккупированы Приморская, Амурская, Забайкальская области и Северный Сахалин, И. Суэцугу пишет: «В результате революции у России не могло не возникнуть мечты осуществить мировую революцию, и по настоянию Антанты Япония и Соединенные Штаты приняли решение о военной экспедиции в Сибирь».

Меня поражают термины. «Военная экспедиция», а не «интервенция», «заразилась хищнической манерой поведения других держав», а не «стремилась включить в состав своей империи территории Сибири и Дальнего Востока». Ни слова покаяния, ни слова о том, что целью всех этих так называемых походов была аннексия российских территорий.

Боевые действия против советских войск в 1938 и 1939 годах, унесшие жизни десятков тысяч человек, называются «локальным столкновением».

Советско-японский Пакт о нейтралитете, считает И. Суэцугу, «оказался весьма эффективным». «Перебросив свои войска с Дальнего Востока и из Сибири на Запад, И. Сталин смог с полной отдачей сил сражаться с германской армией, а Япония смогла отправить на юг отборные войска Квантунской армии». Прямо идилия получается.

Но, как принято говорить, не совсем это так или даже совсем не так. Давайте проанализируем.

Итак, в 1925 году Япония вывела свои войска с Северного Сахалина и установила с СССР дипломатические отношения. Однако, как явствует из документа под названием «Меморандум Танака», уже летом 1927 года Япония планировала подготовку новой войны с Россией.

В 1930 году был разработан специальный план ведения войны с СССР под названием «Оцу». В оперативные планы дислоциро-

вавшейся в Китае Квантунской армии входил удар по советскому Приморью с целью захвата Владивостока, Хабаровска, Благовещенска. Планировалось отсечь войска Особой дальневосточной армии от войск Забайкальского военного округа и осуществить наступление на амурском и забайкальском направлениях.

Москва всячески стремилась уклониться от столкновения с Японией. И даже когда Япония начала бесцеремонно вытеснять Россию из Северо-Восточного Китая, нападая на советские учреждения и парализуя работу Китайско-Восточной железной дороги, России ничего не оставалось, как продать в марте 1935 года это выгодное предприятие за бесценок.

Япония готовилась к войне с Россией и, естественно, стремилась заручиться поддержкой союзников. 25 ноября 1936 года в Берлине было подписано германо-японское «Соглашение против Коммунистического Интернационала» и дополнительный секретный протокол к нему.

Подписав Антикоминтерновский пакт, Япония пыталась заключить также военный союз с Германией с целью ведения совместной войны против СССР в Европе и на Дальнем Востоке. Однако война против СССР в то время еще не входила в планы Гитлера.

27 сентября 1940 года Япония, Германия и Италия подписали Тройственный пакт, в котором провозгласили своим «основным принципом создание и поддержание нового порядка в районах Великой Восточной Азии и Европы» и выразили «решимость предпринимать согласованные действия в указанных районах». Мы знаем, какими нечеловеческими трагедиями и безжалостной эксплуатацией обернулся для народов Европы и Азии этот «новый порядок».

Первой проверкой боеготовности советских войск было нападение на российских пограничников в районе Приморья близ озера Хасан.

RUSSIA В МИРОВОМ ОКЕАНЕ

По приказу генштаба Японии у границы с СССР была сосредоточена группа войск, насчитывающая более 38 тысяч человек. 29 июля 1938 года японские войска, находящиеся в тысячах километров от японских островов, перешли в наступление. К 31 июля они захватили сопки Заозерная и Безымянная, продвинувшись в глубь Приморья на 4 километра. После ожесточенных боев к 9 августа японские войска были отброшены с занятых ими позиций.

Потерпев сокрушительное поражение у озера Хасан, Токио решил взять реванш. В течение осени 1938 года были разработаны два новых плана войны против СССР под названием «Операция номер 8». С начала 1939 года командование Квантунской армии начало тщательную подготовку к нападению. В случае успешного развития боевых действий в Монголии японцы планировали выйти в тыл Дальневосточной армии в районе Читы и Байкала и перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль, связывающую европейскую часть и советский Дальний Восток.

Боевые действия начались 12 мая и закончились 9 сентября 1939 года. В боевых действиях, которые велись на фронте 40—50 километров, с обеих сторон участвовали около 100 тысяч человек.

Можно ли назвать эти боевые действия, в которых только с японской стороны погибли около 18 тысяч солдат и офицеров, «пограничным инцидентом»? В действительности это было не чем иным, как началом настоящей, но неудавшейся войны против СССР, которая была локализована в границах Монголии.

Совершенно очевидно, зная о планах японцев и значительно усилив свои военные группировки на Дальнем Востоке, а также проверив боеспособность под Хасаном и Халхин-Голом, И. Сталин уже не опасался Японии.

Большая война в одиночку против СССР была бы для нее губительной. Японские стратеги тщательно разрабатывали военные

планы против СССР, но понимали, что война может быть успешной, если решающее дело сделают гитлеровские войска.

Итак, следуя примеру Германии, Япония 30 октября 1940 года предложила СССР подписать Пакт о ненападении.

Несмотря на близость столкновения с Германией, В. Молотов открыл перед Японией все карты. Нарком открыто потребовал восстановления прав России на Южный Сахалин и Курильские острова в качестве условия заключения Пакта. В качестве альтернативы предлагался другой вариант — Пакт о нейтралитете. В ходе переговоров о заключении Пакта доходило до курьезов. 12 апреля 1941 года японский министр иностранных дел И. Мацуока, обсуждая с И. Сталиным условия заключения Пакта о нейтралитете, поставил вопрос о продаже Японии Северного Сахалина. Сталин подошел к карте и сказал: «Япония держит все выходы Советского Приморья в океан... Теперь вы хотите взять Северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз? Вы что, хотите нас задушить? Какая же это дружба?» И. Мацуока же ответил, что Сахалин нужен Японии для создания «нового порядка» в Азии, и пытался склонить И. Сталина к агрессии в Азии путем «выхода через Индию к теплому морю». Несмотря на все нюансы взаимоотношений, 13 апреля 1941 года Пакт о нейтралитете между СССР и Японией был подписан.

В истории много необъяснимого. Именно тот самый И. Мацуока, который страстно убеждал Сталина в дружбе между Россией и Японией и благодаря усилиям которого был подписан Пакт о нейтралитете, летом 1941 года стал самым яростным сторонником скорейшего вступления Японии в войну против СССР на стороне Германии, невзирая на подписанный им же Пакт о нейтралитете.

Уже на первом заседании координационного совета и императорской ставки 25 июня, то есть через три дня после вторжения Германии в СССР, он настоятельно рекомендовал последо-

вать примеру Германии и напасть на нашу страну. «Подписание Пакта о нейтралитете не окажет воздействия или влияния на Тройственный пакт, — утверждал он. — Я заключил Пакт о нейтралитете, так как считал, что Германия и советская Россия не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы предпочел занять в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы его заключать». 27 июня на очередном заседании он заявил: «Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска».

Спустя всего десять дней после начала Гитлером войны против СССР Япония решила секретно начать подготовку новой войны против Советского Союза. «Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, — считало японское руководство, — то Япония, прибегнув к вооруженной силе, разрешит северную проблему».

7 июля император Хирохито дал указание секретно провести мобилизацию полумиллиона японцев и перебросить их в Маньчжурию, в районы, пограничные с СССР. Генеральный штаб и военное министерство Японии разработали план подготовки и ведения наступательных операций против СССР под названием «Кантокуен». В результате его реализации японская Квантунская армия сначала была увеличена вдвое — до 700 тысяч человек. Всего для нападения на СССР была сформирована группа войск в составе 1 млн человек.

Планом «Кантокуен» были предусмотрены разгром советских войск в Приморье, оккупация Владивостока, Хабаровска и удар в западном направлении вплоть до Омска.

Внутри руководства Японии мнения относительно сроков начала войны разделились. Одни, как военный министр Х. Тодзе, убеждали, что нападать надо тогда, когда СССР, «подобно спелой хурме, готов будет упасть на землю к ногам Японии». Дру-

гие, как министр иностранных дел И. Мацуока, требовали немедленного начала войны.

К войне с Россией Япония была явно не готова. Зная по уроку Хасана и Халхин-Гола боевые возможности советских войск, японский генеральный штаб решил не рисковать и выступить только тогда, «когда немецкая армия захватит Москву и продвигнется хотя бы до Волги». Но уже через месяц было ясно, что гитлеровский план молниеносной войны против СССР был сорван.

Перед Японией стоял выбор: продолжить начатые ранее операции в Юго-Восточной Азии или, воспользовавшись удобным моментом, все-таки ударить по СССР.

Выбор направления удара определила нефть. В 1941 году 88 % всех японских потребностей в нефти удовлетворяли канадские, голландские и американские компании. После того как Япония вторглась в Индокитай, 25 июля 1941 года американское правительство ввело эмбарго на поставку нефти в Японию. Вслед за США эмбарго объявили Англия и Голландия. По разным оценкам, в Японии с учетом военных потребностей оставалось нефти всего на три-четыре месяца. В таких условиях война Японии против СССР была уже невозможна. Продвижение в глубь Дальнего Востока и Сибири не дало бы японской армии легкодоступной нефти.

Начало войны против СССР было бы губительно для Японии. Гигантские расстояния, суровые сибирские условия, отсутствие ресурсов для длительного ведения войны — все это неминуемо привело бы Японию к поражению. Решись Япония на этот шаг — и тогда бы Советская армия вынуждена была воевать с Японией не только в Китае, но и непосредственно на территории Японии. А это была бы еще большая трагедия.

В связи с отсутствием ресурсов, замедлением германского наступления на Западном фронте и приближением осенне-зимнего периода военно-политическое руководство Японии 9 августа

приняло решение отложить наступление на СССР и начать подготовку к войне на Юге.

Но японские генералы следили за обстановкой на советско-германском фронте, и их долгосрочные планы остались неизменны. В декабре 1941 года, в самый разгар боев под Москвой — в Токио разработали «План административного управления районами Великой Восточной Азии». В нем устанавливалось, что Приморская область будет присоединена к Японской империи, а районы, граничащие с Маньчжурией, должны находиться под ее управлением.

Абсолютно очевидно, что существование Пакта о нейтралитете ни в малейшей степени не сдерживало японское правительство от нападения на СССР. Пакт был с самого начала для Японии ничтожным. Япония не напала на СССР, но вела самую настоящую, масштабную подготовку войны, которая не разразилась исключительно из-за провала гитлеровских планов и стечения ряда внешних обстоятельств. Именно поэтому Пакт о ненападении между СССР и Японией был, с одной стороны, формально действовавшим, но с другой стороны — в своей основе фиктивным.

И все же: насколько оправданно с моральной точки зрения вступление СССР в войну против Японии в нарушении хотя бы формально действующего Пакта о нейтралитете, если Япония лишь планировала напасть на советский Дальний Восток, но не решилась это сделать?

Отвечу — а мог ли Советский Союз поступить иначе? Шла Вторая мировая война. Одна группа стран стремилась подчинить себе весь мир, истребляя и поработывая другие народы. Фашистская Германия оккупировала почти всю Европу и попыталась уничтожить нашу страну. Вашингтон и Лондон встали на нашу сторону, чтобы, объединившись, спасти весь мир от «нового порядка» концлагерей, газовых камер и дьявольской на-

цистской идеологии. Ту помощь, которую оказывали нашей стране союзники в начале войны, переоценить просто невозможно. Ежемесячная поставка 400 самолетов, 500 танков, 152 зенитных пушек и 756 орудий и другой боевой техники. Тысячи тонн бронированной стали, цветных металлов, продовольствия, одежды и медикаментов. Эта помощь помогла нам перестроить свою промышленность, эвакуировать заводы из европейской части на Восток.

Чего бы стоила нам и нашим союзникам борьба в одиночку? Этого не может предсказать никто. Не было и не могло бы быть никаких оправданий отказу СССР участвовать в совместных усилиях по подавлению японских агрессоров. Слишком остро союзники нуждались в помощи друг друга. Слишком много им пришлось пройти. Слишком велика была цена победы. И слишком страшными были планы Германии и Японии по установлению мирового господства.

Первые требования США к СССР оказать ей помощь в войне с Японией прозвучали уже в 1941 году. Как только 7 декабря 1941 года Япония атаковала Пёрл-Харбор, президент Ф. Рузвельт через посла СССР в Вашингтоне М. Литвинова обратился к И. Сталину с просьбой объявить войну Японии.

Вопрос этот союзники ставили перед Сталиным многократно, причем открытие второго фронта в Европе, который был так нужен советскому народу, союзники неизменно увязывали с вступлением СССР в войну против Японии. Принципиальное решение было принято И. Сталиным сразу после победоносного Сталинградского сражения в феврале 1943 года. Но сил было недостаточно. 28 ноября 1943 года на Тегеранской конференции руководителей союзных держав И. Сталин заявил: «К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям англо-американских друзей потому, что заняты на Западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на

Дальнем Востоке более или менее достаточны для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда — общим фронтом против Японии». На этой же конференции союзники дали обещание открыть второй фронт против Германии на севере Франции.

11 февраля 1945 года И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль поставили свои подписи под Ялтинским соглашением, в котором союзники согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии... возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалин... и передачи Курильских островов».

Анализируя ситуацию, я считаю, что И. Сталин не торопился вступить в войну с Японией и фактически давал Японии максимальное отпущенное Ялтинским соглашением время для принятия решения о капитуляции. Он явно рисковал, вступая в войну в самый последний день, который был оговорен в Ялте. Скажем, Токио мог заявить о своей капитуляции сразу после публикации 26 июля 1945 года Потсдамской декларации с требованием о капитуляции Японии. К слову, первоначально США надеялись именно на это. Но из-за непрофессионализма тогдашнего госсекретаря Дж. Бирнса, как считают историки, из текста декларации были исключены фразы, намекающие на возможность сохранения императорской системы и облегчающие для Японии этот шаг.

И. Сталин из сообщений разведки знал, что в США 16 июля была испытана атомная бомба, и догадывался, что американцы намереваются использовать это оружие против Японии.

Вашингтон, в свою очередь, знал о сроках советского наступления. Еще 28 мая 1945 года во время беседы со специальным по-

сланником президента США Г. Гопкинсом И. Сталин информировал его, что будет готов к войне с Японией 8 августа. Видимо, поэтому Г. Трумэн, который пришел на смену скончавшемуся президенту Ф. Рузвельту, привнес в отношения между нашими странами элементы холодной войны, постарался использовать ядерное оружие именно до этого срока. У Японии было два дня. Г. Трумэн надеялся, что Япония капитулирует до вступления СССР в войну. Сталин не торопился.

И если бы Япония сразу приняла условия Потсдамской декларации, вступление СССР в войну было бы уже невозможным. Для меня очевидно: будь главной целью И. Сталина исключительно Курилы, он бы не оставил и малейшей возможности досрочной капитуляции Японии и объявил войну Японии раньше.

Не верится мне и в то, что И. Сталин не решился дать приказ о более раннем наступлении из-за необходимости его основательной подготовки. Ведь цель оправдывала средства. И такой приказ был бы выполнен — чего бы это Советской армии ни стоило.

Кстати, И. Сталин, которого мы вряд ли заподозрим в неумении плести иезуитские интриги, откровенно говорил союзникам о предложениях Японии Советскому Союзу выступить посредником между Вашингтоном и Токио и фактически отказался вести с Японией «игру», которая бы создавала у Токио иллюзии в возможности каких-либо других условий, кроме безоговорочной капитуляции.

Как бы развивались события, если бы СССР отказался выступить на стороне союзников? Ядерные бомбардировки Японии могли бы продолжиться. Сколько городов было бы еще разрушено. Сколько сотен тысяч ни в чем неповинных людей стали бы жертвами бомбардировок. Какими бы жертвами и разрушениями это обернулось для Японии? Какова была бы участь японских солдат Квантунской армии? Вернулись ли бы они на родину?

RUSSIA В МИРОВОМ ОКЕАНЕ

Сейчас мы признаем, что, денонсируя Пакт о нейтралитете 5 апреля 1945 года, СССР не мог отменить его формальное действие до апреля 1946 года. Но вспомним и другое. Пакт предусматривал, что «в случае если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». Пакт о нейтралитете был заключен до нападения Гитлера на нашу страну и до начала войны Японии против США.

Были ли другие варианты действий СССР?

В то время когда жизненные силы государств и народов были отданы ради освобождения человечества от фашизма и наказания агрессоров, не было и не могло быть никаких оправданий уклонению от союзнического долга и вступлению в закулисные переговоры с одним из агрессоров. А Япония в этой войне выступала агрессором, и боевые действия против нее США были вынужденным ответом. Нейтралитет СССР расценивался бы не иначе как сотрудничество с союзником Гитлера. А это было немыслимо.

Разумеется, ни США, ни СССР не были альтруистами и думали о своих военных и стратегических интересах. Напав на российский Порт-Артур и заставив Россию отказаться от южной части Сахалина, Япония нарушила Симодский договор 1855 года и Петербургский договор 1875 года, в которых провозглашалось, что Россия и Япония будут жить в «постоянном мире и искренней дружбе». Учинив захват огромных территорий России в 1918—1925 годах, Япония нарушила Портсмутский мирный договор 1905 года. Именно поэтому наказание милитаристской Японии путем отторжения от нее территорий, «которые она захватила при помощи силы и в результате алчности», полностью соответствовало договоренностям союзников по Каирской декларации от 27 ноября 1943 года.

В книге И. Суэцугу я обратил внимание на одну примечательную мысль, которая мне многое объяснила. Он считает, что все агрессивные войны, которые вела Япония, следует считать скорее вынужденными и спровоцированными другими государствами, в частности Россией. Япония якобы не ставила перед собой никаких экспансионистских целей. А если и ставила, то только под влиянием дурного примера других государств.

Те войны, которые вела Япония и в результате которых она расширяла свою империю, считает И. Суэцугу, соответствовали одной логике. Но когда Япония потерпела поражение во Второй мировой войне, тогда заработала другая логика, которая не предусматривает никаких территориальных потерь со стороны Японии.

Но, к сожалению, а может и к счастью, и в природе, и в обществе невозможно ограничить ответственность за агрессию или попытку захвата чужой собственности только лишь утерей завоеванного. Всегда и везде агрессор или посягнувший на чужую собственность теряет больше — свою собственность, свою территорию, свои богатства, свою свободу, наконец. Это и есть единственный сдерживающий принцип, который понимается всеми как универсальный принцип справедливости. «Железное правило» истории, я бы сказал.

В заключение хотел бы сказать, что считаю современную Японию миролюбивым и дружественным России государством. Все, что я сказал или, вернее, процитировал, — относится к истории. А в истории многих стран есть и такие страницы, о которых бы не совсем хотелось говорить. Но знать и помнить о них надо.

«Российская газета», август 2005 г.

Хроника объявленной смерти

В своем родном городе Пожареваце — в 80 километрах от Белграда, недалеко по нашим меркам, — нашло свое земное упокоение тело Слободана Милошевича. Душа Милошевича взлетит высоко, на суд Божий, недоступный обвинителям Гаагского трибунала.

О смерти написано много. «Блажен, кто пал, как юноша Ахилл, прекрасный, смелый, юный, величавый», — писал поэт 200 лет назад. Бывший президент Югославии не был ни юным, ни прекрасным. Но он пал в непридуманном бою, в одиночку сражаясь за честь сербского народа и свою собственную, — так, я уверен, скажут сегодня и в Сербии, и в России люди, не верящие Западу на слово. Некоторые уже поместили лицо Слободана на иконы.

Я не готов разделить крайние оценки жизни и деятельности Слободана Милошевича. Мы, политики и администраторы, варящиеся в котле повседневных проблем, — самая неблагодарная глина для высоких оценок. Но политики, как и все люди, по-разному проходят и завершают свой путь. Только что, один за другим, свои юбилеи отпраздновали два наших бывших президента. Борясь друг с другом, они вместе развалили нашу страну, нанесли ей такой ущерб, какой ей не наносили самые опустошительные нашествия. Это не лишает их аппетита и самоуважения. Мы видим, как почетна и комфортна их старость в окружении родных, спонсоров и почитателей. В самом деле — многая и благая им лета!

Слободан Милошевич, который по-своему боролся за свою Югославию, ошибался и спотыкался, но в конце концов не склонил головы ни перед предубежденной Европой, ни перед 66-ю предъявленными ему обвинениями, безусловно, займет в памяти своего народа лучшее место. Много лучшее, чем то, которое его гробу отвели измельчавшие власти его страны, погруженные в счеты с семьей Милошевича и его памятью. И мы вправе назвать тех, кому Слободан Милошевич обязан мученическим венцом. Поздравляем лидеров НАТО, отбомбившегося в Югославии, западную прессу и телевидение и, конечно, госпожу Карлу дель Понте, гаагских врачей и судей, навек прославивших особенное «гаагское правосудие».

Говорят: предупрежден — значит спасен. Когда Запад купил Милошевича, как вещь, у поставленных с западной помощью властей Сербии, я написал в «Известия» статью-предупреждение «Не спрашивай, по ком звонит колокол». Цитирую: «В зале Гаагского трибунала вся королевская рать стран НАТО, может быть, вопреки своим первичным планам, вступит с ним, с Милошевичем, в поединок как с „павшим величеством“ в единственном числе. С тех пор как стоит мир, картины столь неравных противостояний западают в человеческую душу. К тому же Западу придется уж очень основательно потрудиться, чтобы представить суду собственную роль в методичном десятилетнем развале Югославии как успешную конструктивную работу по урегулированию конфликта, как стремление — из соображений альтруизма — помочь живущим в ней народам справиться с внутренними проблемами. В неумной попытке заполучить Милошевича на свой суд и расправу и таким образом „закрыть тему“ участники бомбардировок Югославии, того не заметив, сами посадили себя на скамью рядом с тем, кто ушел так и не осужденным».

Несколько лет назад мы не могли знать всего наверняка: что Зоран Джинджич, выдавший Милошевича в Гаагу, погибнет

прежде Милошевича от сербской руки; что Запад проявит такую похвальную экономию, уйдя от обещаний кредитов и помощи опозоренному предательством правительству Сербии; что уход Милошевича не облегчит жизнь сербам в Косово, а сам этот край, вопреки всяким договоренностям, сегодня будет в пяти минутах от независимости. Но мы догадывались, что живым из тюрьмы в Гааге Слободан Милошевич не выйдет. Попытка юридическим образом закрепить за сербами и их лидером роль козлов отпущения за все произошедшее на Балканах не удалась — во многом именно благодаря Милошевичу. Он поставил своих тюремщиков в безвыходное положение: осудить они его не могли, а выпустить — тем более. Годы, проведенные свергнутым президентом Югославии в тюрьме, были хроникой заранее запланированной и объявленной его смерти. Отравили его или просто отказывали ему в помощи — важно для следствия, но не для понимания сути произошедшего. Слободана Милошевича вели к смерти и в конце концов уморили. До суда.

Это жертвоприношение оказывает и будет оказывать влияние не только на будущую судьбу сербского народа и государства. Оно кладет предел потугам сильного судить слабого и заставлять всех восхищаться своей справедливостью. Эти международные суды — над лишенными власти с помощью иностранного вмешательства владыками, над отвергнутыми народами и непонятными культурами, — мы знаем, могут еще продолжаться. Но сомнение положено — даже в глазах сторонников наднационального правосудия.

И вновь вернусь к главному. К тому, что волнует меня сегодня не меньше, чем пять лет назад: «Я глубоко взволнован происходящим с Югославией и молю, чтобы она удержалась — прошла через это новое испытание. Но я не меньше обеспокоен все углубляющейся трещиной между Россией и Западом в оценке событий на Балканах — слишком хорошо чувствую все неприят-

Юрий ЛУЖКОВ. ТАЙНА ГОСТИНОГО ДВОРА

тие в нашем народе двойных стандартов, двойной морали, лицемерия по отношению к Югославии. Расхождение в этом вопросе с Западом — обоснованное сомнение в справедливости нового мирового порядка — разочарование в наших общих с Западом ценностях — вот та цепочка рассуждений, которую мне как мэру одной из европейских столиц не хотелось бы допускать. Мы ведь тоже принадлежим к Европе, к Западу — по крайней мере, для тех, кто живет восточнее нас. И заблуждение Запада, его моральная неправота, которую так остро чувствуют в России, — повод для нашей серьезнейшей тревоги, а не злорадства.

Не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по потерянной справедливости».

«Известия», март 2006 г.

**ДЕЛО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВАЖНОСТИ**

«Когда мы гуляли всей семьей, я ушел немного вперед. А Оля, моя младшая дочь, идет вместе с мамой и спрашивает:

— Мама, а почему папа никогда не ходит вон по той дорожке и к тому домику не подходит?

— Нехороший этот домик, — отвечает мама. — Вот папа его и не любит.

Но Ольга не отстает, она дотошная. Мне потом Елена рассказывала, что дочь все переспрашивает, „почему нехороший“, „почему папа не любит“?

Тогда жена остановилась и объясняет ей:

— Понимаешь, Оля, была у нас большая страна. Большая и сильная, которую все уважали. И у страны этой был один президент — самый важный человек. Он страной руководил, и для этого у него была власть... Нашлись три дяди, которые тоже захотели, чтобы у них была власть. И чтобы слушались их, а не президента большой страны. И вот в этом самом „нехорошем домике“ они и написали такую бумагу, чтобы большой страны не было, а вместо нее возникло несколько стран помельче, в которых эти дяди были бы самыми важными и главными».

«Европейский выбор России», 2005 г.

Либеральное и социальное

Два крыла единой стратегии

План действий, предложенный президентом России в ежегодном послании Федеральному собранию в мае 2003-го, оказался куда более впечатляющим, чем представляли себе эксперты. Его масштаб и размах объясняются простым, очевидным и печальным обстоятельством: основные задачи, не первый год стоящие перед страной, мягко говоря, еще очень далеки от решения.

Базовый элемент

Неспешный ход реформ в нашем хозяйстве объясняют разными причинами. Говорят, например, что быстрые действия затруднены большими размерами страны. Однако самостоятельная хозяйственная деятельность каждого субъекта экономики нынче не только разрешена, но даже приветствуется. Следовательно, инерция всей страны вряд ли способна слишком уж помешать отдельному субъекту работать. Значит, это объяснение несостоятельно. Ссылаются также на особенности климата, требующие повышенных производственных расходов. Но вся Россия расходует на отопление примерно столько же энергии, сколько тратит всего один американский штат Калифорния на одно только кондиционирование.

Кроме этих и аналогичных им оправданий, существуют еще два, правое и левое, типичных объяснения нашей медлительности. Вариант «справа» объясняет все трудности тем, что наши

реформы еще не завершены. Мол, причина «долгостроя» — сопротивление левых политиков, «красных директоров», руководящих этими политиками, и чиновников, объективно солидарных и с теми, и с другими. Ответ же «слева» объявляет главной проблемой сами реформы, разрушившие стройную систему плановой экономики.

Однако куда более очевидное объяснение упомянутой медлительности можно найти в истории человечества. С древнейших времен известно: главная причина безразличного отношения индивида к труду и его результатам — практическая невозможность изменить свою жизнь, свое материальное благополучие собственными активными действиями. Не ощущая последствий своей деятельности, не видя в ней непосредственной реальной пользы, человек не находит смысла в работе. В этой ситуации самым эффективным ему представляется принцип экономии сил: он выбирает пассивность, попросту бездеятельность. Поскольку темп действий всего общества определяется именно индивидуальной активностью каждого его члена, предопределен и результат развития страны.

Как только результаты труда перестают зависеть от его качества и количества, человек перестает интересоваться ими. За деревом, чьи плоды гниют независимо от того, сколько его поливают, никто не будет ухаживать. Так из эпохи социализма вырос застой. Важная деталь: скромный — обеспечивающий жизнь на некотором невысоком уровне — доход при социализме был гарантирован. Доходы же более высокие обществом не приветствовались: обратить их в непосредственные материальные блага было крайне затруднительно. Этих жестких тормозов вполне достаточно, чтобы остановить сколь угодно мощную хозяйственную машину.

В России сегодняшней, пореформенной, положение практически не изменилось — если говорить не о надеждах и обеща-

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

ниях, а именно о деле. Бюджетники разного уровня, в том числе и чиновники, принимающие решения, цена которых может быть исключительно высока, по-прежнему получают твердые оклады, никак не зависящие от результатов их деятельности. Доходы же бизнеса в среднем более чем наполовину зависят от факторов, влиять на которые бизнес не может: тарифов естественных монополий, стандартов, ведомственных инструкций, налогов, пошлин. Следствие вновь отделяется от причины.

Итак, из концепции, определяющей возможности и пути построения свободного рынка, удаляется базовый элемент: благополучие каждого человека должно непосредственно и ощутимо зависеть от его собственных действий. Отсутствие такой зависимости делает бессмысленным поиск новых возможностей и наилучших решений. Рынок должен поощрять инициативу: эффективная, толковая деятельность каждого должна приводить к повышению уровня жизни. У каждого человека должен быть стимул сделать шаг вперед в своей собственной работе. Тогда сделает шаг вперед и вся страна.

По следам Эрхарда

Рынок не требует обязательно глобальных подходов. Можно всего лишь призвать каждого покупателя перед любой покупкой сравнивать цены на схожие товары, сопоставлять цены на один и тот же товар в разных местах. И делать выбор в свою пользу. Именно так поступил Людвиг Эрхард¹, творец германского экономического чуда конца 1940—50-х годов. Результат — заметное повышение производительности труда в стране. Причина понятна: благодаря такой массовой проверке резко увеличивается обо-

¹ Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи. М.: Русико, 1993.

рот у промышленников и торговцев, способных предложить рынку наилучшее соотношение цены и качества. Остальным приходится, засучив рукава, работать эффективнее, чтобы не быть вытесненными с рынка.

Конечно, глобальный эффект оптимизации рынка проявляется, только если налицо его локальная предпосылка: каждый участник рынка действует на нем свободно. Любые способы ограничения инициативы на рынке недопустимы. В том числе недопустима и монополизация каких-либо видов деятельности любым путем — от картельных соглашений до экзаменов на право ведения розничной торговли. Именно такой точки зрения придерживался Эрхард.

То, что основой рынка является свобода, — факт, подтвержденный всей экономической историей. Эрхард добавил к идее рыночной свободы понятие социальной рыночной экономики. Этот «ястреб социализма» полагал: именно — и только — свободный рынок позволяет найти решение любых социальных проблем. Развивающийся активный рынок, по мнению Эрхарда, самый эффективный источник средств для обеспечения социальных нужд.

Такую идеологию принято считать «правой». Эрхард — ее классический представитель. С иной точки зрения, которую отстаивали германские социал-демократы, социальные проблемы следует решать независимо от состояния дел на рынке. На развитие рынка, по их мнению, должны направляться лишь те средства, которые останутся после решения социальных проблем.

Практика, как известно, критерий истины. Советский опыт показал: предложенная оппонентами Эрхарда расстановка приоритетов в экономике не слишком эффективна. Социальные проблемы действительно решаются распределением неких благ, но сначала эти блага должны быть произведены. Очевидно, о

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

производстве следует заботиться в первую очередь. Эффективность же производства прямо зависит от эффективности рынка, и наоборот.

Реальная жизнь показывает: стихийный, никак не контролируемый рынок быстро сосредоточивает почти все в руках немногих. Концентрация средств и товаров у избранных происходит по воле обстоятельств рынка, распределение же требует целенаправленного воздействия. Иначе плоды процветания оказываются недоступны для большой — а то и для большей — части общества. Разве не это происходит в сегодняшней России?

Как решали эту проблему Эрхард и его единомышленники? Первоочередными получателями из общественных фондов должны быть именно те, кто не в состоянии зарабатывать самостоятельно. Активность рынка при этом обеспечивается снижением налогов. Итак, поощряется свободная рыночная инициатива каждого — а это позволяет создавать блага такого качества и в таком количестве, чтобы удовлетворить потребности всего общества. Каждый работает для всех. Но и каждый не забыт и не брошен всеми.

Впрочем, целью Эрхарда не была забота только о малоимущих. Гораздо важнее для него было создать условия, когда в деятельности рынка смог бы самостоятельно участвовать каждый. Общество обязано обеспечить каждому человеку возможность участвовать в рыночном экономическом процессе — значит, быть свободным в выборе и принятии решений. Тогда общая экономическая тактика и стратегия формируется оптимальным — наилучшим — образом. Говоря в современных терминах, Эрхард увеличивал число независимых процессоров, параллельно решающих задачу оптимизации. С вычислительной точки зрения эта технология несравненно эффективнее, чем централизованное отраслевое планирование всей экономической деятельности.

Социализм должен быть либеральным

В стремлении обеспечить свободу всем и каждому Эрхард, двигаясь все правее, вплотную подошел к сторонникам левой идеологии. Известный итальянский социалист Карло Росселли еще в конце 1920-х годов доказывал: именно социалисты должны быть самыми последовательными либералами. Ведь свобода невозможна без материальной опоры: подлинно свободен лишь тот, кто не зависит от чужой поддержки. Либеральный идеал всеобщей и равной свободы достижим, как убеждают социалистические каноны, только в том случае, когда каждому обеспечен некоторый минимум вещественных благ.

«Попытки слишком прямо увязать философию и практику бесплодны. Но если рассматривать в этом ключе теорию исторического материализма и его ревизионистские интерпретации, то приходишь не к идее социализма, а к самому явному либерализму. К либерализму реалистическому и конкретному, осознавшему суть рабочего движения и диалектику явлений, способному точно и реалистично определить действующие лица прогресса»¹.

Увы, в нашем отечестве Росселли практически неизвестен. Для советской идеологии и сопутствующей ей политической технологии мысль о единстве и взаимозависимости свободы и благосостояния была неприемлема принципиально. Главный труд Росселли «Либеральный социализм», созданный в 1929-м, издан на русском языке только в 1989-м. Кстати, марксист Росселли не побоялся поправить своего учителя:

«Капитализму... удалось выйти из безвыходного положения, к которому его приговорили. Рабочее движение, социальное законодательство, разнообразные формы вмешательства общества по-

¹ *Росселли К. Либеральный социализм. М.: Mondo Operaio, 1989. С. 81.*

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

дожили в наиболее развитых странах конец самым серьезным издержкам капитализма. В ходе совершенствования производства и капиталистического мышления стало очевидно, что для роста прибылей требовались рабочие более квалифицированные, лучше оплачиваемые, поскольку они должны были не только производить, но и потреблять растущую массу продуктов, наводняющих рынок; появление акционерных обществ в известной степени демократизировало капитал и объединения капиталистов начали осознавать недостатки системы производства, зависящей от прихотей выгоды и личных критериев. Постепенно свершился переход от самоустранения государства от экономических проблем к растущему интенсивному в них вмешательству; государственный контроль над железными дорогами, почтой, банками, страхованием и т. д., контроль над ценами (свет, хлеб, вода, жилье и т. д.), над рынком, профессиональными объединениями, внешней торговлей; премии и субсидии, национализация в пользу общественных интересов. Общественные работы, обязательный контроль над заработной платой и условиями труда... явили расцвет инициативы общественных организаций, о которых не имеется у Маркса соответствующего представления...»¹

Итак, обновленный и усовершенствованный марксизм, по-прежнему опираясь на диалектику, делает вывод: свобода и социальное обеспечение образуют единство противоположностей. Вывод неудивителен, поскольку идеал равенства реализуется теперь именно в форме социального обеспечения.

Диалектические взаимоотношения свободы и равенства подтверждаются и сегодня. Используя образ, предложенный еще Гегелем, современные исследователи указывают: «Категории „свобода“ и „равенство“, подобно двум зеркалам, многократно отражаются друг в друге. Естественно, „абсолютная свобода“

¹ Росселли К. Указ. соч. С. 91.

содержит в себе и принцип равенства, а значит и „равенство возможностей Положив в основу принцип социального равенства, можно вывести из него и идею свободы, понимаемую прежде всего как „свобода от эксплуатации"»¹.

От того, сколь удачно и гибко взаимодействуют свобода и равенство, зависит эффективность других пар противоположностей: в экономической деятельности — производства и потребления, в политической — консерватизма и прогресса. И, конечно, их воплощений в разных классах общества — недаром тот же Росселли подчеркивал, что тезис и антитезис равны по значению и немислимы друг без друга.

НЭП — это серьезно

Взглянем на наш, отечественный, опыт. Чуть ли не самые высокие за всю российскую историю темпы экономического развития были достигнуты в эпоху новой экономической политики. Именно тогда прямое вмешательство государства в экономическую жизнь было наименьшим за всю историю страны. Командные высоты, вроде железных дорог и тяжелой промышленности, власть оставила за собой, в остальном же ограничила свое влияние на экономику сбором довольно скромных налогов. Даже от дореволюционной, бюрократически мелочной регламентации ремесел и производств государство отказалось: зачем вмешиваться в то, что рынок сделает быстро и эффективно?

Известный экономист Николай Шмелев пишет: «Факт остается фактом: никогда ни до, ни после НЭПа Россия не знала таких высоких темпов роста ВВП, которые в тот период, по разным современным оценкам, составляли среднегодовую величину поряд-

¹ Платонов С. После коммунизма. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 136.

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

ка 13—14%. За 4—5 лет страна сумела создать высокодинамичную, эффективную, конкурентоспособную экономику с приемлемой степенью социальной дифференциации населения»¹.

Правда, отчетные данные по многим показателям завышались и при НЭПе: неудивительно — это давние традиции отечественной статистики! Оценивая перспективы этой политики, нужно внести и серьезную поправку на условия восстановительного периода. Как известно, после кризиса — и тем более разрухи — производство всегда восстанавливается более быстрыми темпами, чем при стабильном длительном развитии. И все же — даже с учетом всех этих факторов — результаты НЭПа впечатляют.

«Главное, — говорит тот же Шмелев, — это умелое, прагматичное сочетание рыночных институтов с государственным вмешательством в экономику. Вспомним: тогда отпустили цены в секторе государственной промышленности, и они, подобно сегодняшним «естественным монополистам», обалдев от свободы, взлетели сверхвысоко, искусственно создав кризис сбыта. И большевики не постеснялись послать главного чекиста Дзержинского, который фактически сломал эту систему завышенных до безумия монопольных цен...

Развязав руки рыночной инициативе, предпринимательству, частной собственности, власти добились того, что люди расшевелились, забегали, насытился рынок. Это шло в комплексе с активизацией торговли и ремесленного производства, заменой продразверстки на продналог, развитием кооперативов. Наконец... создали замечательную, жизнеспособную денежную систему, ядром которой был золотой червонец.

Если бы НЭП в стране к 1928 году не свернули, как могли бы развернуться события? У нас была бы нормальная, разумно

¹ Шмелев Н. Новое — хорошо забытое старое // Вопросы экономики. 1994. № 4. С. 5.

организованная страна, быть может, немного с повышенным влиянием государства, но с высочайшими темпами развития. Потому что таких темпов роста, как при НЭПе, мы не достигали никогда»¹.

Такая впечатлительность не была характерна для экономистов (а тем более политиков) того времени, когда НЭП только разворачивался. Не способствовало положительным эмоциям и крайне неустойчивое положение политического руководства страны. Если же учесть, что по мере восстановления основ хозяйства страны темпы экономического роста снижаются неизбежно, то политики немедленно истолковали это замедление как признак несостоятельности НЭПа...

Противоречий всякого рода в тот период было более чем достаточно. Можно назвать главное из них — идею полной изоляции большей части экономики от всякой политической власти. Нет сомнений, что полное политическое господство над экономикой не сулит обществу ничего хорошего. Но и противоположная крайность не лучше. Производители во времена НЭПа вовсе лишились возможности сообщать даже о самых насущных своих нуждах. Препятствия, возникающие перед производством, неизбежно и закономерно возрастали.

Серьезнейшим препятствием оказался натуральный характер хозяйства большей — крестьянской — части населения страны. Между тем спрос на товары определяется платежеспособностью населения. И промышленность довольно скоро остановилась перед шлагбаумом с надписью: «Нам не на что покупать!»

Различные способы стимулирования спроса к тому времени уже изучались и разрабатывались. Но не в России. Рекламу большевики считали идеологически неприемлемой, хотя в этой

¹ Докучаев Д. Трава, пробивающая асфальт. Опыт НЭПа актуален для России и 80 лет спустя // Общая газета. 2001. 5 апр.

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

сфере трудились такие пламенные, талантливые и коммунистически настроенные «рекламные агенты», как Маяковский и Родченко. Снижение же цен было постоянной заботой председателя Высшего совета народного хозяйства — и по совместительству главы ОГПУ — Дзержинского. Однако возможности снижения ограничивала существующая производственная база — устаревшая и основательно изношенная.

Может быть, следовало просто дождаться, пока крестьянство само вырастет и созреет, чтобы обеспечивать спрос на промышленную продукцию? Но для структур, правящих именем пролетариата, такое ожидание было неприемлемо. В первую очередь — по причинам идеологическим. Вдобавок никто не мог предсказать, сколько придется ждать этого «созревания». Так что коллективизация и отказ от НЭПа — не просто эксцесс ортодоксальных большевиков. Возврат к технологии военного коммунизма в управлении хозяйством и обществом имел и вполне объективные экономические причины.

На качелях ускорения

Впрочем, ускорения не получилось. Хотя именно его ожидали разработчики первого пятилетнего плана. К тому времени компетентные экономисты уже рассчитали, каковы будут темпы роста экономики при условии сохранения НЭПа, но политики, как это часто бывает, сочли расчетный рост неприемлемо малым.

Первую пятилетку объявили выполненной в четыре года «по основным показателям», для того чтобы не сравнивать плановые показатели с фактическими. Экономическая реальность оказалась куда хуже самых скромных НЭПовских прогнозов. Даже абсолютный рост оказался заметен далеко не во всех намеченных сферах. Удельные же показатели и вовсе почти не поднялись.

Один из авторитетнейших исследователей российской и мировой экономики Сергей Прокопович показал: средняя себестоимость промышленной продукции упала не на 35 %, а на 4,8 %; производительность труда в промышленности вместо плановых 110 % выросла, по его подсчетам, всего на 5,3 %, а с учетом падения качества продукции и вовсе снизилась на 7,4%¹!

Общее же благосостояние явно ухудшилось. Причем не только в разоренной деревне, но и в городе, ради которого вроде бы все и затевалось. Уровень жизни упал настолько низко, что впоследствии каждое — даже крошечное — его повышение воспринималось как великая победа.

Конечно, в конце концов суммарное повышение стало вполне ощутимым. А главное, были выстроены системы общественного жизнеобеспечения: всеобщее просвещение, обширная система культурных учреждений (от библиотек и клубов до крупнейшей в мире сети репертуарных театров с постоянными труппами), всеохватывающее здравоохранение... Между тем предупреждение Эрхарда — распределять можно только то, что уже заработано, — услышано не было. Очередное противоречие возникло между почти беспредельным размахом социальной политики и ограниченными возможностями экономики. Крылатые мечты столкнулись с суровой реальностью. Пришлось возвращаться к экономическим свободам — на сей раз уже в 1960-е, в косыгинских реформах.

К сожалению, жизнь этих реформ оказалась недолгой. Препятствие возникло на их пути почти сразу, поскольку был забыт урок НЭПа: экономические свободы трудно осуществить без политических. Вольная политика так же плохо совмещается с партийной монополией, как вольная экономика — с монополи-

¹ Прокопович С. *Идея планирования и итоги пятилетки*. Париж, 1934. С. 77-79, 81-82.

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

ей хозяйственной. Даже скромные чехословацкие призывы к «социализму с человеческим лицом» были восприняты как угроза. И танки Варшавского договора на перекрестках Праги стали недвусмысленным предупреждением всем поборникам свободы. Когда диктует идеология, в тексте нет слова «свобода». Следовательно, нет и эффективной экономики.

Радикальная экономическая хирургия была показана больной экономике. Но только *показана*, после чего ее начали сворачивать ввиду идеологической неприемлемости. Реформы оказывали сопротивление — здоровый ребенок хочет бегать на воле, а не сидеть взаперти в темной комнате и читать сочинения революционных вождей. Но тут команде главного идеолога Суслова повезло: на почве очередной арабо-израильской войны случилось нефтяное эмбарго, цены на энергоносители взлетели до небес. Теперь реформы можно было не просто останавливать, а заменять скорыми и эффективными мерами по восстановлению дореформенного состояния. На радостях — «мы снова вернулись к старым, пусть и неразрешимым проблемам!» — Косыгина оттеснили от реальной власти. Любой шаг в сторону от официальной идеологии вновь стал считаться побегом. Идеино опасными признали даже мельчайшие формы хозяйственной самостоятельности вроде кустарных мастерских или надомных зубных техников.

В результате страна фактически перестала зарабатывать самостоятельно. Нефтедолларовый наркоз парализовал всякую активность, но не сопровождался хозяйственной хирургией. Методично и упорно развивалась разве что оборонка: тут у нас был мощный катализатор — США.

Естественно, при первом же серьезном спаде сырьевого рынка отечественная экономика стала рассыпаться. Операцию, необходимую по жизненным показателям, пришлось вести уже без наркоза.

Лаборатория абсурда

Целью операции было восстановление экономической свободы. В пылу борьбы как-то забылось: по той же диалектике, свобода — хотя и осознанная, но все же необходимость. Поэтому рынок быстро вышел за разумные рамки и дошел до анархического абсурда. Разбушевавшаяся рыночная стихия куда больше напугала граждан, чем вовлекла их в свой круговорот. И не просто напугала, но и оттеснила от реальных выгод рынка. Сколько бы ни было тех, кто успешно вовлечен в новую хозяйственную жизнь и процветает, голодное и нищее окружение не дает им наслаждаться новыми возможностями. А это — в полном соответствии с предостережениями Эрхарда — снижает эффективность всей экономики.

Великий германский реформатор когда-то отменил все экономические ограничения, чтобы дать рынку жить и расти. Заметим, что введены они были еще до Второй мировой войны — гитлеровские власти нарушали свободное течение экономики, подстраивая ее под военные нужды. Затем и оккупационная администрация, чтобы эффективно использовать немногие уцелевшие ресурсы страны, тоже очень многое нормировала. Но оказалось, достаточно устранить регламентацию (а заодно заморозить на несколько месяцев — а не обесценивать вовсе! — инфляционный навес старых рейхсмарок), чтобы внутренний рынок воскрес! Механизм этого «чуда» нам уже известен — свобода хозяйствования для каждого. Но важнее то, что успешно развивающийся внутренний рынок становится мощнейшим локомотивом всей экономики страны.

Что же касается России, то в сущности у нас почти нет внутреннего рынка. Наш бизнес до сих пор убежден в ограниченности внутрироссийского спроса, поэтому при малейшей возможности ориентируется «вовне». Между тем для устойчивого, нормального саморазвития, самодвижения хозяйства страны необходим внутренний «двигатель», связанный с прочими ком-

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

понентами системы множеством производственных и торговых связей. Взаимодействие многочисленных партнеров по рынку, отлаженное и согласованное сотрудничество экономических цепочек — разве это не есть именно такой движитель экономики?

Может быть, для его создания достаточно одной только заботы о собственных нуждах и самих бизнесменов, и всей страны? Именно такое убеждение проистекает из модного ныне представления о либерализме как полном невмешательстве политики в дела экономики. Многие популярные теоретики считают даже монетаризм Милтона Фридмана слишком жестким принуждением. А ведь это всего лишь воздействие на экономику только крупномасштабными косвенными методами, вроде учетной ставки центрального банка!

Новый завлабовский догматизм оказался ничуть не лучше старого, суловского. Очередной взмах российского политического маятника столь же разрушителен, как и все предыдущие. Но главное — этот его ход мешает использовать благоприятную внешнюю конъюнктуру сырьевого рынка. И в исключительно выгодной ситуации проведение действительно глубоких, согласованных и фундаментальных преобразований становится практически невозможным.

Коммунистические начетчики уничтожали авторитет собственной теории несколько десятилетий. Начетчики либеральные оказались заметно эффективнее: им понадобилось всего несколько лет. Слово «монетарист» давно уже пополнило список нецензурной лексики, на очереди слово «либерал».

Забывать Птолемея

В свое время Птолемей предложил весьма сложную систему взаимосвязанных круговых движений — эпициклов. Они должны были объяснить наблюдаемые движения планет Сол-

нечной системы. Когда в наблюдаемой реальности обнаруживалось некое отклонение от системы Птолемея, он вводил дополнительный эпицикл, чтобы согласовать теорию и наблюдения.

Хозяйственная система современной России, как и в советские времена, весьма напоминает эпициклы Птолемея — и не просто зацепляющиеся, но мешающие друг другу. Скособоченный, переусложненный, громоздкий механизм как-то шевелится, отдаленно напоминая подлинное движение — что светил, что экономики. Сходство и в том, что согласовать реальное движение экономики с теоретическими измышлениями, удержать страну от очередного срыва в пропасть, на край которой нас регулярно выносит, удастся, только придумывая все новые «эпициклы». А нужно всего лишь, как Ленин в 1921-м, перейти к Коперниковой системе. Следует поставить в центр экономической политики потребности самой жизни — неразрывно связанные, взаимно обеспечивающие друг друга. Подобно шесту канатоходца, предпринимательские свободы и социальные гарантии создают необходимый баланс для движения общества.

Пока мы топчемся в нашем, избранном, особом тупике, настоящие реформы движутся мимо. Скажем, Китай последовательно и необратимо движется вперед, реализуя современную версию косыгинских реформ. Направление? То самое, которое знакомо нам еще по опыту НЭПа.

Правда, число степеней свободы в КНР пока ниже, чем у нас. Да и социальные блага в стране весьма ограничены. Но таковое движение не сопровождается ни зигзагами, ни тем более шагами вспять. Поэтому общество развивается заметно быстрее нашего. На недавнем съезде компартии Китая бизнесмены признаны равноправной частью не только общества в целом, но и самой партии. Неслыханное отступление от дог-

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

мы! Но необходимое: партийный контроль на бытовом, а не официальном, уровне должен быть непрерывным и повседневным. Только такой контроль способен обеспечить оптимальный поток материальных благ от бизнеса к остальным слоям общества.

Птице для взлета необходимы оба крыла. Очевидно, и российская партия власти должна найти гармоничное сочетание двух ключевых сторон экономического механизма. Государству нужно единство двух фаз экономической деятельности. Распределять по-социалистически можно только то, что заработано по-капиталистически. Но и работать по-капиталистически, оказывается, можно только тогда, когда многое распределяется по-социалистически.

Причем добиться такой гармонии необходимо в кратчайшие сроки.

Говорить о катастрофе в экономике пока еще не приходится. Но благоприятная для преобразований конъюнктура не бывает долгой. А главное — почти исчерпан запас общественного доверия. Народ дезориентирован: кто прав, кто виноват, что делать? Деформируется или вовсе стирается шкала нравственных ценностей. Желание жить и работать в России, на благо России, для ее будущего, угасает.

Налицо ситуация, когда человек уходит внутрь себя, отключается от жизни общества, замыкается в своем существовании, в повседневном «ужасе бытия». Такая атомизация социума приобретает массовый характер. Утрата связей между людьми, распад общества на «атомы» — крайне опасная тенденция. Вернуть человека из внутренней эмиграции не легче, чем из внешней. А как потом восстановить многочисленные и разнообразные человеческие контакты, воссоздать их сложнейшую «нейронную сеть», наладить функционирование единого мыслящего и чувствующего организма?

Последний PR наступает...

Обществу нужны четкие и ясные ориентиры. Люди стремятся отчетливо сознавать, что происходит сейчас, что будет неизбежно сделано в будущем. Каждый гражданин должен понимать свой маневр.

Одних только средств, предоставляемых политическими технологиями, для этой ориентировки явно недостаточно. Срок их годности уже исчерпан, хотя еще лет пять назад казалось, что «впиарить» обществу можно что угодно и кого угодно. Впрочем, сами специалисты по этим методам все еще свято верят, что действуют на благо своих клиентов. А то и всего народа. Между тем избыточные промывания мозгов и в советское время, и в нынешних политических играх воспитали поколения людей, нечувствительных к пиару. Их можно убедить только реальными делами — наглядными и непрерывными. Им нужны не мыльные сериалы и дамские романы, а передача «Умелые руки» и книга «Сделай сам». Только подлинная свобода деятельности и подлинная социальная защищенность могут вновь пробудить всеобщую активность.

Единство и борьба «Единой России»

В составе нынешней партии власти «Единой России» есть представители и производства, и потребления. В партию входят и влиятельные проповедники свободы предпринимательства, и талантливые сторонники социальной защиты. Что еще нужно для власти и гармонии?

Ан нет — все та же диалектика предупреждает: противоположности лишь в борьбе обретают единство свое. Пока основные тенденции не выявлены, не оформлены, их равновесие мо-

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

жет достигаться лишь случайно. Значит, оно будет недолгим и ненадежным.

Не сегодня сказано: прежде, чем объединиться, следует размежеваться. Заявления типа «с одной стороны — оно конечно, а с другой — оно-то так...» пора заменить недвусмысленным и отчетливым фракционированием поборников свободы и организаторов распределения. Когда будет ясно, «кто есть где», станет возможно установить ясные правила согласования этими фракциями общественных интересов. Только тогда можно надеяться на достижение баланса, сопоставимого с западноевропейским. А для этого именно традиции Европы — в том числе традицию социал-демократической балансировки свободы с безопасностью — мы должны усвоить наиболее полно и творчески.

Почему две стороны жизни общества не могут представлять разные партии? Ведь так чаще всего и бывает в мире. Однако в этом случае согласованию интересов партий мешает их борьба за избирателя. В России еще нет культуры ведения такой борьбы, поэтому нам целесообразно вообще уйти от предвыборных мотивов. Тогда свобода и социальная защищенность становятся лозунгами двух фракций внутри единой партии. Давно забытое искусство партийного строительства и консолидации надо возродить и применить оптимальным образом.

Взаимное противостояние либеральных и социал-демократических партий во многих, как правило, наиболее развитых, странах работает как идеальный балансир. Впрочем, колебания двухпартийного «маятника» устойчивы только там, где основные политические бури давно улеглись. С ослаблением радикальных флангов основная борьба перемещается в центр — вокруг нюансов, почти незаметных для российского неискушенного глаза. Только в таких безмятежных обстоятельствах директор Лон-

донской школы экономики Энтони Гидденс мог написать: «Традиционные дебаты сторонников свободного рыночного капитализма и социализма неожиданно устарели. На передний план выходят новые вопросы, которые не вписываются и не решаются в рамках, традиционных для политической теории позиций»¹. Только на фоне такой «стабильности без проблем» воспринимаются идеи вроде знаменитого заявления Шредера и Блэра о «третьем пути развития».

Уточним: возможные «третьи пути» бесчисленны. Тот же Гидденс справедливо отмечает: «Теории социальной эволюции XIX века часто склонялись к однолинейности, утверждая существование единственной линии развития человеческого общества, от простого к более сложному. Предполагалось, что все общества, восходя по пути эволюции, должны проходить одни и те же стадии развития. В последние несколько десятилетий в социологии произошло своеобразное возрождение эволюционных теорий, однако акцент делается уже не на однолинейности, а на мультилинейности. Мультилинейные теории предполагают, что возможно существование различных путей развития, ведущих от одного типа общества к другому. Согласно этим взглядам, различные типы обществ могут быть классифицированы в зависимости от уровня их сложности и дифференциации, однако не существует единого пути, проходимого всеми обществами»².

Судьба России наглядно доказывает: точно воспроизвести траекторию, по которой двигались другие страны, невозможно. Хотя бы потому, что на картине политической жизни современного Запада отчетливо виден «замковый камень» тамошней системы — маргинализация флангов и стягивание общества к цен-

¹ Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 609.

² Там же. С. 593.

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

тру. Вся балансировка держится на этом плоде многовековой эволюции! Дайте России хотя бы пару веков безмятежного развития — и Россия тоже достигнет такого благостного состояния. Но есть ли у нас такое время?

Нам следует двигаться, спрямляя пути исторической эволюции. Значит, прокладывать путь перпендикулярно протоптаным тропам.

Либерализм и социализм, конечно, не перпендикулярны — каждая из этих тенденций влияет на другую. Но они и не противоположны — их эффективное взаимодействие возможно без явных противоречий. Эти две диалектически взаимосвязанные концепции задают конкретную плоскость, или даже объем, в многомерном пространстве исторических путей общества. Именно в этом пространстве и могут свободно, не мешая друг другу, размещаться многочисленные линии развития, отмечаемые Гидденсом. Гармонизация либерального и социального — ведущая тенденция современной экономики. Мы должны не просто признать эту тенденцию, а использовать ее в качестве вектора для собственного развития.

По России бродят сейчас целых два призрака — либерализма и социализма. И ни одному из них не удастся пока обрести живую историческую сущность, плоть субъекта — а не объекта! — процессов общественной эволюции. Только если они не разминутся вновь, политическая жизнь страны может наконец стать осмысленной, последовательной и эффективной.

В нашей стране традиционно слишком сильны фланги, доводящие каждую из двух важнейших концепций современной политики до откровенного абсурда. Осознанному, непротиворечивому и плодотворному сотрудничеству этих концепций противопоставляется мощное центробежное поле радикальных идей и действий. Желаящих все «отнять и поделить» по-пре-

Юрий ЛУЖКОВ. ТАЙНА ГОСТИНОГО ДВОРА

жнему много. В таких условиях организовать самостоятельные политические движения, способные обеспечить эффективную балансировку важнейших политических идей, вряд ли удастся. Устойчивость и целенаправленность действий либералов и социалистов возможны только при объединении их в рамках одной партии.

Либералы и социалисты, объединяйтесь в «Единой России»!

Журнал «Стратегия России», январь 2004 г.

О темной стороне Интернета

Недавно впервые была вручена Премия тысячелетия в области технологии, которую уже именуют европейским Нобелем. Лауреатом стал ученый, воистину перевернувший мир, — англичанин Тим Бернес-Ли, создатель основ современного Интернета. Именно он, что называется, в свободное от работы в Европейском центре ядерных исследований время разработал метод, названный гипертекстом, который и лег в основу принципов передачи информации по компьютерной сети. Кстати, технологический гений, создавший к тому же и первые системы обработки и передачи информации — интернет-сервер и интернет-браузер, принципиально не стал патентовать свои судьбоносные для всего мира открытия. В этом поступке отражается философия Всемирной сети — она должна служить общему прогрессу человечества, слому всяческих «железных занавесов», интенсификации научного и культурного обмена, а не чьим-то узкокорыстным интересам или пагубным устремлениям.

Но новое пространство, как это часто бывает, резво начали осваивать разного рода мародеры. Сегодня Интернет все больше напоминает Мировой океан XVI—XVIII веков, превращаясь в территорию господства разного рода пиратов. Эта тенденция только нарастает по мере того, как увеличивается число пользователей Сети и растет ее значение в мировой политике, экономике, общественной жизни. Пропаганда насилия и наркотиков, торговля людьми и индустрия детской проституции — это реаль-

ность сегодняшнего Интернета. Мне уже приходилось писать о безнравственности в кинематографе и на телеэкранах. Но показ по ТВ фильмов сомнительного содержания можно хотя бы передвинуть за полночь, в кинотеатрах действуют возрастные цензы, а вот откровенно порнографические сайты доступны в любое время даже ребенку.

Нередки и специальные сайты, на которых можно познакомиться с инструкциями по изготовлению взрывных устройств из подручных средств, а то и с правилами ведения минной войны. Интернет постепенно осваивается откровенными террористами, превращающими Сеть не только в свой почтовый ящик, но в настоящую военную инфраструктуру «мирового подполья». Здесь планируются взрывы мирных городов, проводятся совещания лидеров мирового терроризма, пропагандируется уничтожение врагов многочисленных «единственно верных учений», публикуются сцены казней «неверных». Только что в Москве прошел процесс об убийстве создателя нескольких интернет-сайтов Сухомлина. По одной из версий, убитый не справился с заказом на рекламную кампанию в Сети и с ним разобрались «по понятиям». По другой — ликвидация Сухомлина связана с организованным через Сеть набором добровольцев для отправки в горячие точки и с разоблачением на его сайтах торговцев оружием.

Одновременно представители творческих профессий по всему миру все чаще вынуждены судиться с провайдерами и составителями сайтов, чтобы защитить свою интеллектуальную собственность. Расплодившиеся во Всемирной паутине владельцы электронных библиотек распоряжаются чужими текстами по своему усмотрению. Не менее свободно сетевые пираты обращаются с музыкальными записями, с новыми фильмами, которые предлагаются пользователям Сети для безнаказанного скачивания.

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Даже элементарные права человека на личную жизнь и неприкосновенность практически никак не защищены. Достаточно нажать несколько кнопок — и вот из Сети извлекается база данных с информацией о ваших паспортных данных, телефонах, счетах, родных и близких. Неприкосновенность вашего дома также не гарантируется — иногда не так уж велика разница между тем, «вломилась» ли в вашу квартиру, вскрыв дверь или взломав компьютер.

На каждом шагу потребители Интернета сталкиваются и с еще одной особенностью этого «оружия массового поражения». Всемирная паутина превратилась в главную территорию черного пиара, информационных и политических провокаций, разного рода «уток», развешивания лапши и выращивания электронными средствами развесистой клюквы. Через веб-сайты «отмывается» откровенная дезинформация. Технология хорошо известна. В Интернете можно опубликовать все что угодно по известному геббельсовскому принципу: чем более нагла и бесстыдна ложь, тем лучше и удобнее. Потом такую гнилую «утку» можно немного «приправить» относительно респектабельными аналитическими размышлениями. А ссылка на Интернет поможет подать дезинформацию не как откровенный компромат или поливание грязью, а как попытку журналиста разобраться в том, что бы могло означать появление такой информации. То, что часто анонимные авторы Сети и газетные журналисты играют при этом «с одной руки» и разыгрывают заранее отрепетированные роли — тоже не секрет.

Конечно, человек, оскорбленный и оклеветанный пауками из Всемирной паутины, может обратиться в суд по поводу защиты чести и достоинства, опираясь, например, на статьи Гражданского кодекса РФ. Но, во-первых, такой правоприменительной практики фактически не существует. Ведь клеветники могут быстренько изъять текст из Сети, — это, как го-

ворится, дело техники. А во-вторых, искомое опровержение в лучшем случае появится все на том же сайте с весьма незначительной аудиторией. Подхватившие же и разнесшие дезу по всему свету издания и телерадиоканалы никакой ответственности формально не несут.

Естественно, все описанное — следствие реального выпадения «паутинного» информационного поля из поля правового. И вернуть Интернет в рамки цивилизованного законодательства — насущная задача общества. Отчасти можно понять опасения тех, кто говорит, что попытки зарегулировать Интернет — это наступление на свободу, демократию и права человека. Но дальнейшее бесконтрольное развитие Всемирной сети — путь в никуда, это грозит превращением Интернета в «криминальный мир». А приверженность ценностям свободы как раз и состоит в том, чтобы осознать эту логику развития событий, проявить ответственность и суметь сохранить Интернет для человечества. Не ограничить доступ к источникам достоверной информации, не растащить единую мировую Сеть по «национальным квартирам», не ввести произвольную цензуру, а именно выстроить четкие и однозначные правила, касающиеся в том числе и содержательной части бесчисленных сайтов. В конце концов, когда вы едете по дороге на машине, то ведете себя не абы как, но придерживаетесь правил дорожного движения. Прекрасно понимая, что от их соблюдения всеми зависит ваша личная безопасность.

Прежде всего необходимо повысить ответственность сетевых журналистов и операторов за объективность помещаемой информации. Это может быть достигнуто в результате принятия комплексного пакета мер юридического и законодательного характера.

Должно быть дано однозначное определение прав и обязанностей пользователей Сети. Интернет-провайдеры смогут полу-

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

чать официальные лицензии на такого рода деятельность, а сайты с полным основанием регистрироваться как средства массовой информации.

Интернет должен отдельной строкой фигурировать в Законе о СМИ — с тем чтобы не приходилось гадать, относится ли он, согласно нынешнему тексту этого закона, к «иным средствам массовой информации». Соответственно должна появиться юридическая возможность выносить официальные предупреждения сетевым изданиям, и закрывать можно будет только по решению суда, а не в результате незаконных хакерских взломов. Замечу, что пресловутая анонимность реальных владельцев сетевых изданий слабо совместима с принципами открытого и демократического общества.

Кстати, новые законодательные положения должны будут гарантировать и права провайдеров — в частности, путем введения строгих наказаний за попытки взлома сайтов, за насильственную, с помощью технических ухищрений, фальсификацию их содержания, за создание сайтов-двойников и т. д. На втором этапе речь может идти и о разработке специального закона об Интернете. Целесообразность такого закона, насколько известно, не ставится под сомнение ни специалистами, ни многими законодателями. Как говорил еще Платон, всего дальше отходит от разума то, что отклоняется от закона.

«Известия», май 2004 г.

Дырки в «паутине»

Комментарий к дискуссии
о развитии глобальной Сети

Выступая со статьей «О темной стороне Интернета» («Известия» от 17 мая 2004 г.), где анализировались назревшие проблемы Всемирной паутины, я прекрасно понимал, сколь коварные замыслы мне припишут. И точно: критики обвинили автора и в попытке вдохновить введение цензуры, и в превращении Рунета в закрытую структуру, и в намерении скроить нашу глобальную Сеть по лекалам Зимбабве и Китая, где Интернет жестко контролируется государством...

Но вот что интересно. За прошедшие месяцы в Европе возникло целое движение, противодействующее превращению Интернета в рассадник порнографии, в инструмент насаждения у молодежи низменных интересов.

Зная парадоксальность нашего менталитета, вполне могу допустить, что вот-вот наши либеральные мыслители, широко открыв глаза, потребуют введения механизмов регулирования Сети, но уже со ссылкой на европейские тенденции.

Спаматический синдром

В ходе работы над этим комментарием к дискуссии я познакомился с итогами конференции по проблемам спама, то есть несанкционированной рассылки рекламных электронных сообщений. Полагаю, феномен спама столь же уродлив, сколь и засорение информационных сайтов откровенной дезинформацией, кото-

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

рой я и призывал поставить продуманный юридический барьер. Так вот, участники конференции пришли к выводу, что с навязываемой рекламой невозможно бороться без кардинальной перестройки самой структуры Интернета. В частности, необходимо дать законодательное определение спама, предусмотреть уголовную и административную ответственность за его распространение.

Тут уж впору и мне съязвить по поводу моих лукавых критиков (коих было немало в числе «спамоборцев»), которые, как только дело коснулось их личных и коммерческих интересов, признали необходимость распространения и на пространство Интернета регулирующих юридических норм. Беда в том, что интернетчики, прекрасно умеющие считать деньги в собственных кошельках, зачастую приходят в состояние нездорового возбуждения, когда речь заходит о степени ответственности за размещаемую на сайтах интернет-изданий информацию. Претензии по поводу морального и финансового ущерба, причиненного такими материалами лицам, не входящим в их корпорацию, кажутся им чем-то вызывающим.

Налицо опасное проявление двойных стандартов: для борьбы со спамом можно вводить жесткие правила использования возможностей Интернета, а для противодействия распространению лжи — нет.

«Водительские права» для сетевых дорог

Среди обсуждаемых сейчас поправок к Закону о СМИ есть и ясно выраженное намерение включить наконец в текст документа ясное и четкое положение об Интернете как о средстве массовой информации. Так что вскоре, надеюсь, юристам и просто пользователям Сети не придется гадать по поводу того, распространяется в правовом смысле на глобальную Сеть пассаж

действующего закона — «иные средства массовой информации» — или все-таки нет.

Должна наконец появиться юридическая возможность выносить официальные предупреждения сетевым изданиям за размещение информации клеветнического характера, требовать на законном основании ее опровержения.

Не приписываю себе открытие новой темы — идея цивилизовать Интернет давно носилась в воздухе. Тем не менее для пользы общего дела автор этих строк вызвал огонь критики на себя, начав дискуссию, важную именно для защиты свободы ответственного слова.

Характерно, что сейчас тема сетевой безопасности фигурирует даже в повестке дня заседаний комиссий СБСЕ, а в Совете Федерации ставится вопрос о необходимости уравнивать в правах интернет-издания с традиционными СМИ, что позволило бы сетевым журналистам, будучи полноправными членами пишущего сообщества, официально запрашивать информацию в органах власти и иных структурах.

Между прочим, некоторые западноевропейские специалисты, прежде всего аналитики компаний, разрабатывающих антивирусные технологии, открыто ставят вопрос о необходимости введения специального экзамена для пользователей глобальной Сети по примеру получения водительских прав. Странники такой радикальной идеи исходят из того, что Интернет несет опасность, сравнимую с риском неумелого вождения автомобиля.

Шуточное дело

Совершенно ясно, что ни о каком закрытии Интернета, осложнении доступа в Сеть речь не шла и не идет. Это все равно что, подобно одному из героев Достоевского, требовать «закры-

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

тия Америки». Наоборот, в Москве мы делаем все для того, чтобы в глобальную Сеть могло «нырнуть» как можно больше наших сограждан.

По прогнозам Министерства информационных технологий и связи, к концу нынешнего года услугами провайдеров будут пользоваться почти 40 % москвичей. Считается, что каждый третий совершеннолетний житель столицы может назвать себя пользователем глобальной Сети.

Хочу подчеркнуть: для правительства Москвы Интернет — это еще и эффективный инструмент городского управления, информационной открытости органов власти, интерактивной связи с населением, источник достоверной информации обо всех делах города, резерв развития таких важных сфер деятельности, как здравоохранение, образование, социальная помощь. Поэтому крайне важно, чтобы такой информационный ресурс оставался «незамутненным», авторитетным, внушающим доверие. Между тем за время, прошедшее с выхода моей статьи, глобальную Сеть потрясли громкие скандалы.

Не так давно в Интернете появилось якобы подписанное несколькими американскими конгрессменами письмо, обвиняющее во всех смертных грехах бывшего российского премьера, а ныне полпреда президента в Приволжском федеральном округе. На письмо это клюнула популярная газета, которая из-за публикации, вдохновленной этой фальшивкой, вынуждена теперь судиться с политиком, оскорбленным интернет-вымыслом. Причем авторы фальшивки проявились сами, назвав свою подметную информацию просто шуткой. Им-то, в отличие от печатного издания, ничего не грозит.

Следом раскрылась сеть хакерских фирм, официально предлагающих потенциальным заказчикам за крупное вознаграждение взломать или стереть сайты конкурентов. Как пожар в степи, ширится и принимает все более изощренные формы выма-

нивание денег через Интернет. Вопиющий пример такого злоупотребления возможностями Сети — размещение в ней аферистами фальшивых счетов для перевода средств в помощь жертвам теракта в Беслане.

ИнтерНЕТ? ИнтерДА!

Естествен исконно русский вопрос: что делать? С намеренной дезинформацией, утонченной клеветой, спамом, пропагандой экстремистских идей, пиратством, со всем тем, что засоряет Интернет, подрывает доверие к нему?

Не повторяя всего того, что было мною предложено ранее, хотел бы остановиться на ряде новых аспектов данной проблемы. Интернет — это не только и не столько политика, сколько растущий сектор национальной экономики. По официальной статистике, ежегодный прирост российской интернет-аудитории стабильно превышает 30 %. Отмечено резкое увеличение оборота электронных продаж. А значит, растут и прибыли провайдеров.

Следовательно, все более важной становится именно экономическая составляющая возможного компромисса ради разумного регулирования Интернета, участниками которого должны стать и провайдеры, и государственные структуры, да и простые пользователи, думаю, не останутся в стороне.

Пора покончить с иллюзиями, что для Интернета благо оставаться полностью неконтролируемым информационным пространством. Ведь спам, объем которого приближается к критическому порогу, только вершина проблемного айсберга. Нынешние сетевые трудности тормозят введение электронной подписи, регламентацию такого понятия, как электронный документ. А значит, сокращаются резервы повышения деловой активности в стране.

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Что касается европейской тенденции, о которой шла речь в начале этого комментария, то в Европе усиливается понимание необходимости межгосударственного сотрудничества в противодействии проявлениям экстремизма в глобальной Сети. Не так давно стало известно, что на территории России был выявлен и закрыт сайт экстремистской организации «Хамас», которая вещала в Интернете отнюдь не из Палестины. Российские власти все более успешно перекрывают кислород «Кавказ-центру» — рупору чеченских боевиков, который пытается выходить в Сеть то из Прибалтики, то из Финляндии.

Кто-то уже и формулу предложил: «Ответим на их интерНет нашим интерДа!» Хотя и споров глобальная Сеть вызовет еще немало. Вот только спорить необходимо цивилизованно. Кстати, и в самой Всемирной паутине.

«Известия», ноябрь 2004 г.

Гора родила мышь

История одного письма

Год назад мне пришлось обратиться к президенту России с письмом, а точнее, с достаточно большой запиской. Речь шла о печально известном 122-м законе, который народу запомнился в основном неуклюжей монетизацией льгот. Однако в основной своей части этот закон серьезно искажил весь смысл проводившейся и действительно необходимой нашей Федерации реформы разграничения полномочий между федеральным центром и регионами.

Вместо совершенствования взаимодействия и механизмов ответственности каждого уровня власти за свое дело у разработчиков закона получилось ползучее, да еще и тайное протаскивание в систему госуправления ложных и никогда не поддерживавшихся ни президентом, ни регионами принципов унитаризма.

Все субъекты Федерации, не особо спрашивая их мнения, были пострижены под одну гребенку, причем пострижены практически наголо. То есть централизовали в пользу федерального правительства практически все полномочия, включая вопросы, которые в принципе невозможно решать из центра. Например, регионам запретили управлять школами и поликлиниками, готовить в местных вузах специалистов, заниматься очисткой местных речушек и прудов, сажать или когда надо вырубать деревья, решать, как вывозить и утилизировать мусор, регулировать вредные выбросы в атмосферу, поддерживать научные разработки.

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Ошибается тот, кто думает, что в основе всей этой централизаторской эпопеи лежала государственная стратегия или действительное желание федерального правительства заниматься сугубо местными вопросами. Дело обстояло намного хуже. Логика 122-го закона была подчинена только одному — финансовым интересам Минфина. Именно под аппетиты бюджетно-налоговой централизации подгонялась вся система государственного управления и разграничения полномочий. Подгонялась и тем самым неизбежно разрушалась.

Обо всем этом я и написал президенту. Мнение правительства Москвы было поддержано и другими регионами. Глава государства, рассмотрев вопрос, дал поручения правительству поправить ошибки 122-го закона. В июле прошлого года вопрос был рассмотрен Госсоветом, предложившим необходимые решения по децентрализации и оптимизации системы разграничения полномочий.

Однако затем подготовленный соответствующий законопроект пошел по кругу бюрократических согласований в недрах министерств. Попал в хитросплетения ведомственных интересов. Нырнул в пучину депутатских прений.

В результате в декабре прошлого года из стен Госдумы вышел новый 199-й закон о совершенствовании разграничения полномочий, который, к сожалению, имеет полное право занять «почетное» место по соседству со своим 122-м предшественником.

Особенности национального законотворчества

Одним из пороков и 122-го, и 199-го законов является то, что они представляли собой типичный пример законотворческой практики нынешней Государственной Думы. Оба закона прини-

мались по всем правилам «боевых действий» с необходимыми мероприятиями маскировки и отвлекающими маневрами. Поправки от регионов регулярно зарезались.

Были соблюдены также требования скоротечности и внезапности. Проект 122-го закона в свое время был рассмотрен Госдумой и Советом Федерации в начале августа, в самый отпускной сезон, и стал законом 22 августа за считанные дни до завершения подготовки федерального бюджета в федеральном правительстве. Спешка, имеющая, как известно, позитивное значение совсем в других процессах, а не в законотворчестве, привела к ожидаемому результату.

Нынешнему закону № 199 «повезло» еще меньше, поскольку он стал ярким образцом «новогоднего законотворчества». Столь важный для всей логики власти и управления законопроект, 23 декабря прошлого года проскочил сразу второе и третье чтения в Госдуме, а потом был проштампован на заседании Совета Федерации 27 декабря. Причем большинство его норм начало действовать уже с 1 января 2006 года. К тому же к моменту принятия закона давным-давно были сверстаны и федеральный, и все региональные бюджеты на 2006 год.

Особую тревогу вызывает то, что Совет Федерации — «палата регионов», — т. е. тот орган, который должен был бы изучать подобного рода законопроект долго и скрупулезно, одобрил его без всякого подробного обсуждения. Может быть, сенаторы и рады были бы почитать закон вдумчиво, но у них в любом случае не было для этого ни времени, ни возможности. И 122-й, и 199-й законы представляют собой специфический тип отечественной законодательной практики, называемой «внесение изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В сотнях статей на сотнях страниц убогистого текста — сплошь и рядом дополнения, исключения, изменения форму-

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

лировок нескольких десятков действующих законов. Документы, призванные стать основополагающими для системы разделения полномочий между органами государственной власти разного уровня, оказываются «лоскутным одеялом», сшитым из кусочков разной формы, разных цветов, разной фактуры.

В результате не только для общества, но и для большинства субъектов законотворческого процесса содержание подобных законов часто представляет тайну за семью печатями и таит в перспективе множество «открытий чудных».

Каждый бухгалтер может управлять государством

Итог описанного законотворческого процесса закономерен. 199-й закон превратился в ширму, за которой по-прежнему скрывается доминирующий у финансистов правительства бухгалтерский подход к управлению государством.

Основная идея, которую в течение всего 2005 года отстаивали регионы в борьбе за исправление ошибок 122-го закона, была проста. Необходимо пересмотреть систему ничем не обоснованной централизации государственного управления, вернуть регионам реальные полномочия и финансовые возможности по развитию территорий. Тем более что принятые политические решения по новым принципам выборности губернаторов, формированию единой системы исполнительной власти в стране укрепляют и без того существующие широкие возможности федерального центра по контролю за эффективностью действий региональных администраций.

Однако подобная позиция регионов, к сожалению, так и не нашла понимания в федеральном правительстве, в очередной раз

проиграв амбициям Минфина, мыслящего одной категорией: «У вас еще есть деньги? — Тогда они идут к нам».

Несколько лет подряд федеральные казначеи под предлогом централизации полномочий последовательно отбирали у регионов все большую и большую часть зарабатываемых денег. Теперь, вернув регионам ряд функций, федеральное правительство не согласилось передать обратно постоянные источники налоговых доходов на их осуществление.

Хотя некоторые из возвращаемых полномочий носят достаточно затратный характер. Например, такие как предупреждение чрезвычайных ситуаций и ликвидация их последствий, сохранение памятников, развитие региональных научных учреждений, обеспечение работы детских садов и развитие среднего профессионального образования.

Не нужно быть провидцем, чтобы предположить, что уже в текущем году во многих дотационных субъектах России федеральный центр столкнется с существенным недофинансированием и, как следствие, фактической невозможностью нормального исполнения этих полномочий.

Причиной этого будет вовсе не неспособность или злонамеренность региональных властей, а именно нежелание Минфина, несмотря на зашкаливающий профицит федерального бюджета и распухающий стабфонд, децентрализовать межбюджетные отношения.

Из-за преобладания этой самой минфиновской логики в 199-м законе вообще оказалось совсем немного тех полномочий, которые передаются по нормальной схеме, с закреплением их на постоянной основе за регионами. То есть когда регионы получают полноценные возможности развития территорий, могут предложить собственные методы решения проблем и реализовать свой управленческий потенциал.

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Если бы таких полностью и на постоянной основе децентрализуемых полномочий было больше (как изначально предполагалось), Минфину пришлось бы делиться с регионами налогами. И вот чтобы этого не произошло, правительство сделало в 199-м законе основным механизмом децентрализации полномочий их делегирование субъектам Федерации для исполнения.

Такое делегирование полномочий, во-первых, означает для регионов необходимость выбивать из того же Минфина вроде бы обязательные по закону, но еще не просчитанные индивидуально для каждого региона субвенции.

Во-вторых, это нужно делать не один раз, а постоянно, поскольку делегированные полномочия и субвенции на них должны ежегодно подтверждаться в законе о бюджете. Значит, регионы «на постоянной основе» должны принять позу просящих и уговаривающих.

По остальным полномочиям, которые не вошли в список делегированных или закрепленных за субъектами РФ на постоянной основе, закон № 199 дал регионам лишь виртуальное и сильно забюрократизированное «право участия» в их осуществлении и финансировании. Оговорка в законе, согласно которой регионы могут осуществлять собственные расходы на эти полномочия лишь при наличии соответствующего упоминания в федеральном законе, не изменит ситуацию запрета для регионов на самостоятельность в маневрировании имеющимися у них ресурсами территориального развития.

После принятия ФЗ № 199 приходится с сожалением констатировать, что насаждаемый финансово-экономическим блоком правительства бухгалтерский подход к распределению полномочий снова возобладал. Субъектам РФ отводится роль пассивных распорядителей как федеральных, так и немногочисленных собственных средств.

Дефекты ручного управления

Отказ от полноценного учета мнения регионов при принятии законов, так же как и нежелание правительства расширять собственные полномочия регионов и давать им минимальную финансовую свободу имеют главной причиной возобладавший ложный принцип осуществления региональной политики государства.

По мнению федерального правительства, система власти и управления у нас далека от совершенства. Но из этого делается парадоксальный вывод о том, что проблема может быть решена, если до предела централизовать полномочия, а главное — финансы и имущество, в кабинетах федеральных министров.

Однако перевод отношений центра и регионов на централизованное ручное управление не способен как-то улучшить качество системы в целом. Правительство по-прежнему программирует региональных руководителей на инерционное развитие территорий, вновь и вновь порождает иждивенческие настроения на местах. Количество высокодотационных территорий растет, жизнь большинства субъектов Федерации протекает «от подачи до подачи» всесильного Минфина и в отсутствие всяких источников и стимулов для самостоятельности.

На месте финансистов из правительства я бы не рассказывал с гордостью о ежегодном росте объемов федеральных трансфертов и субвенций регионам, а, наоборот, задумался — почему «макроэкономическая модель» тотальной централизации не дает эффекта? Рост экономики стопорится, монетизации буксуют, инфляция идет галопом и никак не хочет слушаться узды. Все деньги в Минфине, а счастья, как говорится, нет. А ведь по данным экспертов, именно излишняя централизация и отсутствие региональных «точек роста» ведут к тому, что Россия теряет около 2,5 % потенциального роста ВВП в год.

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

С другой стороны, федеральный центр просто не способен переварить тот объем полномочий и ответственности, который пытается на себя взять. 122-й закон, оказавшийся практически неработоспособным, это наглядно доказал. Однако даже и сегодня, после иллюзорного делегирования регионам ряда полномочий, проблема не решена.

Система управления по-прежнему очень сильно зависима от «вечно полуживого», медлительного процесса издания правительством РФ подзаконных актов. Из-за этого мы уже потеряли не только 2005-й, но и 2006-й год для нормальной работы. Сохраняется и зависимость региональных органов власти от административных споров внутри самого федерального правительства, поскольку между разными министерствами, службами и агентствами четко не разграничены сферы ответственности и компетенции по взаимодействию с регионами.

На фоне всего этого правительство продолжает упорствовать в своих заблуждениях. Подгребая под себя налоговые потоки по принципу «дальше некуда», чиновники-централизаторы теперь обратили взор и на другие региональные «активы» — имущество, находящееся в государственной и муниципальной собственности.

Порядок разграничения прав собственности, прописанный в 122-м законе с грубейшими нарушениями гражданского и конституционного законодательства, уже послужил предметом обращения Москвы в Конституционный суд. В 2005 году, когда зашла речь о необходимости обратной децентрализации полномочий, рассмотрение этого иска было приостановлено. Однако в итоге мы пришли сегодня фактически к тому же, от чего пытались уйти.

Правительство вновь настаивает на абсолютно безвозмездной передаче имущества в собственность между уровнями власти без какой-либо компенсации затрат на его поддержание. Более того,

отныне субъекты РФ обязаны передать в собственность земельные участки и помещения, которые сейчас занимают и используют федеральные органы, даже если у регионов есть право иметь подобное имущество в собственности.

Еще более демонстративен подход к распределению имущества в случае делегируемых полномочий (а таких, напомню, большинство). Здесь правительству дано право (а не обязанность!) передать соответствующее имущество другим уровням власти, причем не в собственность, но лишь во временное пользование или управление.

Скорее всего в итоге регионы останутся лишь с так называемыми «делегированными полномочиями», но без денег и без собственности, необходимой для их исполнения.

Нужны меры системного характера

В «обновленной» системе разграничения полномочий по-прежнему заложена масса принципиальных проблем. В истории с принятием ФЗ № 199 мы имеем дело с характерным примером бюрократического заматывания и переименования изначально здоровой идеи по децентрализации системы регионального управления.

Эта ситуация требует принятия мер системного характера. Очевидно, что степень участия регионов в федеральном законодательном процессе и в выработке правительственной региональной политики совершенно недостаточна.

Очевидно и то, что каким бы ни было прекрасным занятием бюджетное планирование и раздувание профицита федерального бюджета, оно не должно вытеснять, а тем более подменять собой реальные задачи государственного управления.

Видимо, было бы разумным реализовать уже неоднократно звучавшую, в том числе и на высшем политическом уровне,

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

идею непосредственного привлечения губернаторов к обсуждению Советом Федерации ключевых вопросов, затрагивающих основы региональной политики.

Необходимо и дальше усиливать роль Государственного совета России в анализе и оценке текущей ситуации в сфере взаимодействия центра с регионами. Именно Госсовет сыграл важную роль в снятии напряженности, возникшей после принятия 122-го закона. Однако практика показала, что усилий Госсовета не будет достаточно до тех пор, пока, наконец, не будут реализованы на практике полномочия этого органа по обсуждению бюджетной политики.

Российская газета», февраль 2006 г.

«Пираты» унижают государство

Начну с примера вопиющего. Не так давно могущественная аэрокосмическая корпорация «Боинг» была вынуждена признать факт фальсификации многих запасных частей и аксессуаров для ее самолетов. Какие-либо комментарийные эмоции по этому поводу — ничто в сравнении с ощущениями, которые могут испытать пассажиры на борту лайнера, отремонтированного со значительной экономией средств. Ведь рынок фальшивок берет именно своей дешевизной.

Осторожно: подделка!

Постепенно в наш быт и лексикон вошло понятие «контрафакт», то бишь подделка товарного знака, торговой марки. А попросту — нарушение прав интеллектуальной собственности, спекуляция на чужой солидной репутации, на чужом имени. Биологи назвали бы такой процесс мимикрией. Но в животном мире это скорее защитная реакция, в мире же экономики — агрессивная, крайне опасная политика облапошивания потребителя, подрыва доверия к существующим рыночным ценностям. Это проявление экономической диверсии, суть которой — увод производства «в тень», уход от налогов, сокращение финансовой базы государства.

Накопленные теневые миллионы вновь и вновь инвестируются в расширение «параллельного» производства, преодоление

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

барьеров на пути контрафакта. Сформированный таким образом капитал начинает давить и на власть, разлагать ее структуры, правоохранительные органы.

Появление в обороте фальшивых денег вызывает у граждан законный гнев. Тут все наглядно: ущерб равен номиналу банкноты. Но ведь фальшивомонетничество — разновидность все того же контрафакта, только потери выглядят зримо, выявляются достаточно быстро. А вот поддельные часы будут еще какое-то время тикать, от «левого» автомобильного масла двигатель заклинит не сразу, по фальсифицированному учебнику можно будет даже что-нибудь выучить.

Вы не слышали про «левые» учебники? Между тем в преддверии учебного года на уличных лотках неизменно появляются контрафактные школьные книжки, напечатанные не просто вопреки закону об авторских правах, но и с целым «букетом» опасных для здоровья технологических нарушений: плохая бумага, дешевые краски с высоким содержанием свинца, олова и цинка. Если провести по строчкам пальцем, на нем останется ядовитая краска...

По данным ряда экспертов, на нашем рынке почти треть продаваемой продукции — фальшивки. Но это усредненный показатель. Взять одежду и обувь — там он достигает уже сорока процентов. Не соответствует заявленному товарному знаку почти половина косметических товаров, моющих средств. Но самым благодатным (читай — наглым) контрафактным «полем» остается тиражирование незаконной аудио- и видеопродукции.

Лоток с чужими тайнами

Надо сказать, что пиратирование (увы, это уже общепринятое слово) электронных носителей существенно отличается от фальсификации большинства товаров. Тут сплетены в один узел

проблемы самых разных сфер. Буквально пунктиром — несколько примеров.

Экономика. Ежегодный налоговый недобор с рынка электронных носителей исчисляется цифрами со множеством нулей. Объем налоговых поступлений от торговли аудиовизуальной продукцией сегодня — 3 млн долларов, он мог бы вырасти, по разным оценкам, до 65—120 млн долларов в год. Таковы потери государства. В особо крупных размерах теряют и те, кому положены авторские отчисления за использование интеллектуальной собственности.

Законность и правопорядок. В незаконный бизнес вовлечена огромная армия людей — от организаторов и работников «пиратских» производственных конвейеров до разномастных коробейников, заполонивших улицы и рынки страны. Наши исследования показали: даже если органы внутренних дел или торгинспекция обнаруживают продукцию с признаками контрафактности (тут далеко ходить не надо: проверь первый попавшийся уличный лоток — не ошибешься), то в 70 случаях из 100 она возвращается в торговую сеть. И не потому, что опровергнута нелегальность происхождения, просто совершенно неэффективна система противодействия контрафакту. Мне по крайней мере не известно ни одного случая, когда пират за свои проделки угодил бы на нары.

Рядом с законом — **мораль.** Мало нам порнухи — теперь без труда можно купить видеофильмы со всевозможными видами изтязаний, пыток, с изнасилованием детей и прочими непотребствами. Рядом с этими кассетами продаются диски с базами данных, представляющих личную, служебную, а то и государственную тайны. При помощи хакеров, а также состоящих на госслужбе негодяев можно с легкостью необыкновенной узнать о должностных и частных лицах весьма занимательные вещи — от их домашних адресов и мобильных телефонов до индивидуальных налоговых номеров (ИНН) и номерных знаков их авто-

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

мобилей. И потом воспользоваться узанным по усмотрению. Тут уже в полный рост встает проблема информационной безопасности, которая должна быть обеспечена как государству, так и его гражданам.

Международный статус страны. По размаху криминального аудио-, видеобизнеса Россия сегодня занимает малочетное второе место в мире — впереди нас только Китай. Надо ли пояснять, что такая ситуация не способствует притоку в Россию иностранных инвестиций, препятствует вхождению нашей страны в солидные, уважающие себя международные объединения? Власть может делать любые широковещательные заявления — все равно остается впечатление, что она бессильна, что ни производители контрафакта, ни его распространители властным структурам, грубо говоря, не по зубам.

Но это не так. Пиратам можно вполне результативно противостоять. И я готов это доказать, обратившись к сюжету пятилетней давности.

К концу 90-х годов почти вся аудио-, видеопродукция в Москве имела пиратское происхождение (в других регионах — даже и без «почти»). Производство и распространение товара находились под контролем теневых структур. Об уплате налогов и говорить не приходилось. Короче, дошли до предела.

И тогда правительство города приняло ряд мер, суть которых сводилась к простой схеме: на всех без исключения кассетах и дисках, поступающих на московский рынок, должны быть идентификационные знаки — специально выпущенные марки с высокой степенью защиты. Есть марка — нет вопросов; нет марки — у специально созданных структур, занимающихся экспертизой продукции и силовым вытеснением контрафакта, вопросы непременно возникали. И если на них не находилось внятного ответа, то ловкачи удалялись из торговой сети, а пиратский товар шел под бульдозер...

Для решения задачи были созданы специальное подразделение московского ГУВД и ГУП «Информзащита», через которое проходила вся легальная продукция, поступающая на столичный рынок. Впервые появились нормативная база, регулирующая распространение электронных носителей, база данных по обладателям авторских и смежных прав, реестр торговых предприятий, продвигающих данную продукцию. Дело ставилось всерьез.

Фальшиво жить не запретишь?

Нужные результаты появились быстрее, чем мы ожидали. Объем реализуемого в Москве контрафакта покатился вниз и уже на второй год действия описанной схемы дошел до 41 процента. Более чем двукратное сокращение! В результате в 2000 году от торговли аудио-, видеопродукцией столица принесла в федеральный бюджет в виде налога 520 млн рублей, тогда как еще двумя годами ранее поступлений из этой сферы, по сути, не было вообще. Соответственно в разы выросли и объем- легальных продаж, отчисления авторам. И тогда все поняли, что пиратов не только нужно, но и можно сильно потеснить.

Жаль, что в нашем случае — ненадолго.

Чем ниже опускалась планка контрафакта, тем активнее выражалось недовольство его производителей и распространителей. Для дискредитации созданной системы использовались всевозможные механизмы. Появилось административное предписание Министерства по антимонопольной политике, отменяющее решение правительства Москвы. После нашего протеста оно было аннулировано, но тяжба не прекратилась.

В конце 2000 года прокуратура констатировала, что ряд пунктов нашего постановления о введении защитного идентифика-

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

ционного знака противоречит федеральному законодательству. Обязательная московская марка, с помощью которой легальную продукцию легко отличить от пиратской, была объявлена незаконным сбором, ограничением прав хозяйствующих субъектов на продажу товаров, препятствием свободному перемещению этих товаров.

Мы вынуждены были скорректировать свое решение, и с начала 2001 года маркирование электронных носителей стало добровольным. Кто хочет клеить марку — клеит, кто не считает нужным тратить на это пусть небольшие, но все же деньги, — торгует товаром безо всяких идентификационных знаков. Пираты прокричали троекратное «ура», и все пошло в обратную сторону: доля контрафакта в торговой сети опять резко возросла, объемы поступающих в казну налогов и отчислений авторам снизились. Мы почти вернулись к тому, от чего стремились уйти. Вернулись, правда, с солидным опытом и уверенностью в том, что нашествию пиратов в принципе можно противостоять.

Черная метка от посла

Не так давно в контрафактном сюжете произошел примечательный поворот. В середине прошлого года посол США в РФ А. Вершбоу направил правительству России письмо, в котором обвинил ряд предприятий, в том числе режимные «почтовые ящики», в выпуске контрафактных носителей. К письму прилагался соответствующий список наименований и адресов. Причем многие пиратские фирмы обосновались на территории органов госвласти. Посол ясно дал понять, что такая ситуация категорически не устраивает Соединенные Штаты, поскольку их авторы, исполнители и правообладатели несут крупные потери от действий наших пиратов.

И в самом деле — несут. Прошла информация, что американские правообладатели собираются вчинить правительству РФ иск на 3,7 миллиарда долларов — в эту сумму они оценивают ущерб от действий отечественных «мастеров контрафакта».

Демарш посла со всей очевидностью показал, что дело стало нешуточным. Американцы уже дважды вводили санкции в отношении стран, чьи пираты в наибольшей мере вредят американским компаниям. В 1997 году «прижали» Болгарию, считавшуюся наряду со странами Юго-Восточной Азии лидером в сфере аудио-, видеофальшивок. Тогда болгарские фирмы перебазировались в Украину, до которой дошел черед в 2001 году. В наказание за то, что украинские нелегалы ежегодно вынимают из карманов американских производителей и правообладателей 200 миллионов долларов, страну вычеркнули из торговой программы, по которой можно было беспощинно ввозить в Штаты ряд товаров.

Куда, по-вашему, отправились после этого пираты с Украины? Правильно, к нам.

Неудивительно, что письмо А. Вершбоу вызвало быструю реакцию. Федеральное правительство вынесло вопрос на обсуждение, премьер констатировал чрезвычайную важность проблемы, были созданы правительственная комиссия и экспертный совет по противодействию нарушениям в сфере интеллектуальной собственности, готовность выступить единым антипиратским фронтом выразили МВД, Минэкономразвития, Минпечати, Минкультуры, Роспатент, Торгово-промышленная палата...

Минуло девять месяцев. Да, были заседания, широковещательные заявления, все дружно согласилось, что для успешной борьбы с контрафактом нужно совершенствовать законодательную базу, ужесточать санкции за торговлю пиратской продукцией... Но видимых перемен пока не наблюдается. Хотелось бы верить, что они назревают. Я обратился к М. Касьянову с предложением использовать московский опыт, и теперь наши

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

специалисты участвуют в работе федеральных структур, занятых поиском путей борьбы с пиратством. Однако управлять ситуацией надо, что называется, «здесь и сейчас».

В столице, несмотря на обилие контрафакта, действуют и развиваются «острова цивилизации» — крупные и небольшие фирменные магазины, где «левым» товаром не пахнет. Нет такого и в системе видеопроката. Три года назад мы закрыли старую «Горбушку», этот рассадник подделок, вызвав тем самым немалое волнение в городе. На очереди — массированные действия против торгующих нелегальным товаром уличных лоточников. Да, их очень много, но оставить все как есть — значит, расписаться в бессилии власти.

Конечно, есть разочарование от непоследовательности действий правительства России, неэффективности решений по борьбе с контрафактом в последнее время. Но мы готовы восстановить прежнюю систему контроля и сделать активные новые шаги в искоренении этого зла.

Искушение для кошелька

Не раз доводилось слышать, будто пираты приобщают Россию к современной компьютерной цивилизации. Мол, где бы все мы были по части оснащения программным обеспечением, если бы средний москвич не имел возможности купить «левый» Windows по дешевке? Или как быть рядовому инженеру с зарплатой 200 долларов, если родной диск от Microsoft предлагают за 400 долларов? Ответ сам собой подразумевается: купить подделку за 400 рублей. А какую, дескать, благовую миссию выполняют пираты для народа, предлагая лучшие образцы мировой музыкальной и кинокультуры почти за бесценок...

Юрий ЛУЖКОВ. ТАИНА ГОСТИНОГО ДВОРА

Вот такие штампы внедряются в массовое сознание. И не в последнюю очередь — благодаря все той же «черной кассе». Именно из нее финансируется и пропаганда мнимой пользы контрафакта для небогатого потребителя.

Тем самым авторы и вдохновители фальшивок стремятся подделать не только сами товары, но и общественные ориентиры. Вместо таких краеугольных для человеческого сообщества понятий, как порядочность, честность, открытое партнерство и уважение чужих прав, они навязывают циничное пренебрежение цивилизованными правилами игры, погоню за быстрой выгодой любой ценой. А покупателей контрафакта превращают в активного соучастника ничем не прикрытого воровства, фактически — в скупщика краденного. Я бы назвал массовый контрафакт искуслением общества тотальной аморальностью.

Ответ должен быть адекватным. Власти нельзя забывать, что она призвана не только бороться с конкретными подделками, нелегальными доходами, криминалитетом, но и отстаивать достоинство государства.

Важно, чтобы провозглашенный на самом верху курс стал реальным процессом на длительную перспективу, чтобы он не выродился в очередную компанию, о результатах которой надо вовремя доложить и забыть. Ведь успехи России надо оценивать не по тем или иным сиюминутным результатам, не по конъюнктурным докладам, приуроченным к визиту очередного западного эмиссара, а по концентрации политической воли, направленной на реальную защиту и массового потребителя, и законного владельца интеллектуального продукта.

«Труд», май 2003 г.

Европейский выбор России

Нехороший домик

Дело было так. Четыре года назад поехали мы с семьей отдыхать в Белоруссию, в Беловежскую Пушу. Были в Вискулях — там, где подписывались Беловежские соглашения.

И вот однажды, когда мы гуляли всей семьей, я ушел немного вперед. А Оля, моя младшая дочь, идет вместе с мамой и спрашивает:

— Мама, а почему папа никогда не ходит вон по той дорожке и к тому домику не подходит?

— Нехороший это домик, — отвечает мама. — Вот папа его и не любит.

Но Ольга не отстает, она дотошная. Мне потом Елена рассказывала, что дочь все переспрашивает, «почему нехороший», «почему папа не любит»?

Тогда жена остановилась и объясняет ей:

— Понимаешь, Оля, была у нас большая страна. И было в ней много всего разного. Очень большая и очень разная. В ней жило очень много людей. Было много республик. Разговаривали на разных языках. На одном конце страны могла быть зима, а на другом — уже лето. Где-то день, а где-то уже ночь. Но страна у всех была общая. Все друг друга понимали, потому что очень давно вместе жили. А вместе стали жить, чтобы помогать друг другу, чтобы всем лучше было.

Дочь молчит, голову наклонила, слушает.

— Такая вот была страна, — продолжает Елена. — Большая и сильная, которую все уважали. Называлась Советский Союз.

И у страны этой был один президент — самый важный человек. Он страной руководил, и для этого у него была власть. Он решал, что и как нужно сделать. Люди его слушали.

— И что же случилось? — переспрашивает Оля, оборачиваясь на «нехороший домик». Потому что не может пока понять, как же так получилось, что вот на этом самом месте что-то с этой большой страной и произошло.

— А случилось, — продолжает мама, — то, что нашлись три дяди, которые тоже захотели, чтобы у них была власть. Чтобы они руководили и решали, что нужно делать. И чтобы слушались их, а не президента большой страны. И вот в этом самом «нехорошем домике» они и написали такую бумагу, чтобы большой страны не было, а вместо нее возникло несколько стран помельче, в которых эти дяди были бы самыми важными и главными.

Тут уж я вижу, что Оля с мамой чуть отстали, остановились. Оборачиваюсь и наблюдаю, что Елена что-то дочке объясняет. Потом обе замолчали, а Оля стоит и по сторонам как-то задумчиво смотрит. Вдруг, смотрю — вроде даже как-то нахмурилась. И бежит. Но не ко мне, а старшую сестру Алену увидела. А та по дорожке идет, как раз к тому «домику». И вот пронесится младшая моя мимо меня, бежит к Аленке и кричит: «Не ходи туда, там три болвана страну развалили»...

Отцы и дети

И тогда, и позже я много раз думал, почему она так сказала? Ведь до той поездки в Вискули мы никогда с детьми на эту тему и не говорили. Может, просто для детей слово «развалилось» проще и понятнее, чем «распалось». Вот кулич в песочнице может развалиться. И снежная баба тоже.

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Противники Советского Союза тут радостно воскликнут: «Вот-вот, именно. Сами же и проговорились. Пытаетесь свести сложный процесс к „детским" категориям „развала страны"». Ну что ж, отвечу.

В истории человечества постоянно происходит одно и то же. Новые поколения часто (и слишком часто) абсолютно справедливо задают своим предшественникам сакраментальный вопрос: «Как вы это допустили? Почему вы были так недалёковидны?»

Наши дети и внуки всегда наделены большим опытом и знанием. То, что для нас — муки поиска, для них — наука. Там, где мы не можем преодолеть идеологические и психологические барьеры «очевидцев» и «современников», они сразу видят смысл событий.

Мы сегодня часто повторяем: «Кто не жалел о распаде СССР, тот не имеет сердца, а кто хотел бы его сохранить, тот не имеет разума». Многие скажут, что Союз в своем забронзовевшем советском виде выжить уже никак не мог. Собственно, поэтому и считается, что сохранение СССР было делом неразумным.

Может быть, отчасти все и так. Да я не о том и спорю. Я говорю о другом. О том, что развал и реформа — не одно и то же. И о том, что между развалом Союза и не менее маниакальными попытками его законсервировать в неизменном виде были и другие сценарии.

Причем сценарии куда более жизнеспособные и, главное, полезные для всех республик и народов СССР. У нас же, к сожалению, тяга к крайностям — вещь до сих пор неизбывная.

В конце концов, историческое, культурное единство, единое экономическое и геополитическое пространство, общность семей и судеб — вещи куда более важные и ценные, чем началь-

ственные желания «дядей». Перед лицом этой непреложной истины граждане Советского Союза вправе были рассчитывать на более бережное отношение к их интересам и интересам большой общей страны.

Никто ведь не станет утверждать, что в СССР не было проблем и нечего было исправлять. Но ведь из этого совсем не следует, что нужно было избрать самый глупый способ преодоления трудностей и противоречий. По известному принципу — «нет Союза, нет проблемы».

В результате развалили Союз как-то по-нашему — бессмысленно и беспощадно. Кто-то ведь правильно в свое время перефразировал: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья. А зачем?»

Катастрофа и ренессанс

«Снявши голову, по волосам не плачут». И пишу я эту статью не для того, чтобы просто посожалеть о развале СССР. Напротив, мы должны думать о будущем. И не делать новых ошибок.

А еще иногда нужно посмотреть вокруг себя и увидеть, что не только наши потомки, но и многие наши современники оказываются намного умнее нас.

Сценку в Вискулях я вспомнил в конце прошлого года, когда смотрел по телевизору церемонию подписания в Риме лидерами европейских государств договора о единой «Конституции для Европы». Вспомнил, наверное, потому, что испытал даже некую зависть к европейцам. Подумалось о том, как люди умеют ценить свою историю, родину и культуру. Распоряжаться своей судьбой и будущим.

Если крушение Советского Союза мы справедливо называем крупнейшей геополитической катастрофой нашего времени, то

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

стремительное по историческим меркам возникновение Единой Европы в пору назвать пусть не крупнейшим, но чрезвычайно значительным геополитическим и цивилизационным возрождением современности.

50—60 лет назад, когда европейский континент только приходил в себя после войны, было сложно себе представить, что Европа станет единой. Тем более помня историю европейской цивилизации, которая вместила в себя сотни войн, внутренних конфликтов, интриг, недоверия и как апофеоз — две самые страшные мировые войны XX столетия.

Тем не менее за минувшие полвека принципы интеграции и единства превратились в ценностную основу возрождения Европы, ее экономического развития, восстановления и повышения уровня жизни европейских обществ, нового возвышения роли Европы в мировой политике.

Бегство от Европы

Мы же оказались в противофазе и, в полном смысле слова, в противоречии с главным мотивом и логикой развития европейской цивилизации в конце XX столетия и на долгосрочную перспективу.

При минимально бережном отношении к той ценности, которую представляла собой единая государственность республик и народов СССР, нам следовало использовать те опыт и алгоритм развития, которые уже в начале 90-х годов демонстрировала нам Европа.

Тогда вместо развала СССР мы получили бы вполне современную и отвечающую общим интересам модель реформирования Советского Союза. Она была связана со значительной децентрализацией и суверенизацией республик. Но при одновре-

менном сохранении единого экономического и валютного пространства, общего рынка, общей внешней и оборонной политики, единого гражданства, правового, информационного и гуманитарного пространств.

Такой сценарий, в отличие от того же СНГ, и можно было бы считать примером «цивилизованного развода». Да и «развод» такой не был бы необратимым. Децентрализационные тенденции рано или поздно сменились бы новой волной интеграции республик Советского Союза. И сегодня вместо фактических похорон СНГ мы могли бы, возможно, наблюдать восстановление единого государства.

Однако все эти возможности использованы не были. В память же нам останется ироничная улыбка истории. 9 декабря 1991 года, на следующий день после «беловежских соглашений», в голландском Маастрихте лидеры европейских государств приняли решение учредить Европейский союз. А буквально через пару месяцев после того как над Кремлем был спущен флаг СССР, Договор о Европейском союзе был подписан.

Урок вполне назидательный. И даже слишком наглядный.

Этот мир придуман не нами

В XXI веке наступает завершающий этап формирования глобального мира — крупных «геополитических материков», новых надгосударственных политико-экономических систем, глобальных общих рынков, культурных и информационных «ареалов влияния».

Формирование единой Европы. Американский проект «идеологической империи свободы». Усиление культурно-идеологических и экономических интеграционных тенденций в исламском

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

мире. Звучащие в последнее время идеи «африканской федерации». Экспансия китайских диаспор и формирование своеобразной культурно-демографической и экономической «всемирной Поднебесной».

Все это и многое другое — признаки нового мира и примеры нового типа существования и развития государств в нем. Главным здесь является способность не выпасть из общего потока мирового развития. Она определяется наличием у государства или группы государств собственного глобального интеграционного проекта, позволяющего выжить и укрепить свои позиции. В том числе перед лицом таких новых явлений мирового масштаба, как международный терроризм или возникновение целой инфраструктуры институтов и механизмов «внешнего управления» развитием тех или иных стран.

Что все это означает для России да и других постсоветских государств? Говоря просто, в современном мире у наших стран есть только три варианта действий.

Во-первых, примкнуть к тому или иному глобальному проекту, как, например, это сделали многие страны бывшей Восточной Европы и Прибалтика, вступив в Евросоюз.

Во-вторых, рано или поздно попасть под внешнее управление и быть таким образом опять же включенными в тот или иной глобальный проект, но на заведомо проигрышных и подчиненных условиях. К сожалению, сегодня признаки подобного развития событий в ряде стран СНГ наблюдаются.

И наконец, последний вариант — это найти в себе силы на реализацию собственного глобального интеграционного проекта и сохранить на союзной основе свою самостоятельность и субъектность в новом мире.

Других возможностей, к счастью или к сожалению, сегодня у нас нет. Попадая в глобальный политический поток, мы не

можем избрать для России изоляционистскую стратегию. «Глобальное одиночество» в формирующемся новом мире выжить не позволяет.

Похищение Европой

Проще всего было бы сказать, что принадлежность России к европейской цивилизации требует от нас присоединиться к европейскому интеграционному проекту. Однако вне зависимости от того, насколько такая перспектива кому-то нравится или не нравится, объективно это невозможно. Причем ни для нас, ни для Евросоюза.

Такой эксперимент скорее всего плохо закончился бы для обеих сторон в результате невозможности «переварить» весь комплекс политических, экономических, социокультурных да и собственно геополитических проблем, которые при этом бы возникли.

Между прочим, аналогичные проблемы «воссоединения» с Европой характерны и для некоторых других стран бывшего СССР. Даже несмотря на существующую там сегодня эйфорию по поводу ближайшей европейской перспективы.

Кроме того, Россия не может себе позволить избрать стратегию медленного, в течение 20—30 лет, присоединения к Европе. Такое присоединение к тому же сопровождалось бы соответствующим угасанием самостоятельной роли России в мире и стремительно ослабевающей способностью противостоять внешним угрозам. Правда заключается в том, что в таком случае через пару десятилетий Россия прекратила бы свое существование как единое государство в нынешних границах. А в Евросоюз вступали бы Кёнигсбергская республика и Центрально-Черноземная федерация.

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Очевидно, что подобная ситуация противоречит национальным интересам, а логика мирового развития диктует нам необходимость действовать уже сегодня, здесь и сейчас. Те же самые задачи стоят и перед другими государствами бывшего СССР.

Необходимость соответствовать современности требует от наших республик и народов найти политическую волю для того, чтобы перейти на качественно новый уровень интеграции.

Европейские уроки

Здесь как раз и может оказаться востребованным доказавший свою эффективность опыт Евросоюза.

Первый урок Евросоюза заключается в том, что глобальная конкурентоспособность может быть обеспечена в конечном счете только благодаря интеграционным процессам. Двухпроцентная доля в мировой экономике не позволяет России использовать экономический фактор воздействия на международные отношения — фактор наиболее существенный и эффективный в современном мире.

Интеграция же дает возможность формирования общего рынка и расширения спроса для национальных экономик, что сегодня является ключевым условием ускорения экономического роста России и структурной перестройки экономики, ухода от экспортно-сырьевой модели развития.

Одновременно интеграционные механизмы позволяют формировать принципиально новые отрасли и сектора глобальной экономической конкурентоспособности. На примере таких европейских проектов, как «Эрбас» или космическая программа, это видно очень отчетливо.

Наконец, создание макроэкономического пакта стабильности и формирование широкого единого валютного пространства интегрирующихся государств позволяют существенно повысить не только их роль в мировой экономике, но и создают дополнительные импульсы для привлекательности и расширения интеграционного объединения, что на примере Евросоюза опять же работает на его глобальную устойчивость и суверенитет.

Второй ключевой момент в опыте евроинтеграции заключается в необходимости последовательного заимствования самих интеграционных алгоритмов, политико-правовой культуры объединения.

В центре особого внимания европейского взаимодействия всегда оставалось тонкое политическое регулирование проблемы соотношения национальных суверенитетов и процесса интеграции, его наднациональных органов и механизмов. Происходил постоянный поиск новых механизмов и форм выработки совместных решений, достижения компромиссов между государствами, иногда — принуждения к сотрудничеству.

Это могло притормаживать общий ход интеграционного процесса до тех пор, пока все участники не созреют до понимания необходимости нового этапа и уровня объединения. Но одновременно обеспечивалась четкость и поступательность интеграционных процессов в тех сферах, где решения уже достигнуты. Кроме того, минимизировалась возможность срыва интеграции, отказа сторон от уже достигнутого.

Наконец, третий и самый важный вывод состоит в том, что основой европейского успеха является превращение идей сотрудничества и интеграции в систему ценностей современной Европы, некий вариант европейской общенациональной идеи.

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Подобная общая идея необходима и нам. И для того чтобы она возникла, нужно понять главную цель европейского объединения. Она состоит в использовании интеграции в качестве механизма повышения благосостояния, уровня жизни европейских обществ и всех граждан Евросоюза.

Можно достаточно долго говорить о том, как эта цель достигается через макроэкономическое регулирование, создание единой европейской политической и судебной систем, формирование общего мобильного и свободного рынка труда, институт единого гражданства и многие другие решения. Несомненно одно — результатом является очевидная и устойчивая тяга европейцев к объединению, добровольный и усиливающийся характер того притяжения, которое создает Евросоюз.

Евразийский Союз

Все сегодняшние интеграционные форматы на пространстве бывшего СССР для решения интеграционных задач неэффективны. Родовые пятна «эсэнгового цивилизованного развода» отравляют любые попытки объединения.

В свою очередь, не имеют реальных интеграционных перспектив и проекты типа ГУУАМ. Отвлекаясь от громких деклараций, единственным смыслом их существования оказывается стремление доказать свою независимость от России. Причем доказать даже не самим себе, а авторам других глобальных интеграционных проектов.

Значит, необходимо, опять же используя европейский опыт, выделить ядро интеграции, каким в Европе 50 лет назад было франко-германское партнерство.

В наших условиях таким новым интеграционным проектом, интеграционным ядром, может стать создание Евразийского Со-

юза, способного объединить на первом этапе Российскую Федерацию, Белоруссию и Казахстан.

Из всех государств СНГ именно в России, Белоруссии и Казахстане политические элиты и народы обладают наибольшим потенциалом и готовностью к полноценной интеграции, вплоть до создания единого союзного государства.

Именно у наших государств достигнут на сегодня наивысший текущий уровень интеграции. Он примерно соответствует уровню интеграции стран нынешнего Евросоюза в начале 80-х годов прошлого века.

Это значит, что, используя европейский опыт, в рамках Евразийского Союза можно в течение 5—8 лет реализовать программу интеграции до уровня, соответствующего нынешнему состоянию Евросоюза. Сформировать систему наднациональных органов. Прийти к формированию общего экономического, инфраструктурного пространства. Сформировать единую политику и политику безопасности. Создать валюту. Разработать и принять единую конституцию Союза.

Экономические же и геополитические вопросы глубокого уровня интеграции с другими постсоветскими государствами могут рассматриваться как стратегические, долгосрочные задачи. И решаться в будущем по мере расширения Евразийского Союза (по аналогии с процессами и «волнами» расширения Европейского союза). А такие «волны расширения» обязательно последуют, как только Евразийский Союз покажет свою эффективность и интеграционную привлекательность.

Одновременно результатом реализации Россией совместно с другими постсоветскими государствами своего объединительного процесса должно стать создание «общего пространства» взаимодействия и партнерства двух глобальных интеграционных проектов — нашего и европейского.

За нашу и вашу Победу

Символы в истории играют огромную роль. Часто они превращаются в реальную движущую силу политики.

9 мая отмечен в Европейском Союзе как «день Европы», официальный праздник образования Союза.

Эта дата выбрана потому, что 9 мая 1950 года был опубликован меморандум министра иностранных дел Франции Робера Шумана. Меморандум формально был адресован ФРГ и содержал идею интеграции сталелитейной и угольной промышленности двух стран, причем прежде всего в традиционно конфликтных для Франции и Германии рейнских областях. Однако политический смысл меморандума Шумана оказался намного глубже. Этот документ заложил смысловую основу всего европейского интеграционного проекта, идеологию «единства в разнообразии» как программы модернизации европейской цивилизации и ее расставания с тяжелым наследием прошлого.

Поэтому-то и появление на свет меморандума именно 9 мая, в годовщину окончания Второй мировой войны, было совершенно не случайным. А результатом уже через год, в апреле 1951 года, стало подписание Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали — первого полноценного интеграционного образования в Европе.

Для нашей страны 9 Мая, День Победы, был и навсегда останется самой величайшей датой в истории. 9 мая 1945 года — высшая точка развития и триумф величия СССР, всех республик и народов Советского Союза.

Сегодня более 2/3 граждан России уверены, что ничего более значительного, чем Победа в Великой Отечественной войне, в нашей истории не было. Большинство граждан бывших советских республик могут сказать то же самое.

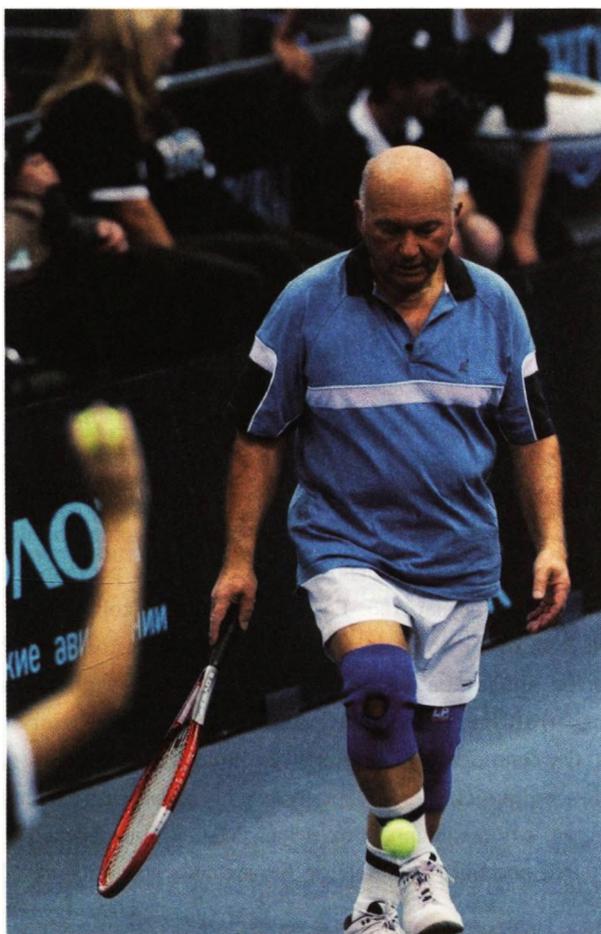
Юрий ЛУЖКОВ. ТАЙНА ГОСТИНОГО ДВОРА

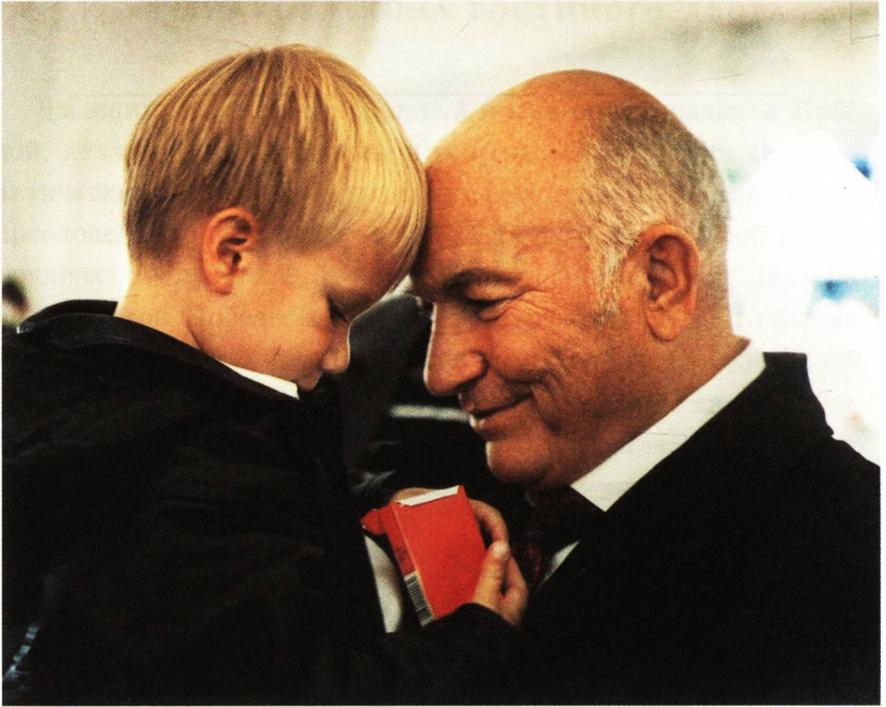
Традиции, заложенные братской и многонациональной Победой, должны поддерживаться и развиваться. Центробежные политические тенденции в границах бывшего СССР могут быть преодолены только тогда, когда мы будем помнить об общем героическом прошлом. Понимать, что наша история, День нашей великой Победы являются краеугольным камнем общенациональной идеи. Общей для всех республик и народов СССР.

Именно это должно нас привести к пониманию единой судьбы в будущем. Возрождению братства, единства, союза наших народов. Убежден, что так и будет.

«Российская газета», май 2005 г.

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

«Говорят, что после 13-14 лет человека нельзя изменить. Это не так. До 22-25 лет человеческая личность продолжает формироваться. До этого времени она податлива к воздействиям извне, она прогибается под ними. Ребенок, подросток усваивает принципы и правила социальной действительности, формируется внутренняя структура его психики. И здесь очень важно, какие нормы ребенку прививаются. Эти процессы в нормальном обществе всегда регулируются, иначе погибнет и общество, и государство. Если вы не хотите кормить детей вашей духовной пищей, они будут кормиться чужой и станут чужими.

Я обещал не впадать в морализаторство. Поэтому предлагаю читателю поразмышлять, что будет с Россией, когда и если разнообразные меньшинства станут в ней большинством. Посмотрите, сколько сегодня на наших улицах чужих людей — не иностранцев, нет, чужих по жизненным ценностям, выпавших из общества, отключившихся от него... Мы — государство и общество — должны оградить российских детей от безусловно вредоносных факторов.»

«Посторонние?!», 2003 г.

Что поворачивать: реки или мозги?

О пользе одного гимназического сочинения
в глобальном мире

Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю.

1-я Книга Царств

Что ни говори, а школа не должна отставать от жизни. В западных демократиях нормы свободы вводились параллельно со средствами защиты от злоупотреблений. К нам либеральная вольница пришла так мгновенно, что общество оказалось неподготовленным.

А от этого страдает не только сама идея свободы, но и этика. В условиях, когда вор становится образцом для подражания, а те, кто осмеливается говорить о чести и честности, выглядят наивными ностальгирующими идиотами, мы должны научить человека искусству сохранения личности, самообороны, методам нравственной самозащиты, способам остаться порядочным человеком в самых сложных ситуациях. Мы обязаны противопоставить хитрости — разум, бессовестности — знание, невежеству — исторические факты. Примерно так шла моя мысль под впечатлением локального информационного взрыва, который обрушился со страниц газет: «Лужков предлагает повернуть сибирские реки вспять», «Лужков не знает, куда девать деньги», «Поворот Лужкова», «Канал им. Ю.М. Лужкова», «Перекуем кепку на чалму» и прочее в том же духе. Тон публикаций был откровенно злобным, немотивированно наглым, оскорбительным, как всегда, когда срабатывает пружина «черного PR'а». Признаюсь, меня это впечатлило. Привыкший к фальсификации, даже клевете, в данном случае я ока-

зался в затруднительном положении. Ведь это не столичное зодчество, не городские субсидии, не реагент на дорогах. Речь у меня шла о чем-то далеком, о проекте канала — от сибирских рек в среднеазиатские степи, — приостановленном еще в 1986 году скорее по соображениям политическим. В конфиденциальной записке, попавшей в правительство, было высказано предложение заново, с учетом новых социально-экономических и геополитических реалий, оценить идею, занимающую умы уже более ста лет.

Но давайте все по порядку.

Откуда что вытекает

Не так давно в газетах появилась информация о некоем рассекреченном докладе ЦРУ. Речь в нем шла об американских геополитических прогнозах. Один из главных — распад России к 2015 году на 6—8 государств.

Идея не новая (в книге аналитика ЦРУ Грэма Фуллера предсказывается создание в нынешнем веке нескольких сотен новых стран), но дело не в этих прогнозах, а в том, что отечественные политологи и прочие граждане с готовностью стали обсуждать реальность такой перспективы. И что же выяснилось? Никто не только не ужаснулся. Наоборот, когда радиостанция «Эхо Москвы» прямо задала слушателям вопрос: «Считаете ли вы эту угрозу реальной для нашей страны?» — почти две трети (71 %) ее радиослушателей спокойно ответили «да».

Во как! Нет, вы только вдумайтесь: две трети! наших с вами сограждан! Позволяют себе такую святотатственную, такую недопустимую вещь, как сомнение в будущем существовании России!

Как же это могло случиться? Нет, я всерьез спрашиваю. Ведь еще недавно ничего подобного нельзя было себе представить. Мы всегда ощущали свою страну как священный дар, полученный от пред-

ков. Защищали этот дар, не жалея жизни. И вдруг под воздействием временных трудностей уже свыкаемся с мыслью, что от России не останется ничего, кроме нескольких малозначащих государств.

Считалось, что великие пространства, национальное многообразие, необозримые ресурсы — все это неоценимые преимущества России. И вот оказалось, что именно это таит в себе опасность. И территория, поскольку она привлекательна не только для нас. И ресурсы, потому что позволяют жить паразитически. О национальных проблемах уже не говорю.

Вы скажете: бросьте, мол, это лишь настроения. Ответу: да ведь дело-то именно в настроениях. Поставлю вопрос так: насколько это опасно — сомневаться в будущем своей страны?

Думаю, что очень. Причем для россиян опаснее, чем для любого другого народа. Потому что такие уж мы есть: не можем жить, не чувствуя за собой большой и сильной страны. Когда говорят, что, мол, не дергайтесь, не выступайте, давайте потихонечку проедем то, что досталось от прошлых поколений, не надо ни строить новых заводов, ни модернизировать существующие, ни двигать науку, ни предлагать обществу масштабных целей... Нет, наше общество не может развиваться на таких основаниях. Это не то, что формирует дух нации. Неверие, раздражение — да. Но не мотивацию для развития. Не настрой на созидание.

Приведу маленький пример, подтверждающий эту особенность национального сознания. По наблюдению лингвистов, только русский человек издавна стал называть себя не так, как все другие, не именем существительным — как немец, француз, китаец и прочие, — а прилагательным «русский». Что значит — из Руси или принадлежащий Руси. То есть мы идентифицируем себя не по крови, а по территориальной принадлежности. Кто бывал за границей, знает: там всех россиян зовут русскими независимо от национальности. Такие вещи не бывают случайными. Однако не будем отвлекаться.

Так вот. За последнее время в разных аудиториях — на лекциях, деловых встречах да и просто в частных беседах — все чаще приходится слышать упрек: почему, мол, не предлагаете масштабных проектов? Общество стосковалось по настоящей созидательной работе. Люди хотят слышать о конкретных делах, дающих видимый результат. Причем, что особенно любопытно, эти упреки высказывались не только в адрес властей, но и крупного бизнеса. Общество ждет от него не разовых подачек, а инициирования больших общенациональных проектов и участия в них. Это и есть подлинная социальная ответственность крупного капитала, получившего этот капитал почти даром. Пора заставить его работать не на виллы во Франции и английские футбольные клубы, а на долгосрочные и перспективные общенациональные проекты.

Нам, россиянам, чтобы вернуть уверенность в себе, нужны мощные цели, которые улучшили бы моральный климат в обществе, сформировали его оптимизм и веру. Требуется чувство победы, или, как выражались молодые собеседники, драйв.

Это непростительно — не привести в действие самый нужный, самый действенный в России рычаг: дух народа, его волю. Тот дух, который складывается в обществе и дает мощнейшую энергию развития, о чем не раз писал Лев Толстой.

Будем безынициативными — потеряем страну. Вот что я слышал в разных аудиториях, когда стала всплывать идея того, старого проекта поворота рек.

«Новый мир» и «Машина времени»

«Вот новый поворот», — пел Андрей Макаревич, даже не подозревая, возможно, что это ремейк. «Поворот» — так называлась знаменитая в начале перестройки статья писателя С. Залыгина о победе над проектом «переброски рек».

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

«Что он нам несет?» — спрашивает певец. А нес нам писатель действительно жуткие вести.

Что мелиораторы, оказывается, хотели затопить плодородные русские земли, оставить под водой российские деревни, сгубить памятники национальной культуры и так далее. Старшее поколение помнит все это очень хорошо.

Боже, что это было за время! Как тогда активизировалось общественное мнение, каким оно казалось значимым! Как страстно обсуждали этот проект, с каким нетерпением ждали очередного выхода «Нового мира», как искали среди заголовков слова «поворот рек», давали почитать друзьям, делали ксерокопии.

В самом слове «поворот» слышалось что-то волнующее, какое-то обещание перемен. На фоне закисшего, застойного состояния появился повод встряхнуться, высказаться, проявить заинтересованность в общем деле.

До тех пор ни одно решение партии не обсуждалось без указания сверху.

Постановления ЦК КПСС не вызывали дискуссий. Все брали под козырек и выполняли, причем любой ценой. И вдруг впервые оказалось возможным показать, что у народа может быть особое мнение.

До того история советской власти была историей великих строек. И вот после всех грандиозных свершений, после больших каналов, комсомольских починов, после наших головокружительных успехов в космосе, на целине, на строительстве БАМа — после всего, что служило убедительным доказательством силы и славы режима, возник повод излить накопившееся недовольство, дать бой бездарному руководству страны.

И повод очень выигрышный. Ругать проект переброски рек было не так опасно, как заступаться за диссидентов, это можно было делать вполне легально и печатно.

Возбужденные публицисты пугали нас ужасающими последствиями строительства канала. Они рисовали апокалипсические картины, с непривычной страстностью и красноречием описывали такие ужасы, что казалось: гибель Помпеи, всемирный потоп и казни египетские — все эти бедствия разом обрушатся на русский народ в результате козней и происков мелиораторов.

Из области сугубо технической дискуссия перешла в совершенно иное измерение. Чуть ли не мировоззренческое. Ненавистный проект воплощал в себе большевистские насильственные подходы к покорению природы. А противостояли ему идеи свежие, природоохранные, экологические.

Проект аккумулировал все пороки административно-командной системы. А на стороне противников были уже назревавшие в обществе взгляды и настроения. Что государство должно прекратить всякое попечение о крупных проектах. Что бюрократия лишь мешает науке. Что грядут благодатные времена, когда все деньги, которые тратились на «никому не нужные» стройки коммунизма и гонку вооружений, пойдут на пенсии, культуру, здравоохранение. И все это — на фоне романтических предсказаний, будто мы вступаем в мир, где никто больше не будет на нас нападать, а потому надо скорее перековать все мечи на орала, выпускать вместо вооружений кастрюли и мясорубки. И заживем прекрасно.

В массовом сознании утвердился стереотип: если ты поддерживаешь переброску рек — ты ставленник КГБ, если против — демократ.

Такой и осталась бы в памяти вся эта история, если бы под впечатлением нынешних, описанных выше встреч и разговоров не достал я с полки (с подачи ученых) старую папку с подборкой материалов дискуссии. Все эти годы она провалялась в книжном шкафу.

Открыл и увидел... Боже, что я увидел! Старые журнальные выдержки и ксерокопии поведали совсем не ту историю, что за-

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

помнилась и хранилась в памяти все эти годы. Они рассказали о большой, хорошо продуманной лжи.

Критика проекта велась непристойно, разнузданно, с попранием всех традиций делового обсуждения и научной полемики. В публикациях создавался образ каких-то вредителей, коррумпированных бюрократов, сознательных разрушителей природы и культуры, в которых нет ничего человеческого, готовых за понюшку бюджетных ассигнований сгубить выносившее их материнское лоно...

Цитирую: «Проект принесет невосполнимые потери нашему климату, нашей культуре, если безвозвратно исчезнут с лица северной России не только сотни деревень, но и около 15 тысяч памятников русской истории».

Еще цитирую: «При равнинном характере северорусских земель будут вырублены леса и затоплены миллионы гектаров лугов, угодий, пашни».

Не надоело? Ну, еще немного: «Проектировщики переброски как бы упустили из вида, что значительный подъем грунтовых вод, когда реки потекут вспять через старинные русские города, подтопит весь подол Вологды со знаменитой исторической архитектурой и Софийским собором; будет затоплена и жемчужина зодчества, гениальное творение рук человеческих — Кирилло-Белозерский монастырь, а над поверхностью образовавшегося моря останутся лишь часть стен и башни Ферапонтова монастыря, известного всему миру непревзойденными фресками великого Дионисия».

Читаю и глазам не верю. Неужели все это было тогда напечатано, а мы молчали? Не потрудились ни проверить, ни усомниться, не вступились за своих коллег-ученых; как могли с таким доверием читать явные, откровенные передержки? Почему не видели, с какой нечистоплотностью, по каким «чернопиаровским» лекалам велась эта полемика?

Неправдоподобие — вот что поражает в гипертрофированных нападках критиков проекта. Оказывается, для того чтобы тебе поверили, вовсе не обязательно говорить что-то похожее на правду. Скорее наоборот: внушительность (применим такое некрасивое слово), вероятно, находится вовсе не в том отделе мозга, где пульсирует нормальная мысль. Поэтому правило «чем неправдоподобней, тем лучше» — скорее всего вовсе не плод чьей-то иронии, а профессиональный совет.

Предмет критики используется как флажки на волкогоне, а потому — к черту подробности! Я долго удивлялся: почему сегодня в разговорах о печальной судьбе Военторга никто не интересуется его историей? Сколько ни объясняешь, что здание долго стояло пустым, разрушалось, потому что не могли найти инвестора, — никто не слушает. Так было и в той, «поворотной» дискуссии. Публицистов не интересовали факты, аргументы ученых, ибо объект критики был выбран как символ. Авторы озабочены были не тем, надо ли в действительности спасать памятники; их страстная полемика была лишь ширмой борьбы с партийным засильем. Проект не вызвал бы столь бурного социального резонанса, если бы на нем не было грифа «Постановление ЦК». Целью были совсем не ученые, а та страшная сила, что именовалась «организующей и направляющей». И эта постановка рождалась прямо в дискуссии, можно сказать, в порядке импровизации, на наших глазах.

Или возьмем другой пример. Сегодня в выборных кампаниях широко используются так называемые «двойники», подставные однофамильцы конкурента, которых выдвигают за деньги в избирательный список, чтобы дискредитировать ненавистного кандидата (например, сообщить в газетах, что человек с такой-то фамилией был судим, лечился в психушке, провозглашает омерзительные идеи и так далее).

Но ведь и этот пример был использован в «поворотной» кампании. В самом деле, вы, вероятно, заметили, что в приведен-

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

ных выше цитатах речь идет о Ферапонтовом монастыре, который, как известно, находится очень далеко от Оби, можно сказать, в другой части света. В чем дело? Да попросту в том, что «мальчиком для битья» был избран другой проект, не имевший к интересующему нас «сибирскому» никакого отношения, — план поворота рек европейской части страны в бассейн Каспийского моря. Проект действительно слабый и очень сомнительный. Тут слов нет. Слова появляются, причем совсем непечатные, когда замечаешь, что достаточно обоснованную критику одного проекта неправомерно переносят на другой и валят оба в одну кучу, чтобы сделать радикальные оргвыводы. А ведь так и делали, ничтоже сумняшеся, авторы «поворотной» дискуссии.

Можно указать еще много других приемов, обеспечивших победу писателей над учеными. Однако не буду утомлять читателя. Кому интересно, может сам поинтересоваться: сегодня пособий по «грязным технологиям» больше чем достаточно. Мне хотелось бы обратить внимание лишь на одну особенность этого дела, о которой ни слова нет в этих пособиях.

«Пиар» — слово западное. Мы привыкли считать его прописанным где-то за океаном. Нам кажется, что новоявленные специалисты по оговору оттачивают свои методы, переводя с английского, пользуясь опытом американских коллег. Наверное, все это имеет место. Однако похоже, что отечественные мастера компромата не достигли бы своих грандиозных успехов, если бы не встроились именно в русскую стилевую традицию, сформировавшуюся задолго до советской власти.

Российская традиция оговора велика и обильна. Наши пиар-мастера совершенно напрасно хвалятся западными технологиями. Нужно собственную гордость иметь. В сталинские, например, времена у нас «чернопиарщиков» было чуть ли не полстраны. Правда, называлось это не красивой аббревиатурой PR, а попросту, по-русски, доносами, но приносило не менее ощути-

мые плоды. Конечно, если бы тогда, в тридцать седьмом, существовали пиар-агентства, дело «большого террора» значительно облегчилось бы. Любой стукач, пишущий на соседа, был бы избавлен от творческих мук. 'Заплатил — и порядок. Сиди и жди, когда за ним придут и освободится жилплощадь.

Но тем более поразительно, с какой точностью «чернопиаровские» приемы самозарождались в народной среде. Как и в нашей дискуссии.

Столь велика была зачарованность ощущением силы общественного мнения, что сейчас даже трудно вспомнить, как же это мы, люди науки, без сочувствия читали «жалкие», как тогда казалось, оправдания коллег-ученых, своими ногами исходивших весь регион, изучивших и задокументировавших всех животных и насекомых пустыни, заботившихся даже о том, как будут передвигаться степные хищники и кто пойдет им в корм:

«Десятки специализированных коллективов работали, в исследованиях приняли участие ученые из 29 институтов. Научные результаты публиковали, обсуждали со специалистами. Под этими заключениями стоят подписи крупных ученых и экспертов, которые этой проблемой занимались. Против — подписи тех, кто не работал, не изучал, не считал, не видел...»

Поверить невозможно. Как и тому, с каким небрежением относились общественные обвинители ко всем попыткам ученых вывести проблему в режим прямой дискуссии. Ошельмованных мелиораторов на обсуждения не приглашали, а приглашая, не давали выступить; когда давали, потом не печатали.

Судьба ученых в этой ситуации никого не интересовала. Их попросту принесли в жертву. Имели в виду ЦК КПСС, но ругали-то мелиораторов. Занимались отработкой методов пригибания власти — а под пресс-то попали специалисты. Изжогу вызывала партия со всеми ее грандиозными планами, а пострадал очень нужный стране проект, который был совершенно уника-

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

лен, потому что имел не только наработанное и проверенное научное и техническое обоснование, но и всестороннюю критику. Уничтожили и ошельмовали труд тысяч научных работников, которые рассчитали больше десятка вариантов использования всего пяти процентов воды из реки Оби!

Озверение вызывали даже оговорки о необходимости уточнить некоторые параметры проекта. Документы просто сожгли.

Как мэр я много изучал проблему разрушений. Даже ездил за опытом за рубеж. Там это большая наука — книги, кафедры, передовые технологии. Но что характерно: они ломают и ликвидируют то, что не нужно, что выработало свой ресурс и только мешает. Мы же добиваем то, что жизнеспособно, работает и может еще пригодиться. Это какая-то национальная болезнь. Ломать не строить — вот наш девиз. Все силы уходят на разрушение. На созидание не остается сил. Сломать — это пожалуйста! Организация труда идеальная. Энтузиазм полный. Охотников хоть отбавляй. Основная цель — чтобы ничего не осталось.

Пора, мне кажется, переломить эту тенденцию. Пусть даже окажется, что проект невоплотим. В конце концов, чувство элементарной справедливости побуждает еще раз вернуться и рассмотреть хотя бы саму идею, в которой сошлись и романтика, и экономическая выгода, и решение многих, в том числе и геополитических проблем.

Откровение юного географа

Впервые эта идея явилась шестнадцатилетнему мальчику. Было это в 1856 году, причем вовсе не в Центральной Азии, а очень далеко от нее, в славном городе Киеве, столице Малороссии. Подросток учился в местной гимназии и так страстно увлекался географией, что перечитал все книжки, какие были в

городской библиотеке, все географические журналы, которые мог выписать и достать.

И вот в седьмом классе при подготовке конкурсного сочинения «О климате России» Яков Демченко, так звали хлопца, испытал, как он позже признавался, некое сильное переживание. Он словно увидел замысел самой природы. Его умственному взору предстала невысокая возвышенность, идущая вдоль Западной Сибири, — водораздел, севернее которого сосредоточено грандиозное количество воды, а на юг идет постепенное понижение, куда эта вода могла бы течь самотеком, практически без подкачки. «Говорят, — обосновывал свою идею гимназист, — что Россия занимает 1/6 часть света, а того не принимают в соображение, что в северной ее половине бывает урожай только на снег, а в южной и того не бывает».

Что это было не случайное следствие детских увлечений, какие потом проходят, а именно «виденье, непостижимое уму», — об этом свидетельствуют как минимум два обстоятельства. Во-первых, тот факт, что эта идея не отпускала его потом в течение всей жизни.

А второе обстоятельство еще более удивительно: идея Я. Г. Демченко дожила до наших дней, по сути никак не изменившись. Сегодня, пройдя через горнила научных изысканий и всесторонней критики, она осталась в принципе той же, что была высказана в школьном сочинении за седьмой класс.

В конце 1868 года молодой энтузиаст подает в Географическое общество проектное предложение, которое вынашивал пять лет: «О применении, которое в будущем можно будет сделать Арало-Каспийской низменности». Такое заглавие он дал, «чтобы прикрыть на первое время содержание, которое могло показаться слишком курьезным». Проект отдали на рецензию. Началась волокита: ученые и тогда относились с недоверием к тому, что идет не из их круга. Демченко уже стал жалеть, что сунулся с незре-

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

лым проектом. Но тут узнал, что знаменитый француз Фердинанд де Лессепс, завершивший к тому времени строительство Суэцкого канала, задумал «обводнить Сахару каналом из Красного моря», и с радостью возобновил свои усилия. Он написал брошюру, выдержавшую два издания. Он обращался к хивинскому хану и бухарскому эмиру, побуждая их писать обращения к русскому царю. Он искал союзников, доказывал, уговаривал, обольщал богатых людей, способных субсидировать реализацию проекта.

Но тут в этой истории мы наблюдаем как бы встречный сюжет, столь же, по сути, необъяснимый. На фоне всех грандиозных российских свершений ни до революции, ни после так и не удалось преодолеть какой-то словно бы наговор, уничтожавший все начинания. Яков Григорьевич умер в 1912 году, так и не встретив за свою жизнь ничего, кроме насмешек и издевательств («Демченко готов сочинить потоп Европы и Азии» — вот, пожалуй, самая мягкая из оценок). Но идея жила и вербовала энтузиастов. Даже в Гражданскую войну в район сибирского водораздела ездили экспедиции для изучения вопроса. Лишь в 30-е годы внимание водников было отвлечено грандиозными стройками Московско-Волжского и Беломорканала. Зато популярность идеи «сибирского моря» резко возросла во время войны: эвакуированные в Центральную Азию представители творческой и научной интеллигенции успевали, что называется, прикипеть душой к этим землям.

Реальные работы по строительству канала начались в 1950 году. Однако в 1951-м были приостановлены.

Затем стройка возобновляется в 1958 году, но продолжается лишь до 1962-го. Потом еще один цикл: начало — в 1971 году, прекращение — в 1973-м.

И вот наконец с 1978-го круто взяли за дело. Тысячи специалистов провели колоссальную работу, рассчитав 17 вариантов использования избыточных и паводковых вод Оби и Енисея для

орошения земель Казахстана, Узбекистана, Туркмении, а также Тюменской, Курганской, Челябинской, Оренбургской областей. Началась реальная работа... А дальше вы уже все знаете.

Так что теперь мы вернулись в ту нулевую точку, с которой начинал киевский мальчик, и должны заново рассмотреть идею практически в том виде, как она была изложена в его гимназическом сочинении:

«...В недалеком расстоянии от Аральского и Каспийского морей, в Сибири, находится речная область Оби, в два раза более обширная, чем область Волги, и могущая массой своей напитать два Каспийских моря. Область эта представляет местность почти одинаково открытую как к Ледовитому морю, на север, так и к Аральскому, на юг, и только вследствие самого незначительного склона в первом направлении реки ее, вытекающие с Запада, из Уральских гор, поворачивают затем на север, а не на юг. Достаточно было бы небольшой преграды со стороны Ледовитого моря или небольшой ложбины со стороны Аральского, и реки Западной Сибири первоначальное свое восточно-западное направление изменяли бы не в северное, как теперь, а в южное и своими обильнейшими водами не питали бы напрасно холодных тундр Северной Сибири, не опресняли бы во вред Ледовитого моря, более вследствие этого подверженного замерзанию, а оплодотворяли бы теплые и обширные страны, окружающие Каспийское и Аральское моря».

Все это сегодня досконально проверено и подтверждено. Геологи, географы, картографы, почвоведы, гидрологи, экологи занимались этим многие годы. Они исследовали огромные просторы Сибири и Центральной Азии. Они выяснили, что на севере водные ресурсы в 50 раз превосходят возможное собственное потребление, тогда как степи Казахстана, Алтая, сибирского юга удовлетворительно увлажняются в среднем лишь раз в десятилетие, а в остальные годы население только и молит: «воды, воды!».

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

Еще они просчитали, что для удовлетворения потребностей в воде здесь достаточно было бы 5—7 % среднегодового сброса Оби в Северный Ледовитый океан. Они проложили на картах несколько вариантов маршрутов водоводов с учетом ландшафта и прогнозируемой продуктивности прилегающих земель. Они нашли, что воду удобнее всего забирать из Оби в районе Ханты-Мансийска, затем водовод идет в республики Центральной Азии и впадает в Амударью. Еще они решили, что оптимальным вариантом водовода — по крайней мере, на тот период — мог бы быть канал, несмотря на фильтрации и испарения (протяженность — 2250 км, глубина — 16 м, ширина — 200 м). Объем водозабора — не более 27,2 куб. км в год.

Наконец, они гарантировали, что с использованием этой воды окажется возможным орошать 4,5 млн га земель. При этом вложенные деньги окупятся не только за счет роста сельскохозяйственного производства, но и за счет косвенных системных социально-экономических последствий.

А вырученные деньги можно направить на развитие Сибири — как на улучшение экологической обстановки, так и на прямые бюджетные нужды. Чтобы население не вымирало.

Такая вот простенькая идея.

Разумеется, речь не о том, будто можно просто разыскать старый проект и пустить в реализацию. Возвращение если возможно, то лишь при учете новых реалий — политических, экономических, экологических и технических. И все же при всех оговорках вряд ли можно предположить, чтобы такая мощная проработка, какая была проделана в течение 15 лет крупнейшими специалистами, была абсолютно непрофессиональной и должна быть вовсе утраченной вместо того, чтобы послужить фундаментом для новых проработок. Это не по-хозяйски.

Уточняю и резюмирую: меньше всего автор хотел бы выносить окончательный вердикт. Совсем не считаю себя компетентным. Лишь призываю спокойно, без эмоций, с учетом современных геополитических и экономических условий и технологий решить наконец вопрос о реальности — или доказать невозможность — идеи.

Старый проект в новой ситуации

Но, спросит читатель, что нам до этой идеи, если за прошедшие годы кардинально изменилась вся ситуация южнее сибирского водораздела? Одно дело, когда это была наша территория, родные республики. И совершенно другое, когда — не будем обсуждать по чьей вине — это чужие страны, все активнее поглядывающие в сторону США.

Узбекистан проводит политику полного отказа от какого-либо значимого сотрудничества с Россией. На его территории располагается самая крупная группировка американских войск в Центральной Азии. Несмотря на то что Россия является крупнейшим импортером узбекского сырья, российский бизнес представлен в республике очень слабо.

Казахстан продолжает оставаться основным политическим и экономическим партнером России в регионе.

Киргизия и Таджикистан связаны с Россией договором о коллективной безопасности. Единственной силой, поддерживающей единство разоренного гражданской войной Таджикистана, по-прежнему остаются российская 201-я дивизия и пограничники. Однако руководство этих стран также усилило поиск других внешнеполитических центров, призванных стать их экономическими партнерами.

Что касается Туркменистана, то в последнее время свои надежды Ашхабад связывает со строительством газопровода через

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

подконтрольный США Афганистан в Пакистан и Индию. Так при чем тут мы?

Отвечаю. Именно при том, что Россия не может безучастно относиться к проблемам бывших южных республик. Даже если мы опустим душевные эмоции, поскольку нынче это немодно, придется признать, что их проблемы больно ударят по бывшему «старшему брату».

Дело в том, что сколь бы экономично ни расходовали они свою воду (применяя, например, капельное и трубное орошение), в силу прогнозируемого глобального потепления водные запасы этих стран, практически исчерпанные, будут и дальше уменьшаться. По оценкам специалистов ООН, ресурсы пресной воды в этом регионе сократятся в результате потепления климата минимум на 20 %.

А в это время высокий прирост населения и трудовых ресурсов во всех странах Центральной Азии будет требовать расширения общественного производства и освоения новых земель. Для нормального существования требуется не менее 0,3 га орошаемой земли на живую душу, тогда как в настоящее время имеется в среднем только 0,17 га. А между тем, если сейчас в центральноазиатских республиках (кроме Казахстана) проживают более 40 миллионов человек, то, по прогнозам демографов, к 2020 году их будет 60 миллионов, а в 2050-м — 100 миллионов. Вот и считайте.

Одним словом, в центральноазиатских странах налицо кричащая диспропорция между высочайшим приростом населения и низким, все падающим, уровнем эффективности общественного производства, между возрастающими потребностями и реальными возможностями их удовлетворения. Лишь Казахстан находится в лучшем положении. Но и его проблемы, хотя и разрешимы, по силам только процветающему государству. А процветания без решения этих задач может и не наступить.

В нищающих из-за нехватки пресной воды странах следует ожидать развития напряженности, агрессивности, терроризма, фундаментализма и подобных настроений.

И это лишь часть проблем. Уже теперь обнажившееся дно умирающего Арала площадью 40—50 тыс. кв. м разносит сотни тысяч тонн песка и вреднейших минеральных солей, которые достают Оренбург, Орск, Волгоград, Саратов, южные территории Уральского региона. Представьте себе, какие последствия ожидают Россию вследствие быстрого опустынивания плодородных земель Центральной Азии в результате полной гибели Арала. Последние два года регион существует в условиях природно-техногенной катастрофы. Уже 150 тысяч человек переселено из Каракалпакии, теперь там невозможно жить. Добавьте к этому неизбежное, из-за снижения платежеспособного спроса, сворачивание южного направления экономических связей, резкое снижение экспорта российских товаров и импорта из Центральной Азии: хлопка, редких металлов, урана, сельскохозяйственной продукции, углеводородного сырья и других стратегических товаров.

Глядя на все это, невольно думаешь: а может, радетелям за чистоту экологии надо было бояться не «поворота рек», а наоборот, отказа от этой идеи?

Ведь по проекту 1986 года сюда уже должна была прийти вода из Сибири.

Разве не лучше было бы для России, если бы с южными ветрами в Западную Сибирь и на Южный Урал приходили не пыль и соль, а испарения с зеркала Аральского моря?

Еще одна проблема — громаднейший миграционный поток, беженцы из экологически и социально неблагополучных азиатских регионов. Трудно себе представить, как Россия будет с этим справляться. А уж если в результате экономической разрухи, нищеты и внутривосточной напряженности центральноазиатские страны станут добычей исламского радикализма и экстр-

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

ремизма, не хочется даже думать, как все это может хлынуть и на российские просторы, где проживают миллионы мусульман — граждан России.

Прибавьте сюда стойкое военное партнерство и экономическое присутствие США и западных стран, которые будут всеми доступными средствами занимать одну позицию за другой в этом стратегически важном регионе, и вы убедитесь в верности древнего правила: «если тот, кто сидит в верховьях реки, не дает воды тем, кто внизу, то последние могут с оружием в руках отстаивать свои права на воду».

Чтобы избежать всего этого, придется радикальным способом перестроить всю свою восточную экономическую политику. То есть не только преобразовать ко всеобщей выгоде хозяйственную инфраструктуру своих земель Сибирского и Центральноазиатского регионов, но и выйти на новые рубежи в глобальном партнерстве в Центральной Азии. Если не найдем партнерских взаимовыгодных решений, нам придется решать другую группу проблем — защиты от внешних силовых посягательств.

В любом случае обладание 24 % мировых ресурсов пресной воды потребует колоссальных политических и организационных усилий, чтобы защитить свое право спускать избыточные воды в Северный Ледовитый океан.

Как это сделать

Разумеется, все перечисленное вовсе не означает, будто надо требовать от России благотворительных жертв в ущерб интересам своего народа. Но есть возможность выгодно продать то, чем мы сами воспользоваться не можем. Имею в виду: продавать платежеспособным покупателям избыточные воды, сбрасываемые сейчас в океан.

Если так поставить вопрос, то есть перевести его из сферы эмоций в плоскость четкой экономики, то проект обретает наконец твердую коммерческую основу. Россия может получить немалую выгоду — причем при прямом материальном участии южных соседей. А вырученные деньги направить на развитие Сибири. Если бы проект оказался состоятельным, сибиряки получали бы ежегодно на поддержание региона миллионы долларов.

Скажем, на Кипре кубометр поливной воды стоит доллар. В Центральной Азии возможности экономически пока существенно слабее, но центов на 20—30 рассчитывать можно. А себестоимость доставки этого кубометра по предполагаемому каналу — с учетом и капитальных, и эксплуатационных затрат — около 10 центов. И это не нефть и не газ, запасы которых ограничены. Это ежегодно возобновляемый, считай, неиссякаемый ресурс. Притом надо учесть, что потребности в воде (как и цены) растут и будут расти дальше.

Другое дело, что у нас нет еще никакого опыта торговли водой. Так же, как нет еще ответа на вопрос: как в условиях рыночных отношений осуществлять такие проекты. Вот почти уже двадцать лет мы лишены нового опыта объединения вокруг общезначимого дела — будь то строительство дорог или борьба с бедностью. Если что и объявлялось, то мгновенно обюрокрачивалось и затухало. Нет больше того энтузиазма, который поднимал людей, нет авторитета государства, который позволял включать рычаги внеэкономического воздействия, нет, слава богу, партийного давления, квазиидеологии, репрессивного аппарата, который приводил в действие эти рычаги. Как без всего этого делать то, что делали наши отцы и деды, — объединять страну вокруг больших проектов и программ, обращать частный интерес в общее дело, — вопросы решаемые, но новые.

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

Приходится признать, что инженерное и техническое обеспечение идеи «поворота» не является сейчас самой актуальной проблемой. Во-первых (повторим), многое наработано и требует лишь привязки к изменившимся реалиям. А во-вторых (тоже повторим), накоплено достаточно научного потенциала и опыта, чтобы мы могли с этим успешно справиться. Были бы решены все остальные проблемы — политические, финансовые, организационные и самое главное — идеологические, мировоззренческие и даже психологические. Здесь корень.

Тут нужны качества истинных политиков. Те качества, которые, по словам философа Макса Вебера, «являются для политика решающими. Страсть — в смысле ориентации на существо дела. Во-вторых, чувство ответственности. И глазомер».

На состоявшейся в Бишкеке конференции ЮНЕСКО «Евразия в XXI веке, диалог культур и конфликт цивилизаций» главы среднеазиатских государств с интересом отнеслись к проекту. Президент Киргизии Аскар Акаев, например, поддержал идею межгосударственного консорциума. Это интересное предложение. Что в нем особенно интересно — речь не идет о создании очередной естественной монополии, которая держала бы за горло страны-участницы ради получения прибыли. Прибыль те получают сами. А консорциуму лишь платят за работу, чтобы компенсировать его расходы. Сообщество стран-участниц проекта в этом случае строится на основе членства: государства и частные компании участвуют в нем не просто деньгами (скорее всего — занятыми у Всемирного банка), но и административно — через посты в международном консорциуме.

Могут быть найдены и другие организационные формы. Главное — что экономическим стержнем совместного проекта становится не просто купля-продажа воды, а развитие производственных сил и ведение прибыльной хозяйственной деятельности за счет активного водохозяйственного обустройства региона.

Как говорится, почувствуйте разницу. Мы, все вместе, не просто торгуем водой, но заботимся о развитии сельскохозяйственного производства и промышленности в регионе, об освоении полезных ископаемых, обустройстве лесозащитных полос, перевозке грузов по параллельной каналу автотрассе «Север-Юг», о развитии электроэнергетики и так далее.

По существу, речь идет о создании «в складчину» корпорации по системному социально-экономическому развитию гигантской территории (включающей как юг России, так и республики Центральной Азии) за счет рационального использования объединенных ресурсов.

Осуществление такого проекта могло бы стать точкой, объединяющей интересы всех партнеров на евразийском пространстве, позволило бы создать мощный экономический мост между Россией и республиками Центральной Азии, а в перспективе — со странами Персидского залива.

Так что поворачивать надо пока не реки, а мозги — если мы начнем хотя бы обсуждать проблему орошения среднеазиатских земель и показывать свою заинтересованность, то как минимум вызовем ответную заинтересованность, а как максимум — создадим прецедент «другой глобализации», построенной не на конфронтации, а на взаимопомощи и обустройстве мира для всех.

Другая глобализация

Сегодня существуют в принципе два сценария глобализации. Первый — господство мощных транснациональных корпораций, исповедующих принципы глобального социального дарвинизма. Этот способ приводит к росту эффективности и доходов, но вызывает протесты, ибо закрепляет приоритет развитых наций в конкуренции за глобальные ресурсы. А несправедливость, как

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

известно, вызывает оппозицию и является питательной средой для терроризма и межгосударственных конфликтов, в том числе и силовых. В этом мы убеждаемся каждый день, когда раскрываем газеты.

Но есть, хотя и редкие, примеры другой глобализации, построенной на равных, партнерских отношениях и концепции совместных дел. Классический пример — созданное более 50 лет назад Европейское объединение угля и стали. Тогда страны Европы, по существу, стали рассматривать уголь и железную руду как общий ресурс, которым следует распорядиться так, чтобы получить максимальную сумму благ для объединения в целом. Эффект от такого подхода оказался столь мощным, что сыграл важную роль в нейтрализации национальных сепаратистов, но мы сейчас не об этом. А о том, что, встав на такую конструктивную позицию, государства переходят к новому, нестандартному пока политическому мышлению при решении национальных задач.

Сегодня никто из серьезных политиков не ставит вопроса о том, чтобы заморозить или повернуть вспять глобализационные процессы. Но их можно сделать более справедливыми, благоразумными, более, если хотите, регулируемыми. Глобализация — не просто «Макдоналдсы» или финансовый рынок. Глобализация есть признак надвигающегося нового, неизвестного пока миропорядка, по отношению к которому Запад находится примерно в том же положении, что и Восток. Ни там, ни тут нет универсалистской идеи. Есть лишь эгоизм участников мирового рынка и претензии на обладание истиной, растущие в зависимости от денежной и военной силы.

Сегодня Америка с полным правом претендует на лидерство в глобальном мире. Но истинное лидерство берется не силой, а признанием. Оно за тем, кто придет к универсалистской идее, к новой морали — не на противостоянии, не на

высасывании, не на выбрасывании тех, кто вне стратегических интересов.

У всех на памяти (мне об этом говорили многие американцы) слова нашего президента В. В. Путина накануне иракской войны: «Это ошибка». А почему, спрашивается. Не потому ведь, что кто-то не верил в мощь и военную силу супердержавы. Нет, конечно. А потому что, решая таким образом свою ближнюю геополитическую задачу, Америка фактически отказывалась от той роли, какая уготована была ей самой историей на данном этапе, — роли лидера глобального мирового сообщества. Говоря словами библейской притчи, она меняла первородство на чечевичную похлебку, образ справедливого демократического государства — на образ колониальной державы. И эта ошибка была не случайной, а следствием тех старых ценностных ориентиров, что были заложены еще в XVIII веке: утилитаризм, эгоизм, деньги как высшая ценность. Но такая система ценностей не может претендовать на всеобщее признание. Элементарный инстинкт не позволит человечеству признать в качестве мирового лидера страну, понуждающую принять ее условия подкупом и бомбежками.

Мы запаздываем в проблемном видении. Мир уже живет, так сказать, в будущем, а соответствующей мировой экономике идеологии нет. Все общественные институты, вся политика, нравственно-этические нормы, все установки — из прошлого. Больше, лучше, масштабнее, но в основе все равно фордовский конвейер, попытка современным оружием отстоять миропорядок, в ценностном смысле исчерпанный и морально устаревший.

Можно как угодно возмущаться теми молодыми людьми, которые активно выступают против американского варианта глобализма, противопоставляя ему иной, основанный на общении, взаимотерпимости, новом аскетизме. Но нельзя отрицать, что по отношению к новой эпохе «социально-дарвинистская» система

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

ценностей выступает как устаревшая и консервативная. Тот мир, который несет с собой глобализация, еще не прояснен как система. Неизвестно, какая управленческая технология, какая этика, какие ценности там будут царить. Но если — как чувствуют эти молодые люди — новый мир будет основан не на силе, богатстве, примате денег и безудержном потребительстве, а на других ценностях, то и мы должны играть на другом поле.

У нас нет еще новой этики, некоей «абсолютной морали», с нормами которой согласились бы все. Есть зачатки того, что, употребляя слова Достоевского, можно назвать «всемирной отзывчивостью».

Абсолютная мораль — это такое понимание проблемы другого, когда все идеологические, расовые и прочие членения отступают. Это готовность прийти на помощь любой стране независимо от степени либеральности ее законов или согласия размещать на своей территории чужие военные базы. Это такое отношение к ближнему, когда «ближний» на нынешней объединенной планете — весь мир. Любая страна, какой бы ориентации ни придерживалась, должна вызывать у нас одинаковое желание разделить ее проблемы как свои собственные. Не знаю, какую еще катастрофу должно пережить человечество, чтобы нечто подобное стало этическим постулатом, принятым всеми. Но если мы не найдем нового человеческого ответа на вызов глобализации, мировой бойни не избежать.

Все эти тезисы не новы. Но обычно критики глобализации заканчивают именно критикой, протестами, демонстрациями. Мы не видим пока практических примеров альтернативной глобализации — где она, как она возможна. Если хотим достичь успеха, то должны показывать все это на практике. Альтернативная глобализация — не дело теории, которая в нынешних информационных условиях мгновенно забывается заказной демагогией. Это дело практики, реальных решений.

Так вот, возвращаясь к проекту, о котором идет речь, можно сказать: его политическая перспективность именно в том, что он безусловно следует логике второй модели. Если, как было сказано, стержнем проекта станет не просто торговля водой, а развитие хозяйственной деятельности в регионе, создание «в складчину» условий для системного социально-экономического развития за счет активного водопотребления, то, встав на эту позицию, мы перешли бы к новому, нестандартному пока глобалистскому подходу к решению национальных проблем — что хорошо для ближнего, то хорошо и для нас.

Реализация такого проекта (если бы, повторяю, с ним согласились все стороны) с неизбежностью потянет за собой и другие проекты: транспортный, топливно-энергетический, строительный, туристический и так далее.

Немного личного

Кто не ездил верхом по казахской степи, не встречал восход в киргизских горах, не пил чай с узбекскими стариками, не купал народной таджикской керамики, не чувствовал древности этой земли на туркменских раскопках — короче, кто не бывал в Центральной Азии, тот не поймет внутреннего пафоса этого текста. После распада советской империи среднеазиатский регион как бы закрывается от нас, о нем мало что слышно. Редкие, с налетом иронии телерепортажи о политическом устройстве да смуглолицые работяги на улицах в поисках работы — вот, пожалуй, и вся информация.

Объявляя себя частью Европы — что в принципе правильно, — мы слишком легко теряем связь с Центральной Азией, что не только неправильно, но просто недопустимо. Россий-

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

ский орел смотрит в обе стороны. И если где встречает ответный доброжелательный взгляд, так именно в этих республиках.

Я много бывал в Центральной Азии, работал там, строил химическое производство. И вот что скажу: такого уровня доброжелательства, притягивания русских не видел нигде. Россия пользуется тут большим уважением, в сознании здешних народов мы никогда не были ни захватчиками, ни порабощателями. Русская культура, наука, образование, промышленность — все, что принесла сюда Российская империя, было сделано с уважением к местным культурам. У нас в этих странах, как теперь говорят, положительный имидж. А это, государи мои, дорогого стоит.

Терять связи с Центральной Азией не просто недалековидно, но и опасно. Регион будет еще набирать силу. Потенциал его огромен, а законсервированность обманчива. Народы Центральной Азии легко приобщаются к достижениям цивилизации, но не спешат преклоняться или вступать в споры с Западом. Такие споры не их масштаба. У них слишком глубокие корни, слишком велика историческая устойчивость, чтобы реагировать на преходящие моды прогресса. Они просто ждут своего часа. И то, как спокойно они его ждут, лишний раз доказывает недалековидность однобокого западничества.

У народов Центральной Азии есть все — тепло, богатые недра, рабочие руки. Единственное, чего им не хватает, — воды. И другом будет тот, кто принесет ее сюда. Если бы мы смогли продавать им воду, это был бы просто подарок. Мы получили бы в этих странах союзников на вечные времена. До тех пор, пока в России текут полноводные реки, наши отношения будут дружескими и позитивными.

Центральная Азия — особая территория. Там начинаешь чувствовать истинное время земли над суетой прогресса.

Юрий ЛУЖКОВ. ТАЙНА ГОСТИНОГО ДВОРА

Там, в степи, ощущаешь мир под куполом неба и в принципе таким же целостным и глобально единым, как видят его космонавты.

Там царит мудрый и спокойный созерцательный настрой, чувство покоя и правильности мироустройства, которое в московской деловой суете приходит лишь изредка, в минуты особые — по выходным, на пасеке, среди пчел. Редко, но приходит.

«Московский комсомолец», октябрь 2004 г.

Посторонние?!

Не кормите детей чужой духовной пищей

Я нередко общаюсь с Александром Минкиным, известным всей стране публицистом. Год за годом он остро, аргументированно и талантливо клеймит безнравственность современного телевидения, реализуя тем самым свое право на свободу слова.

Но в ответ и власть, и телевизионные генералы пользуются своим правом на свободу слуха, и все остается по-прежнему. Недавно Минкин излил на меня целый океан возмущения по поводу позиции одного господина из известного журнала — последовательного поборника растления молодежи и наркопропаганды. Просвещенный цинизм этого господина, хамское обращение к коллеге по перу, использование в дискуссии методов психологического шока вызывают большую тревогу за издание, мнящее себя демократическим. И я определенно поддерживаю Александра Минкина, но сейчас — о другом. Когда видишь, как некто витийствует в пользу наркотиков, как другой некто поставил на широкую ногу детскую порнографию, а третий несет юношеству благую весть о «голубой культуре», и все они вместе преуспевают, — тогда бессмысленно заниматься морализаторством. Нужен рациональный государственный подход.

Бизнес на человеческих пороках так же вечен, как вечны они сами. Современная эпоха отличается лишь масштабами этого бизнеса. На потребителях определенного рода услуг наживаются миллиардные состояния. Для развернутой инфраструктуры требуются тысячи и миллионы новых клиентов. Оптимальный вариант — готовить «кадры» с детства. Именно это гарантирует

устойчивую и все возрастающую прибыль наркобаронам, держателям разнообразных притонов, производителям подпольного видео, капитанам индустрии голубых развлечений. Война за детей идет давно. Начинается она у пивного ларька, у игрового автомата. Ее главной ареной являются средства массовой информации.

Именно через них, особенно через телевидение, формируется представление о мире, полном развлечений, удовольствий. Конечно, война идет не только в СМИ, но и в так называемых «ночных клубах», которые, по-моему, и создаются в основном для того, чтобы «впаривать» детям наркотики. И войну эту государство проигрывает.

Нынешние социальные условия благоприятствуют тем, кто делает деньги на пороках. Общество, люди довольно индифферентно относятся к тому, что происходит вокруг. Психологи говорят, что у большинства обычных людей мораль ориентирована на окружающую социальную норму, а не на безусловное сочувствие другому человеку. Для многих сам факт показа по ТВ актов насилия, извращений и тому подобного означает допустимость собственных подавляемых устремлений. К сожалению, в нашей стране оглядка на большинство традиционно заменяла совесть. Сейчас, когда былые рамки почти тотального контроля над поведением рассыпались в прах, обыватель бессознательно распределяет роль морального авторитета между государством и церковью, бандитами и СМИ.

В результате массовой ротации в 80—90-е годы правящего слоя, так называемой элиты, в общественном сознании «поплыло» представление о норме, о нормальном образе жизни, о нормальном поведении. Я не стал бы преувеличивать эффективность элиты старой, советской, ведь именно она оказалась неспособной удержать страну от развала. Но элита новая в своем абсолютном большинстве даже не понимает, что обязана — и

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

своими поступками, и своей повседневностью — задавать ориентиры, указывать норму. Более того, нынешний правящий слой зачастую и сам является средоточием аномалий и обыкновенной дикости.

Наиболее ярко, на мой взгляд, это проявляется в повсеместном присутствии культуры блатного мира. На государственном телевидении и на главных площадках страны устраиваются концерты блатной музыки. «Зона» подчинила своему влиянию кинематографию и телевидение. Государство финансирует сериалы, в которых героизируются современные российские гангстеры. Я хорошо понимаю, как тяжела задача социализации тысяч и тысяч людей, ставших в 90-е годы бандитами. Но вряд ли создатели пресловутой «Бригады» преследовали эту благую цель.

Рассуждая о влиянии средств массовой информации на детей, следует все время помнить, что собой представляет современная российская элита. Какая элита, такие и СМИ. (Иной читатель поправит: СМИ отражают состояние общества в целом. Нет. Здесь, как и в реальной рыночной экономике, покупают именно то, что продают. Как говорят, приучи публику к наркотикам, будут требовать наркотиков).

Поэтому проблема не в СМИ как таковых. Проблема в исторической неразборчивости нашей элиты. Когда Россия расставалась с коммунистическим прошлым, единственной достойной альтернативой ему виделся либерализм современного западного образца, то есть либерализм на этапе кризиса (кто-то даже сказал бы «загнивания»). Давным-давно, в эпоху Просвещения, либеральные ценности оказали благотворное воздействие на развитие цивилизации. Именно тогда эти ценности были нужны человечеству как воздух.

Но шли века, идеи обретали новый смысл. Когда-то считалось, что некоторые отклонения от общепринятых норм как минимум извинительны, что и представителям меньшинств долж-

ны быть предоставлены равные права с другими людьми. Но теперь, в эпоху кризиса, деградации либеральных основ общественной жизни, отклонения и патологии стали навязываться обществу. Простой пример. Когда-то подлинным гуманизмом было внедрение в общественное сознание представления о гомосексуализме как болезни. Во что трансформировалось оно теперь? В пропаганду этого образа жизни, в обыденность творческих поисков на тему о смене пола. Теперь все это — норма. Сплошь и рядом на нашем телеэкране передачи, особенно музыкальные, в которых геи выглядят предпочтительнее.

Нечто подобное происходит и на «рынке идей». Говорят, что должна быть свободная конкуренция. Дескать, нельзя человека лишать права выбора! Вот вы, например, обращаетесь к людям со своим традиционным христианством. А мы — с сатанизмом. Люди сами разберутся, что им ближе. Думаю, что любому нормальному и незаинтересованному человеку ясно, что никакой конкуренцией здесь и не пахнет. Если запустить пираний в плавательный бассейн, кто с ними сможет конкурировать?

И проблема распространения наркотиков, и проблема допустимости проституции также подаются как проблемы свободного выбора.

Но, господа, свободный выбор начинается тогда, когда сформированы внутренние структуры человеческой психики, и там, где эти структуры наполнены представлениями — это «хорошо», это «плохо», это «мое», это «чужое». Даже когда речь заходит о вполне взрослых и адекватных людях, не всегда можно рассчитывать на свободный, то есть осознанный рациональный выбор. Что же касается детей и подростков, то они просто не в состоянии измерить то, что предлагают им взрослые.

Говорят, что после 13—14 лет человека нельзя изменить. Это не так. До 22—25 лет человеческая личность продолжает формироваться. До этого времени она податлива к воздействиям из-

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

вне, она прогибается под ними. Психологи называют это интериоризацией норм, внешних по отношению к человеку. Ребенок, подросток усваивает принципы и правила социальной деятельности, формируется внутренняя структура его психики. Происходит социализация. И здесь очень важно, какие нормы ребенку прививаются. Если ему постоянно показывать, как правильны (добры, симпатичны, сильны) наркоман, гомосексуалист или проститутка, он и воспримет это как установку.

Общества, более искушенные, чем наше, давно уже взяли под контроль каналы, через которые осуществляется интериоризация. Эти процессы в нормальном обществе всегда регулируются, иначе погибнут и общество, и государство. Если вы не хотите кормить детей вашей духовной пищей, они будут кормиться чужой и станут чужими.

Я обещал не впадать в морализаторство. Поэтому предлагаю читателю поразмышлять, что будет с Россией, когда и если разнообразные меньшинства станут в ней большинством. Посмотрите, сколько сегодня на наших улицах чужих людей — не иностранцев, нет, чужих по жизненным ценностям, выпавших из общества, отключившихся от него. Мы можем потерять целое поколение, которое надо было социализировать с начала 90-х годов. Но у нас еще есть 10—12 лет. Мы еще сможем вернуть многих из них, вернуть в нашу жизнь. Когда им будет 25, будет поздно.

Мы — государство и общество — должны оградить российских детей от безусловно вредоносных факторов — от наркотиков, от сект, от экстремистских течений различного толка. Здесь — невзирая ни на какую демагогию заинтересованных «адвокатов» — должны быть установлены прочные заслоны.

В некоторых государствах сегодня принимается антитеррористическое законодательство. И под терроризмом понимается не только совершение терактов, но и подстрекательство к ним. Ни

в одной цивилизованной стране свобода слова не распространяется на тех людей, которые призывают к насилию, к войне. И никто с этим не спорит, потому что насилие влечет за собой гибель людей. Если человек призывает к войне всех со всеми, очевидно, что он работает на торговцев оружием. Убежден, что на тех людей, которые объясняют молодежи, что наркотики это хорошо, это нормально, — на них закон о СМИ не должен распространяться. За либерализацией оборота наркотиков последует не только гибель людей, но и тяжелейшие генетические трансформации. Это страшнее, чем прямое убийство. Люди, публично ратующие за свободу употребления наркотиков, — прямые соучастники наркоторговли. Надо наконец создать прецедент применения статьи УК о побуждении к употреблению наркотиков. Конечно, в СМИ поднимется вой. Но страна нам дороже.

Я обращаюсь к прагматизму тех политиков, которые, читая эти строки, иронически усмеваются, искренне полагая, что моральные ограничения для политика — сущие вериги. Хочу напомнить им, что не они первые сбрасывают мораль с корабля Истории. Хочу напомнить таким «лоцманам», что очень многие их избиратели имеют или собираются иметь детей. И в массе своей наши люди все-таки не дебилы, они способны отличить добро от зла, реальное дело от пустопорожней болтовни перед телекамерами.

Российское государство должно приступить к систематическому уничтожению разветвленной и многоликой инфраструктуры наркобизнеса. У нас в Москве мы намерены всерьез взяться за ночные клубы. Поймаем кого-то с наркотиками в этом клубе — закроем заведение.

Я прекрасно понимаю, что эта проблема не может решаться только силами недавно созданного Комитета по контролю за оборотом наркотиков — одной хирургии недостаточно. Ведь наркотики заполняют пустоту жизни. Для молодого человека скучное,

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

серое существование невыносимо. Ему надо помочь найти что-то яркое, интересное, что поднимало бы его в глазах сверстников. Вот, например, в Москве работают сотни фитнес-клубов. Тот, кто их посещает, уж точно не будет колотиться и пить водку. Иначе не добьешься красивой фигуры. Но за фитнес-клубами закрепились репутация заведений для богатых. Надо найти способ, чтобы их могла посещать и обычная молодежь, и подростки. Ведь для парня или девчонки красивая фигура — это такой стимул!..

Борьба за здоровье нации, за здоровье наших детей невозможна без поддержки СМИ. Недопустимо, чтобы российские СМИ вели «дружественный огонь» по своим. Думаю, что было бы полезно разработать такую государственную программу, которая бы стимулировала деятельность СМИ, направленную на укрепление здравоохранения. Что же касается тех, кто все-таки предпочитает соучаствовать в бизнесе на пороках, им придется рано или поздно расстаться с заветной лицензией.

Уверен, что при умной государственной политике многие задачи можно решить силами самих журналистов. После «Норд-Оста» здоровая часть журналистского сообщества проявила инициативу и разработала кодекс поведения при освещении террористического акта. Этот опыт надо бы распространить и на проблемы наркомании. Почему бы этим не заняться такой авторитетной организации, как Академия телевидения?

Она могла бы взять на себя и выявление тех телепрограмм, которые не следует смотреть детям. Если академия решит, что вот эта передача должна сопровождаться постоянным значком «Не рекомендовано детям до 14 лет», то выводы придется делать всем — и родителям, и авторам, и руководителям телекомпаний, и чиновникам.

Еще одно благое дело, которое могли бы курировать профессиональные организации журналистов, — создание на всех факультетах журналистики кафедр гигиены восприятия. Препода-

вать там должны психологи и врачи. И тогда наши внуки будут гарантированы от омерзительных шоу, заполняющих эфир.

Быть может, соблюдение правил гигиены восприятия поможет нашим детям научиться культуре взаимодействия в обществе. Сегодня юные россияне делятся на два класса — на тех, кто сможет жить в формирующемся обществе, и тех, кто не сможет, не впишется, утонет в очередной субкультурной химере. Такое классовое деление, конечно, связано с материальным положением семей, но им целиком не определяется. Самое трудное — найти алгоритмы отношений, которые позволят каждому члену общества, в том числе тем, кто только балансирует на грани, вписаться в жизнь, не свалиться на ее обочине. Эти алгоритмы суть социальное партнерство, когда успешная часть общества умудряется отводить от опасной черты бедняков и неудачников, не насилуя их волю и не оскорбляя подаванием.

...Два с половиной столетия назад Михаил Ломоносов, обращаясь к фавориту императрицы Елизаветы графу Шувалову, провозгласил: «Величество, могущество и богатство всего государства состоит в сохранении и размножении российского народа, а не в обширности, тщетной без обитателей». При всей разности эпох некоторые изъяны тогдашней жизни очень напоминают сегодняшние: и пьянство беспробудное, и родственные браки, и небрежение здоровьем младенцев, и прямое «детское душегубство». Не знаю, была бы сегодня Россия, если бы журналисты тогдашних «курантов» представляли все это как неотъемлемое право россиян...

«Российская газета», май 2003 г.

Агро-импотенция

Исключали меня из комсомола целый год. Всем уже надоело. Друзья заключали пари, преподаватели не знали, как относиться к студенту, фотография которого красуется на «Доске отличников», а из ЦК партии идут звонки с требованием — исключить! Кажется, единственным, кого все это не волновало, был я сам. Даже не вспоминал о случившемся. Другое не давало покоя в этой истории. То было первое столкновение с советской властью, пошатнувшее наивные студенческие представления тех лет.

Когда вам двадцать

Но — все по порядку. Был такой фильм «Мне двадцать лет». И жаль, что уже был, потому что это название лучше всего подошло бы к моему рассказу.

Вообразите: лето, степь, красота несусветная, и среди всего этого — мы, молодые, сильные, жизнерадостные. Это ведь только звучит скучно — «студенческий отряд» да «по комсомольской путевке». А на деле: ночь, тишь, луна, суслики всякие шмыгают из-под фар. Если, как утверждают мистики, человеческая жизнь оценивается суммой райских минут, проведенных на грешной земле, то в число самых счастливых у меня попадут рабочие часы там, в бригаде, в степи, в 18 километрах от целинного совхоза «Комсомольский».

Знаете, какая там луна в августе? Оторопь берет. Идешь по ночной тракторной колее мимо зарослей чалиги, такого низко-

рослого, побитого ветрами и холодом кустарника, и вдруг — пожар. Степь начинает полыхать. Огонь поднимается и вот-вот охватит то место, где ты идешь. Ужас этого безмолвно надвигающегося на тебя огня заставляет невольно ускорить шаги, хотя чувствуешь, что это не пожар. И вдруг из-за горизонта поднимается невиданная в наших местах огненная луна! «Ух ты, черт!» — в сердцах ругаешь собственный страх и останавливаешься, чтобы полюбоваться тем, как минуты назад черная и неприветливая целинная степь осветилась таинственным холодноватым светом и все проявилось по-новому, не как днем...

Но вернемся к прозе жизни. Формально должность моя называлась не комбайнер, а всего лишь помощник комбайнера. Но так уж случилось, что наставник наш вынужден был наблюдать за работой издалека. Жаль его было: пока ехал сюда, на уборочную, не выдержал железнодорожного безделья, затосковал, запил, как умеют пить лишь на Руси. То есть по-черному. И в соответствующем состоянии... Тут рассказы расходятся: в общем, не удержал равновесия, налетел на какую-то железяку, повредил позвоночник. Ходить не мог. Сидеть тоже. Дотащили его до хирурга, предложили остаться в больнице. Но наш заслуженный комбайнер, как истинно русский мужик, «пусть помру, — говорит, — но на поле».

И вот каждое утро мы с моим другом Борей Захаровым везли его «на работу», подсаживали, бедного, на высокий стог, водрузив сверху флаг, чтобы какая-нибудь шальная машина не схватила беднягу своими железными лапами и не отправила в большую копну, а то и куда подальше. И он, полулежа, знакомил нас с устройством прицепного комбайна, учил делать шплинты, чинить что сломается, за что в бригаде исправно начисляли ему зарплату, вполне, впрочем, заслуженную.

Знаете, друзья, что такое счастье? Вот это оно и есть — получить в полное распоряжение гигантскую, мощную, добрую

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

машину. И очень умную, что бы ни говорили всякие трактористы.

Как мы там вкалывали! Любо-дорого было и поглядеть. Работали мощно, победно, на пафосе. Впервые в жизни я ощутил высшую сладость самозабвенного труда как смысла человеческого существования.

Не все были согласны с такой философией. Многих раздражал трудовой энтузиазм. Особенно выделялся один лодырь из местных, Васька Тиунов, только что освободившийся после отсидки. Он был то ли лентяй от природы, то ли косил под вора в законе (те, как известно, никогда не работают). Но только из всей студенческой приезжей команды сразу же выделил меня, вероятно, как полную себе противоположность. И буквально не давал прохода. Его раздражало все. И что вкалываю с утра до ночи, и что оправдываю авральный энтузиазм.

— Зря горбатишься, фраерок, — пророчил, глядя на меня, как рыбак на червяка. — Что соберете, все равно пропадет.

Самое жуткое, что он оказался прав.

Ты начальник — я дурак

Теперь про саму историю — глупую, надо признать. Хотя по влиянию, может, и судьбоносную. Впервые в жизни увидел какую-то дурь властей, их некомпетентность и полное безразличие. Так что когда через много лет решился стать руководителем, организатором производства, это было ответом на тот эпизод, о котором сейчас расскажу.

Однажды с утра объявляют: никому не расходиться, приезжает товарищ Мухитдинов.

— Ну и хрен с ним! — говорю. — Мне работать надо.

— Дурак ты, Лужок. Он тут знаешь кто? Кандидат (усек?) в члены (понял?) политбюро. Это как местный хозяин, что ли.

Приехал хозяин на черной «Чайке». Очень странно смотрелся его сверкающий никелем лимузин среди наших вагончиков, замызганных тракторов и полевой кухни, представлявшей груды закопченных камней с грязным котлом посередине.

Народ собрался на встречу с высоким начальством. Народ — это пятьдесят два человека студентов, плюс механизаторы, плюс их жены. Довольно живописная компашка среди бескрайних полей.

Мухитдинов начал читать свою лекцию. Говорил о важности решения проблемы продовольственного обеспечения. Подчеркивал, что урожай — общенародный подвиг. Педалировал, что каждый должен приложить максимум усилий. И прочую хренотень.

Народ сидит, слушает. А надо сказать, накануне наши трактористы ездили в магазин за спиртным. В автолавке-то ничего нет, кроме конфет «Золотой ключик». А магазин — это только так говорится, «ближайший», а на деле по прямой через степь сорок шесть километров. Теперь вот считайте. Трактор идет семь километров в час. Делим сорок шесть на семь, получаем семь часов в одну сторону, семь обратно. Вернулись на следующий день. Водки, конечно, не нашли, зато закупили «Тройной одеколон» в невероятном количестве. Мне было противно даже смотреть, как они его пьют. Аромат соответствующий благоухает на всю степь.

И вот, значит, Мухитдинов говорит о важности проблемы продовольственного обеспечения, народ слушает его речь, но в силу описанных обстоятельств интерес стал угасать. Впрочем, и сама речь была такой, что без всякого «тройного» заснуть можно.

Вдруг один из местных механизаторов его прервал. Все как бы прснулись. Народ там простой, многие из мест не столь

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

отдаленных. Начальство, конечно, уважают, но и привычку прямого разговора тоже не вытравишь.

— Слышь, начальник, мы все это знаем, — сказал тракторист. — А ты вот что скажи: как бы это в другом нам помочь бы...

И начал рассказывать. Что негде купить даже резиновых сапог...

Тут надо прерваться и рассказать о самой проблеме. А она действительно была. Ни в бригаде, ни за десятки километров вокруг, ни в автолавке, которая приезжала к нам регулярно, не было вообще ничего, кроме уже упомянутых конфет «Золотой ключик», которые мы уже видеть не могли. И вот представьте: карманы у людей набиты деньгами, потому что платили прилично. Работа круглосуточная, зверская. Мы проявляем чудеса героизма, а купить ничего не можем. Даже брюк хоть каких-нибудь захудалых взамен порвавшихся — и тех не достать.

— Да это ладно, проходим и так, — продолжает механизатор. — Бог с ними, с опорками. А вот жратвы бы надо ну хоть какой. А то жрем эти... субпродукты тухлые. Суп из кишок варят, воняет хуже дерьма. И хлеб, глянь-ко: собираем вон колос какой, а хаваем не пойми чего. Скрипит на зубах.

Мухитдинов в некотором раздражении его оборвал. Сказал, что товарищ не понимает значимости текущего момента, который определяет не тряпье, а цель — убрать урожай любой ценой.

Механизатор не отступает:

— Чо-о ты нас тут воспитываешь? Да уберем мы твой урожай, мать его. А ты реши нашу лапшу, и лады. Чо-о возникнуть-то!

Завязалась перепалка. Некоторые из присутствующих не могли сдержаться. Кое-кто из студентов тоже принял участие в обсуждении. Нетрудно догадаться, кто именно.

Я подключился к разговору откровенно на стороне механизатора. Сказал, что мы все тут воспитаны на уважении к старшим. Но нельзя так обрывать человека, если он говорит дело.

Товарищ Мухитдинов, как в замедленной съемке, стал поворачивать ко мне свою красную, как из парилки, физиономию. Когда наконец увидел, что с ним разговаривает двадцатилетний сопляк, неожиданно рассвирепел. Я даже не понял, в чем дело. Вроде как ничего не сказал. Но, вероятно, слышать от мальчишки замечания в адрес «кандидата в члены» — было нарушением не только субординации, а всех законов мироздания. Повернувшись наконец ко мне целиком, хозяин степи произнес голосом, не допускающим возражений:

— А вас, молодой человек, прошу покинуть собрание!

В воздухе повисла пауза. Вождь ждал.

Я тоже.

Строго говоря, «покидать» было нечего. Собрание проходило на открытом воздухе. Несколько лавок, обеденный стол, а дальше — как в русской народной песне, «степь да степь кругом». Так что куда идти, мне, например, было неизвестно. Так и сказал:

— А куда прикажете идти? Мне, например, неизвестно, где дверь.

Тут он покраснел до такой степени, какую я видел лишь в детстве, созерцая паровозную топку. Правда, та не брызжет слюной.

Фраза, которую он из себя выдавил, была достойна книги рекордов:

— Вообще уйдите в сторону!

Надо сказать, что в такие моменты я каменею. Как статуя Командора.

— В какую? — спрашиваю, не двигаясь. Народ рассмеялся. Мухитдинов раскалился до кондиции доменной печи. Можно было плавить чугун.

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

И тут совсем рядом послышалось чревовещание (ибо рта никто не раскрыл): «Юра! Уходи от беды!» Заклинание это исходило из внутренностей нашего комсомольского секретаря Саши Владиславлева (да, да, того самого Александра Павловича, известного теперь политолога, которого вы нередко можете видеть по телевизору, а тогда это был просто Саша, отличник, комсорг и ленинский стипендиат). На той площадке он был единственным, кто мог остудить мой пыл.

А дальше произошло неожиданное. Двинувшись, как было приказано, «в сторону», то есть прямо на товарища Мухитдинова, я, проходя мимо, на секунду задержался и под пристальными взглядами присутствующих запанибратски похлопал «кандидата в члены» по плечу, отчеканив громко, чтобы слышали все:

— Ну ты, дорогой, далеко пойдешь. Если не остановят.

И ушел. Встреча высокого руководителя с народом была сорвана. Вождь сел в свой «членовоз» и отчалил.

Правда, уехал он не один, а прихватил с собой нашего бедного комсорга. И всю дорогу выговаривал ему то, что не успел сказать мне при личной встрече. Разговор, впрочем, сводился к одной незамысловатой идее: следует немедленно исключить «этого Лужкова» из комсомола! Сейчас же. Сегодня же. Но так как Саша эту мысль не развивал, то, повторив ее в сто первый раз, разобиженный партийный босс выбросил нашего комсорга на дорогу где-то перед совхозом «Комсомольский», так что тому пришлось возвращаться на своих двоих, а это километров восемь как минимум.

Увидели мы своего лидера только глубокой ночью. Как человек дисциплинированный он тут же созвал собрание. Всех — усталых, заспанных — поднял на ноги, усадил вокруг стола, предложил высказываться под протокол. И тут, дорогие читатели, я снова хочу попросить вас вообразить всю сцену: луна, теп-

лая августовская ночь, мелочь всякая шуршит в траве — и в этой дивной декорации, больше подходящей для кино о любви, сидят юные, цветущие парни и девушки, слушая какое-то дурацкое предложение об исключении своего товарища из комсомола. А это по тем временам сами знаете что.

Кончилось тем, что каждый высказал примерно следующее: поведение Лужкова было неуважительным, но небезосновательным. Ждали, что скажет председатель. И здесь наш комсомольский босс показал высший класс бюрократической эквилибристики, озвучив наконец то, что не стал говорить оскорбленному «кандидату в члены»:

— К сожалению, товарищи, согласно уставу, временная комсомольская организация не обладает полномочиями исключать своего члена из рядов ВЛКСМ.

Я отделался общественным порицанием. По приезде в Москву имел, правда, некоторые осложнения. Но думаю, гораздо большие сложности были у Саши. Товарищ Мухитдинов еще полтора года теребил институт звонками «сверху» и требовал от ректора и комсомольских боссов моего исключения. Но институт держался. Я был отличником, примерным студентом, награжденным, кстати сказать, за ту самую работу в поле почетным знаком ЦК ВЛКСМ! Как ни трудно было выдержать давление злопамятного кандидата — затанули, замотали, спустили на тормозах.

Наследники Мухитдинова

А я не мог пережить. Но не эту историю (о ней-то, как было сказано, благополучно забыл). А что весь урожай, который мы собрали, «сгорел». В смысле сгнил. Прямо на току. Вначале, говорили, не было элеваторов, потом наступила распутица.

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

Короче, весь труд, весь результат беззаветной, сумасшедшей, вдохновенной работы пошел прахом. Прав оказался мой идейный враг Вася Тиунов. Зря мы там горбатились. И все из-за этого Мухитдинова! Вероятно, если б не видел в натуре его безразличия, так бы не возмущался. А тут просто не мог успокоиться: во гад! Ведь если бы он, паразит, думал не о себе, а о деле, не об идеологии, а о людях, не о цифрах, а о стране, ему ничего не стоило и урожай спасти!

Вы скажете: ну ладно, чего сейчас кипятиться-то, те времена уж прошли. Да нет, братцы, не прошли, к сожалению. Если смотреть по результатам реформаторских игр последних десятилетий, то никуда эти времена не делись. Те же традиции номенклатурного управления лежат в основе всех наших бед на селе. И какая крестьянину разница, что прежние Мухитдиновы говорили о коммунистических идеалах, а наследники их на либеральные ценности молятся. Стиль-то один, методика та же. Как те шли не от реальности, а от абстрактной идеи, так и эти. Такая же неспособность просчитать последствия принимаемых решений. Такое же восприятие действительности «из окна персонального автомобиля».

Взять для примера — да хоть эту... будь она трижды неладна, «паевизацию». Это почти то же самое, что знаменитая чубайсовская ваучеризация (во всяком случае, по своим последствиям стоит с ней в одном позорном ряду). Говоря конкретнее, это когда крестьянин получает не землю, а только бумажку, не участок, а «пай» — свидетельство о праве коллективно-долевой собственности на кусочек бывшей колхозной земли.

Посмотришь, как сделано, — все тот же мухитдиновский схематизм. Такая же убежденность, что нужно только следить за чистотой внедряемых принципов, а что на поверку право на землю у крестьянина есть, а земли нет, это в макроэкономиче-

ском масштабе высоколобой теории — мелочи жизни. Но ведь не зря говорят: бес скрывается в мелочах.

Конечно, есть сегодня примеры и успешных фермерских хозяйств, и эффективных крупных агрохолдингов. Есть и руководители, прилагающие максимум усилий, чтобы создать условия и возможности для модернизации и роста сельского производства и улучшения крестьянской жизни. Причем, как правило, одно к другому-то и прикладывается — нормальное хозяйство прорастает удобрением умной и добросовестной власти.

Дай-то бог, чтоб таких примеров было больше. Но, по несчастью, сегодня это все больше исключение, а не правило. Примеры подвига и подвижничества, а не нормы. Потому как по большей части правит да пожирает все вокруг та же самая мухитдиновщина.

Вот, допустим даже, будущему фермеру все же удалось проявить чудеса настойчивости и протащить по изощренной бюрократической процедуре во всяких зачуханных конторах не только свое право собственности на землю, но и землю как таковую не на бумаге получить.

Ну да, а дальше-то что делать — работать? А как тут работать, если старая хозяйственная инфраструктура разрушена? Выделенный участок находится за тридевять земель, да до тех земель тьма верст непролазного бездорожья. Самый свежий трактор — девяностого года выпуска. Да и того не дозовешься. Солярка дорогая. Смотришь на свой участок, и руки опускаются, ибо представляет он собой пустующее неудобье, зарастающее березняком. Надо вкладывать деньги, чтобы все окультурить. А как это сделать, ежели нет ни доступных кредитов, ни системы реализации произведенной продукции, чтобы кредит отдавать. А вокруг мошकारа спекулянтов, братков да прочих завистников, вовсе не считающих зазорным ни запойное безделье, ни воровство.

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

Реакцию мужика на эту ситуацию предсказать нетрудно (от «авось» до «пошло оно все»), а кое-кому только того и надо. Ведь противостоят ему не только «экономические условия», но еще и местные князьки, рейдеры да чиновники, которые зорко следят, чтобы ничто не ушло на сторону, не ушло далеко от их загребущих ручонок.

Для таких колорадских жучков что фермер, что крупный агрохолдинг-землевладелец — самая прямая угроза местечковым и корыстным интересам. А потому они вовсе не собираются предоставлять крестьянам и инвесторам гарантии долгосрочного пребывания и работы на земле. Им-то как раз гораздо выгоднее нынешняя система «бумажных землевладельцев», при которой те же крупные агропредприятия допускаются на землю не как собственники, а лишь как арендаторы (да еще краткосрочные, да еще без гарантий, что земля останется за ними через 5 или 10 лет).

Вот и получается, что нынешняя система поощряет не серьезных производителей, а временщиков, стремящихся только выдать деньги, — таким без собственности даже проще и безопаснее. Не нужно вкладываться в землю, не надо беречь ее и заботиться, а надо лишь хищнически эксплуатировать, а там хоть трава не расти. Ничего в итоге и не растет.

Опасные уравнения

Анализируя весь ход агрореформ 90-х годов, приходишь к выводу, что ни прежние «кандидаты в члены», ни пришедшие им на смену управленцы-рыночники, как бы поточнее сказать, не нуждались в гипотезе о существовании народа. Соблазняя людей непроработанными идеями и непонятными ценностями, они так и не научились замечать переминающегося с ноги на

ногу и ломающего перед ними шапку мужика. Отношение к мужику у либерал-реформаторов осталось точно таким же, как у коммунистических предшественников. Лес рубят — щепки летят. Перемелется — мука будет. А что мука эта будет не наша, а импортная, так ведь это что в масштабе мировой революции, что в угаре всемирной глобальной торговли — так, сущая ерунда.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что вся вот эта ерундистика — порождение не только семидесятилетнего владычества советской власти и разгульных 90-х годов.

Нет, подобные методы сельскохозяйственного реформирования, когда душа мужика, его мотивации, его чувства и навыки в учет не идут, это еще и следствие более глубоких традиций российского реформаторства, о которых писал (наблюдая еще первую крестьянскую реформу) М.Е. Салтыков-Щедрин:

«Речь шла не об действительной участи людей, а о решении уравнений с одним или несколькими неизвестными. Но когда живые люди постепенно доводятся до состояния теней, то они делаются вполне равнодушны к тому, какие решаются об них уравнения. „Все равно, братцы, помирать!“ — говорят люди и действительно начинают помирать, как будто и невесть какое мудрое дело делают...»

Я к чему это все говорю? А к тому, что сегодня, слава богу, принят национальный проект развития села. Впервые за долгое время отважились, наконец, на государственном и системном уровне заглянуть в «черную дыру агропрома». У крестьян, у российской деревни появилась надежда, что уйдем от пропасти, к которой с таким упорством до сих пор приближались.

Вот эта народная надежда — и есть суть дела. Вот ее-то ни в коем случае нельзя ни предать, ни обмануть. А то «урожай» снова сгорит, и Васька Тиунов снова окажется прав.

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

Потому как раз очень нужно изменить тот самый наш фирменный управленческий подход и в центр поставить не абстрактные макроэкономические заморочки, а реальные сельские беды... Увидеть наконец человека-крестьянина во плоти.

Рано или поздно нужно понять, что, изрядно смягчая народное мнение, с товарищами Мухитдиновыми и их наследниками нам на одном гектаре делать нечего. Нельзя, чтобы они и им подобные, используя и прикрываясь лозунгами о текущем моменте, вновь продолжали обдуривать крестьянина. Иначе снова случится так, что люди станут равнодушны к тому, какие решаются об них уравнения.

Что бы ни думали наши практически мыслящие члены правительства, но ни нефть, ни газ, ни никель, ни алмазы, которые нынче в такой цене, не скрепляют великий исторический организм, именуемый Россией. Эти выкачанные из земли богатства никогда не обеспечат нам национальную солидарность, а нефтяная труба не способна стать общенародной магистралью.

Земля и труд на этой земле исстари формировали российский народ, создали национальный характер, натуру, культуру. Это фундамент нашей самобытности, хранитель национальных традиций, одна из глубинных основ национальной спайки.

Потому сельское хозяйство — не просто отрасль экономики. Развивать надо не только аграрную экономику, пахоту, луга и леса, но и человека, живущего и работающего на этой земле. Поэтому следовало бы назвать национальный проект не «Эффективное сельское хозяйство», а «Возрождение русской деревни и сельской жизни». И соответствующим образом расширить и дополнить его содержание, расставить акценты и обозначить приоритеты. Использовать для этого хотя бы часть ресурсов национального развития, которые сегодня продолжают стабилизироваться до состояния кладбищенской пыли в угоду тем самым макроэкономическим уравнениям.

Юрий ЛУЖКОВ. ТАЙНА ГОСТИНОГО ДВОРА

Государственная стратегия на селе, создание сельской инфраструктуры, восстановление аграрного машиностроения и даже упорядочение собственности на землю — все это можно сделать так или иначе, если в обществе будет согласие по главному вопросу.

А главный вопрос такой. Если мы готовы похерить страну, которая называется Россия, и сделать какую-то другую, за которой будет иное духовное содержание, то пускай все идет как идет, давайте не замечать, что наша деревня на последнем издыхании. Если же нам нужна именно наша история, наша традиция, наш национальный дух, наше будущее, то должны понять наконец, что без российской деревни ничего не получится. Там, в сельских просторах, хранится российское сердце, там сберегается тайна русской души.

«Московский комсомолец», май 2006 г.

Пуля

Эта пуля лежала в маленькой жестяной коробочке с надписью «Монпансье». Сосед открывал коробочку и давал потрогать. Иначе как «сволочь» он эту пулю не называл. Долгое время я думал, что «сволочь» и «пуля» — одно и то же. Мне было шесть. Шла война. Крошечная немецкая сволочь лежала, вымазанная соседской кровью, и притворялась мертвой. Я столько ее разглядывал, что кажется, помню все вмятины и царапины до сих пор.

Пулю вытащили из соседской груди, откуда-то из-под сердца. Для нас, всей дворовой ребятни, это было большой удачей. Теперь мы смогли играть в войну, опираясь на вещественные улики и информацию из первых рук.

Информация была скупой и однообразной. Это сейчас мальчишки играют в киношных победителей пластмассовыми стрелялками. А тогда, в сорок втором, вместо ружей у нас были арматурные заточки, и играли мы совсем не в победу. В сопротивление.

Разумеется, детские игры менялись по мере движения фронта. Но в начале войны большого разнообразия не было. Бежать под воздушным обстрелом по открытому полю, то есть дворовой свалке. Или пробираться по ночному лесу (на деле по цехам мыловарки), чтобы выйти к своим. Или лежать в заледенелой грязи рядом с неразорвавшейся бомбой, не шевелясь, в виду немецкого поста.

Разыгрывая все эти сценки со слов забинтованного соседа, мы подражали взрослым в главном и общем деле: выстаивать не смотря ни на что. Дрались до последнего. Сдаваться было нельзя. «Ничего ты со мной не сделаешь» — вот этический принцип из тогдашнего детского словаря.

Сегодня Отечественная война вспоминается от конца, от победы. В памяти она сохранилась как бы в обратном времени. На деле все было не так. Фрицы стояли вплотную к Москве. Мир со дня на день ждал капитуляции русских. Все было, по нормативным понятиям, кончено.

Ведь французы незадолго до этого испытали такой же удар и быстро сдались. Бельгию германская армия оккупировала вообще без единого выстрела. Свободолюбивые европейцы не стали сопротивляться тысячелетнему рейху. Они не были готовы держаться не только до последнего солдата, но и до первого. Они не посчитали свободу той ценностью, ради которой стоит жертвовать людьми, опустошать землю, разорять благоустроенный быт. Они действовали в своей рационалистической логике и были по-своему правы. Всякая война когда-то кончается, ко всему человек приспосабливается, под фашистами тоже можно жить. Так рассуждали граждане свободной Европы, и весь опыт истории был на их стороне.

Но логика русской войны иная. Она опрокидывает сами основы европейской рациональности. По какой-то неведомой миру причине именно в ситуации безнадежности сопротивление россиян становится особенно отчаянным. Вот как пишет об этом один из ветеранов войны, участник московского ополчения:

«В 1941 году советская армия была разгромлена. Остатки отступали в хаосе, но в этом хаосе отдельные части продолжали сопротивление, видимо бессмысленное, и продержали немцев до жестоких морозов.

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

Гebbельс объяснял это примитивностью русского характера, неспособностью понять, что война проиграна. Но Геbbельс сам не все понял. Типического русского солдата хаос не деморализует, наоборот — вдохновляет на упорство, мужество, отчаяние, вдохновение полета над хаосом. Когда вода „доходила до горла“, к русскому солдату, офицеру, генералу приходило второе дыхание, энергия стресса» (*Г. Померанц*).

Это — парадоксальная, на взгляд европейца, реакция. Сопротивление без расчета и смысла. Не выживание, а выстаивание. Ни прагматически, ни рационально такое поведение объяснить нельзя. Оно не имеет ни обоснований, ни аргументов. Оно самоценно и иррационально, не подчинено никакой разумной капитуляции, рассуждениям о потомстве и прочем.

Стоять до последнего солдата, последнего патрона, умереть в последнем окопе. Отрезать всякую надежду, что потом найдется какой-то иной выход.

Таков уж национальной характер. Какая-то упертость воли «у бездны мрачной на краю». Человек опускается на дно отчаяния, но именно там его ждет преображение духа, победа над телесным страхом, выход в иное измерение, где открывается второе дыхание, третье, четвертое...

Сейчас говорят: «Сталин не жалел людей». Это правда. Но правда и то, что люди не жалели себя сами. Никаких заградотрядов тогда под Москвой не было. Вождь мог отдавать свои приказы потому только, что солдаты и ополченцы, вроде нашего соседа, держали сопротивление, в совершенно безнадежном положении продолжали обороняться. Отстаивали последнюю высотку, овраг, превращали хуторский дом в неприступную крепость. Поднять руки, сдаться, капитулировать не приходило в голову. Не на тех, как говорится, напали.

Недавно на праздновании юбилея Победы один иностранец, подняв бокал, сказал, что любовь к свободе у русских оказалась

сильнее, чем у европейцев. Это красиво, но не верно. Тут решала не страсть к свободе, а особое, чисто сыновнее отношение к земле. И еще одно обстоятельство.

Россиянин самым цивилизованным укладом изначально приспособлен к чрезвычайным ситуациям. Хаос не деморализует его. Он не теряется в обстановке развала, когда ни общего плана, ни связи со штабом, ни поддержки. Он не пасует, сталкиваясь с новым и непонятным, с чем-то таким, что возникло неизвестно откуда, и нет прошлого опыта, на который можно было бы опереться. В обстановке военной неразберихи он вырабатывает в себе способность относительно нормально жить под огнем. Таков национальный характер.

Обо всем этом рассказывал наш сосед. Он пошел в московское ополчение в первые дни войны. На призывном пункте получил трофейную канадскую винтовку и двадцать патронов к ней. «Больше ничего нет, — сказал военком. — Подберешь у кого-нибудь».

И вот с этой винтовочкой вместе с тысячами других москвичей пошел оборонять столицу от немецких танков. А потом были кровь, грязь, мороз, горы трупов и все, о чем мы слышали в его рассказах. И негибаемость, несмотря ни на что.

Когда его подстрелили, война для него вовсе не кончилась. Он лежал забинтованный, а рядом на столике лежала вытянутая из его тела немецкая пуля. Никакой другой мысли, кроме как возвратиться на фронт, у него не было. Жизнь как бы остановилась и потеряла на время смысл.

У него родилась идея, по нормальным меркам сумасшедшая. Он решил вернуть эту пулю. Как можно быстрее поправиться и отправиться на передовую. Весь двор провожал своего героя. Пулю, конечно же, взял с собой. Что было дальше, я уже знаю гораздо лучше, потому что когда сосед снова вернулся, мне было десять. Вернулся весь в орденах, с нашивками за ране-

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

ния и осколками в позвоночнике, почему получил кличку Кривой.

А рассказ был такой. Однажды на фронте, оказавшись в какой-то деревне, подобрал слесарные инструменты. Выковырял из ружейного патрона родную российскую пулю, приладил немецкую. Положил отдельно в карман. И решил: увидит немца, прицелится и вернет.

И вот как-то раз на Белорусском фронте, в местечке с названием, каких много, Сосновка, решил эту свою идею осуществить. Увидел фигуру с вражеской стороны. Зарядил заветный патрон, прицелился, спустил курок. Немножко далековато. Фигура упала. Он был отмщен.

Наступило спокойствие, какого ни до, ни после он никогда в жизни не переживал.

Вся эта история вспомнилась мне недавно по какой-то ассоциации, но не прямой, а, как говорят математики, «от противоположного». Но очень противоположного. Представьте себе: еду по мирной, красивой, залитой солнцем Москве, включая по случайности радио. А там какая-то дама, специально приглашенная в студию, рассуждает о будущем нашей страны.

— Скажу крамольную вещь, — вещает в эфире дама, — но Россия станет великой страной, только когда войдет в свои естественные пределы. А громадная страна, от Калининграда до Камчатки, — это не естественные пределы.

— А какие же естественные? — интересуется ведущий. — Московия какая-нибудь?

— До Урала наши естественные пределы! — уточняет дама. — «Сверхдержава» — это идея. А мы живем каждый день с вами, дорогие мои слушатели. Нам нужно покупать еду, одежду, платить квартплату, ездить в поезде, видеть друзей, дарить им подарки. Мы живем каждый день и мы должны жить нормально,

как люди. Нужно ли для этого стать сверхдержавой? Не уверена!..

Вся эта пошлость не стоила бы выеденного яйца, если бы так думала одна эта дамочка, у которой весь горизонт — в гости ходить да подарки дарить. Но вот что подобная система ценностей распространяется все шире, идеал обывателя отождествляется с ценностями демократии и почему-то ведет к развалу страны, куда более тревожно.

Недавно российские СМИ бросились обсуждать доклад ЦРУ о грядущем распаде России. И знаете, что выяснилось? Никто даже не ужаснулся. Наоборот, когда радиостанция «Эхо Москвы» задала слушателям вопрос: «Считаете ли вы эту угрозу реальной для нашей страны?» — почти две трети (71 %) спокойно ответили «ДА». Во как! Нет, вы только вдумайтесь: две трети! наших с вами сограждан! Позволяют себе такую святотатственную, такую недопустимую вещь, как сомнение в будущем существовании России.

Как это могло случиться? Ведь еще недавно ничего подобного нельзя было себе представить. Мы всегда ощущали собственную страну как священный дар, полученный от предков. Защищали этот дар не жалея жизни. И вдруг свыкаемся, оказывается, с мыслью, что от России не останется ничего, кроме нескольких малозначащих государств? Я всерьез спрашиваю.

Почему один и тот же народ в той, реальной войне держится до конца, а в этой, виртуальной, «холодной», мифической, вдруг теряет волю к победе, капитулирует и даже готов, в качестве контрибуции, сдать страну?

Почему, когда была угроза, край, бездна, люди в буквальном смысле отдавали жизни, собственной кровью и телами защищали отчизну — а сейчас, когда ничего этого нет, тот же народ с такой легкостью признает свое поражение, объявляет об этом на весь мир, подвергает сомнению всю свою историю и готов сдать

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

отчизну на растерзание и развал? Куда делась способность к сопротивлению?

Это необъяснимо. Может быть названы сотни причин и тысячи виновных — у нас насчет виноватых всегда все в порядке. Но, если по делу, тут нечто загадочное, и никакие гипотезы о происках забугорных спецслужб ничего не дают.

Есть в русском народе какая-то тяга к крайностям. Что-то такое, что отражается в национальных поговорках: **«пан или пропал»**, **«все или ничего»**, **«либо петля надвое, либо шея прочь»**...

Отчаянное самопожертвование, с каким отстаивали страну от фашистских полчищ, и необъяснимая апатия, постигшая многих сейчас, — это две стороны одной медали. Единый институт национальной спайки, который в обоих случаях дал нестандартный результат. Тот самый народ, который тогда отчаянно сопротивлялся, сейчас разочарован. В этом разочаровании — та же страсть, та же способность сносить несчастья, но не позор. Жертвы, но не унижения. Тяготы, но не втоптывание в грязь, не очернение всего, ради чего мы жили. Доза этого яда оказалась большей, чем мог вынести российский народ.

Приведу размышление человека, которого возмущившая меня интеллигентная дама наверняка почитает, но плохо прочла:

«Никакое количество русских... еще не образует народ. Это чистое количество, эта пшеница человеческая жаждет быть размолотой, обращенной в муку, выпеченной в хлеб. Состояние зерна в хлебах соответствует состоянию личности в том совершенно новом и не механическом соединении, которое называется народом.

И вот бывают такие эпохи, когда хлеб не выпекается, когда амбары полны зерна человеческой пшеницы, но помола нет. Политическая независимость больше не делает народа. Только бросив свой мешок на новую мельницу, под жернова новой забо-

ты, мы получим обратно уже чистую муку — нашу новую сущность как народа».

Это пророчество написал не какой-нибудь идейный «государственник», а замученный в лагере великий поэт О. Мандельштам.

Сейчас мы — механическая сумма частных граждан, электорат, население. Но не народ в том глубинном понимании, о котором говорит поэт. Не люди, объединенные чувством причастности к целому, общенациональному пониманию смысла и жизненной цели.

Гитлер о таком противнике даже мечтать не мог. Он боролся именно с народом — и проиграл. Но вот подточилась какая-то спайка, и вдруг тех самых людей, которые могли выдержать войну, блокаду, отступление, приглашают стать коллаборационистами, способными лишь выживать, но отнюдь не выстаивать.

Позор, унижение выбивают из народа кураж. Произошел обвал — насаждая чернуху, переписывая историю, лишая прожитую жизнь смысла, превращая людей в частных, тихой сапой стремятся покончить с русским народом, лишить его чувства общности, сделать каждого человека отдельным и отчужденным. Народ как бы опустили перед лицом истории, отменили право на существование. Как следствие — утрата воли к жизни, способности к сопротивлению, готовность признать свое историческое и национальное поражение. Никто — ни политик в Кремле, ни солдат в Чечне, ни олигарх, ни последний забулдыга — сегодня не ощущают себя частью единой национальной сущности. Огромная, стасорокамиллионная страна висит в воздухе, лишенная цели и точки опоры. Обрублена смыслопорождающая ветка.

И все-таки, что ни говори, как ни крути, куда ни кинь... — все равно где-то внизу, подспудно, это чувство общности тлеет. И разгорится, когда «дойдет до горла». Какие бы обманы ни

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

происходили, какую бы холодную войну ни проигрывали — все равно, пока есть хотя бы два русских, сохраняется этот записанный в основном национальном инстинкте духовный код. Он обязательно проснется. Тогда покажем, что еще можем выстоять. И включим второе дыхание, третье, четвертое. Тогда вернутся и драйв, и энергетика, и пассионарность.

Сегодня мы питаемся прогнозами, делаем пессимистические выводы. Но эти прогнозы и выводы слишком линейны, они рождены рационалистической, европейской логикой. На деле страна стоит на ином цивилизованном принципе. Мы лишены формы, но не стержня. Нас можно унижить, но не победить. Здесь держит какая-то иная скрепа, чувство причастности к земле. Оно прорывается спорадически. В скучной повседневности его, может, не видно.

Сейчас нас так же, как в сорок первом, хотят приговорить к поражению. Но эти пророки могут так же ошибиться. Потому что еще не подступило. Нас в этом убеждают, и мы так же отступаем, сдаем позиции одну за другой. И историю, и территорию.

Но хочу сказать всем тем, кто уже привык к мысли о грядущем распаде России: не дождетесь! Или, выражаясь по-западному, «мне очень жаль, господа». Наши предки осваивали суровые просторы страны не потому, что преисполнялись предчувствий о нефти и газе. Мы любим эти земли, наши пращуры выбрали их для жизни. Вот и весь разговор.

Эта детская история имела неожиданное продолжение. Недавно был в Германии. И вот на деловом обеде слышу, как один бизнесмен с немецкой стороны рассказывает между делом, что его отец воевал в России. Был ранен, вылечился, вернулся. Од-

Юрий ЛУЖКОВ. ТАЙНА ГОСТИНОГО ДВОРА

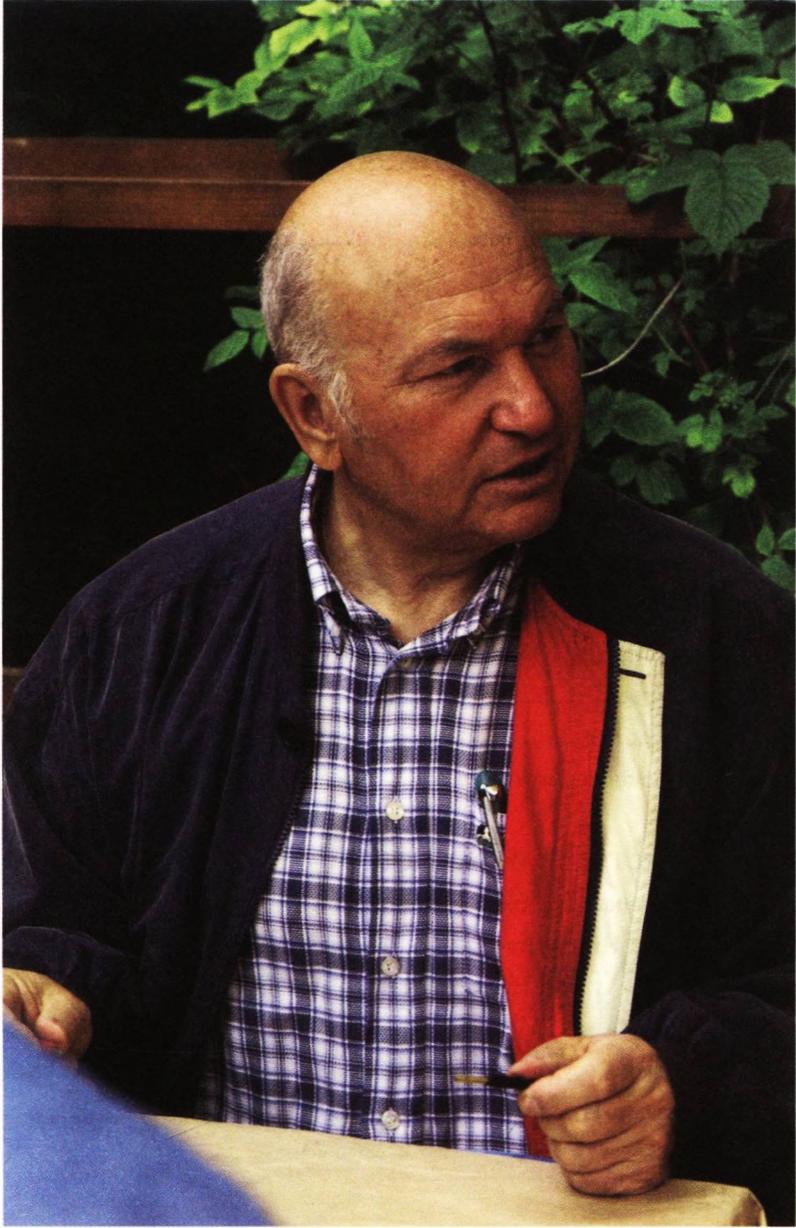
нако всю жизнь возвращался мыслью к той боевой ситуации, где его подстрелили. Дело в том, что когда врач вынул пулю, он был поражен. То была немецкая пуля. Хотя стреляли с русской стороны.

— А на каком фронте это было? — спрашиваю.

— У вас он назывался Белорусский фронт.

Я хотел уточнить название местечка. Но не стал. А вдруг это оказалась бы та самая пуля...

«Московский комсомолец», сентябрь 2005 г.

Lyman

Содержание

<i>М. Щербаченко. Наедине со всеми</i>	3
ПЛАНЕТА МОСКВА	
Тайна Гостиного Двора.....	9
В ожидании предсказанной катастрофы.....	19
Свобода печатать и право знать.....	27
Что такое столичный архитектурный стиль?.....	33
RUSSIA В МИРОВОМ ОКЕАНЕ	
Мы и Запад.....	45
Оранжевая серость, или Обесцвеченная революция.....	58
Тест на незалежность.....	65
Нейтралитет.....	73
Хроника объявленной смерти	87
ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ	
Либеральное и социальное.....	93
О темной стороне Интернета.....	115
Дырки в «паутине».....	120
Гора родила мышь.....	126
«Пираты» унижают государство.....	136
Европейский выбор России.....	145
ЛИЧНЫЙ СЧЕТ	
Что поворачивать: реки или мозги?.....	161
Посторонние?!.....	189
Агро-импотенция.....	197
Пуля.....	211

Публицистическое издание

Юрий Михайлович ЛУЖКОВ

ТАЙНА ГОСТИНОГО ДВОРА

О ГОРОДЕ, О МИРЕ, О СЕБЕ

Статьи и очерки

Ответственный за выпуск *Л. Бурякова*

Художественный редактор *Л. Чернова*

Выпускающий редактор *Н. Пастухова*

Компьютерная верстка *И. Слепцовой*

Корректор *Н. Шашерина*

Подписано в печать 06.07.06.
Формат 70x100. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,06. Тираж 10 000 экз.
Изд. № 06-8199. Заказ № 4581.

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
127473, Москва, Краснопролетарская, 16

Слово «думай» я ценю, пожалуй, превыше других слов, но обращаю его в первую очередь к себе.

ОЛМА
МЕДИАГРУПП

ISBN 5-373-00603-3

9 785373 006033